

КЛУБ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ БАЛТИЙСКОЙ ЕВРОПЫ

БАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Трансформация
социальных и политических институтов**

Сборник научных трудов

Выпуск 3

**Издательство
Российского государственного университета им. И. Канта
2005**

УДК 947:948(08)
ББК 63.3(45)я43
Б207

Редакционная коллегия:

И.И. Жуковский — ответственный редактор; *Ю.Ю. Бардун*;
И.О. Дементьев, кандидат исторических наук;
А.В. Косс, кандидат юридических наук;
С.С. Судаков, кандидат политических наук;
Л.В. Сыроватко, кандидат педагогических наук

Associate editors:

д-р Юрай Марусяк, Институт политических наук,
Академия наук Словакии;
д-р Марек Ярентовский, Институт журналистики
и политических наук Варшавского университета

Ответственность за достоверность публикуемых материалов
несут авторы.

Б 207 Балтийские исследования. Трансформация социальных и политических институтов: Сборник научных трудов / Клуб исследователей Балтийской Европы. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. — Вып. 3. — 199 с.

ISBN 5-88874-645-2

В сборнике представлены научные статьи молодых исследователей-гуманитариев из Германии, Польши, Словакии, Белоруссии и России. Статьи посвящены различным проблемам широко понимаемого процесса трансформации в странах Балтийского региона.

Предназначается преподавателям и студентам вузов для использования в учебной и научно-исследовательской деятельности, а также всем тем, кто интересуется проблемами современных политических и социальных процессов в регионе Балтийского моря.

УДК 947:948(08)
ББК 63.3(45)я43

ISBN 5-88874-645-2 © Коллектив авторов, 2005
© Клуб исследователей Балтийской Европы, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
Раздел 1. Процесс трансформации в Балтийском регионе	
<i>Тарасов И.Н.</i> Верхняя палата парламента в процессе посткоммунистической трансформации	5
<i>Кирчанов М.Н.</i> Латышское национальное движение и проблемы его институционализации в начале XX века	14
<i>Кузнецов О.Б.</i> О развитии института конституционного контроля в Республике Беларусь	43
<i>Телятник П.А., Жуковский И.И.</i> Реформирование системы местно- го самоуправления в России и Польше	52
<i>Кривдинский М.</i> Конфликт вокруг «социального государства» в Польше и его влияние на партийную систему в 90-е гг. XX века ..	72
Приглашенный профессор	
<i>Вагнер Х.</i> Дебаты о Конституции Европейского союза и их последствия	94
Раздел 2. Полемика	
<i>Марусяк Ю.</i> Как идея европейской интеграции сплотила словацкое общество	110
<i>Дементьев И.О., Козловский Н.В.</i> К вопросу о правовых и экономических условиях функционирования общественных объединений в России	130
<i>Лундквист Ю.</i> Моя Россия	144
Раздел 3. Историография. Библиография	
<i>Жуковский И.И.</i> Партийные системы Вышеградских стран на современном этапе: опыт библиографии	148
<i>Жаковска М.</i> Россия и россияне в польской прессе после 1989 г.	160
Раздел 4. Научная жизнь.	
Инициативы по регионалистике и международным отношениям	
<i>Судаков С.С., Борисенко А.Л.</i> Российская ассоциация международных исследований.....	178
<i>Сыроватко Л.В.</i> Проект «Односельчане»: народная повесть	180
<i>Баташев А.Г.</i> «Международник. Ру». История одного проекта	188
<i>Сведения об авторах</i>	196

ОТ РЕДАКТОРА

Сквозной темой третьего выпуска ежегодника «БИ» является широко толкуемая *трансформация* социальных и общественных институтов в регионе Балтийского моря. Понимая дискуссионность самого концепта «трансформация», редакция отобрала материалы, демонстрирующие элементы компаративистского подхода к объектам исследования, показывающие *динамику их изменения*.

Наряду с постоянными авторами и уже традиционными разделами в нынешнем номере рады представить новую рубрику — «*Приглашенный профессор*», в которой первой публикацией на русском языке представлен знаменитый политолог-европеист профессор Хельмут Вагнер (Германия).

Чрезвычайно любопытное исследование Юрая Марусяка по праву открывает рубрику «*Полемика*»; Словакия не является «*балтийской*» страной, но опыт исследования социальных изменений в стране-новичке Европейского союза исключительно важен для исследования происходящих изменений в обществах наших балтийских соседей — Литвы, Латвии, Эстонии, Польши.

Редакция ежегодника не ставила целью данного выпуска разрешение спора о том, является ли процесс политической трансформации универсальным; равно как и не предлагает разрешение дилеммы о том, что важнее — *цель* или *движение* к ней.

«Балтийские исследования» продолжают свое *движение*

Игорь Жуковский
joukovski_igor@mail.ru

Раздел 1

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

И.Н. Тарасов
(Саратов, Россия)

ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА ПАРЛАМЕНТА В ПРОЦЕССЕ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В результате посткоммунистической трансформации восточноевропейские парламенты превратились из формальных институтов коммунистического властвования в действенные механизмы принятия демократическим способом правовых и политических решений. В ходе политического транзита верхняя палата парламента служила сдерживающим инструментом, противовесом устремлениям более радикальной нижней палаты. Благодаря способности обеспечивать равновесие сил, общественную стабильность двухпалатная система парламента получила широкое распространение в посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы.

Наибольших успехов в процессе политического развития добились Польша и Чехия, они далеко продвинулись в направлении консолидированной демократии, что является позитивной перспективой и для российской государственности. Кроме того, Российская Федерация, Республика Польша и Чешская Республика представляют собой три различные формы правления: президентскую, парламентско-президентскую и парламентскую республику соответственно. Опыт посткоммунистического парламентаризма в России, Чехии и Польше свиде-

тельствует о едином комплексе проблем реализации принципов институциональной демократии. Одной из главных проблем является поддержание необходимого уровня политической стабильности для организации эффективной деятельности парламента. В этой связи весьма важен механизм обеспечения его внутренней стабильности. Один из таких механизмов в этих странах — бикамерализм.

Предмет рассмотрения настоящей статьи — является порядок формирования верхней палаты парламента в России, Чехии и Польше. Компаративный подход дает возможность рельефнее подчеркнуть страновую специфику. Вместе с тем мы ставим более важную задачу — определить, возможно ли использование как своеобразного «индикатора» развития посткоммунистического парламентаризма качественных характеристик порядка формирования верхней палаты.

Двухпалатная система парламента закреплена действующими конституциями: Чехии 1992 г. (ст. 15.2) [5], России 1993 г. (ст. 95.1) [7] а также Польши 1997 г. (ст. 95.1) [5]. Закон о выборах в Сенат от 10 мая 1991 г. определяет современные правовые условия формирования верхней палаты польского парламента. Правовой основой формирования чешского парламента является закон № 147/1995 «О выборах в Парламент Чешской Республики». В настоящее время в России действует закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» от 5 августа 2000 г. № 113-ФЗ. В польский Сенат избирается 100 сенаторов (ст. 97 Конституции), в чешский — 81 сенатор, в состав Совета Федерации номинально входят 178 членов.

Сенат в Польше и Чехии, как и российский Совет Федерации, играют в законодательном процессе второстепенную роль, хотя обладают правом законодательной инициативы, могут одобрить закон, принятый нижней палатой, наложить отлагательное вето, инициировать внесение поправок. Основной функцией верхней палаты является представительская.

Самый простой порядок формирования верхней палаты парламента зафиксирован в Конституции Польши. На основа-

нии статьи 97.2 выборы в Сенат — всеобщие, непосредственные и проводятся тайным голосованием. Трансформация польского парламента стала одним из результатов договоренностей власти и оппозиции, достигнутых за «круглым столом» вне парламентских процедур. Вместе с тем восстановление верхней палаты приобретает важное значение для демократизации институтов власти, поскольку выборы в 100-местный Сенат должны были проводиться без ограничительных квот. В результате выборов 1989 г. в Контрактный Сейм и Сенат оппозиция, возглавляемая «Солидарностью», получила 100 % отведенной 35 %-ной квоты мест в Сейме и 99 % мест в Сенате [9].

Современный чешский парламент воспринял традиции довоенного парламентаризма, основанного на принципах чехословакизма Т.Г. Масарика, структурная модель заимствована от федерального парламента 1968—1992 гг. В Чехии статья 18.2 Конституции предписывает проводить выборы в Сенат тайным голосованием на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права в соответствии с принципами мажоритарной системы. На основании закона «О выборах в парламент Чешской Республики» № 247/1995 от 27 сентября 1995 г. победитель сенатских выборов определяется квалифицированным большинством более 50 % голосов. Избирательный закон предусматривает проведение голосования в два тура.

В России, Польше и Чехии ведутся дискуссии о необходимости верхней палаты. В Чехии в 1994—1995 гг. «обсуждение порядка проведения выборов в Сенат раскололо не только [правящую — *И.Т.*] коалицию, но и правительство. Клаус сомневается в необходимости Сената, тогда как Гавел является одним из наиболее твердых сторонников этого института» [11]. Противники Сената утверждают, что двухпалатная структура парламента (ст. 15.2 Конституции) в относительно небольшой Чехии лишь тормозит законодательный процесс, лишает парламент гибкости и оперативности в принятии решений, что необходимо в условиях экономических реформ [8]. Опросы, проведенные в Чехии в январе 1999 г., свидетельст-

вуют, что 64 % респондентов сомневаются в необходимости Сената [2; с. 2]. В Чехии противники Сената образовали «Движение за ликвидацию Сената» (*Akce za zrušení Senátu*)¹ [3; с. 4], в Польше противником Сената себя зарекомендовал Союз левых демократических сил. В России дискуссии по вопросу о необходимости верхней палаты велись более активно в первый, переходный период существования Совета Федерации (1993—1995). Тогда противником бикамерализма выступала левая оппозиция. Сейчас, когда многие региональные лидеры аффилированы с КПРФ, а сам Совет Федерации доказал свою работоспособность, общественная дискуссия ведется не вокруг принципа бикамерализма, а по вопросу о порядке формирования Совета Федерации.

В России порядок формирования верхней палаты неоднократно менялся. Согласно переходным положениям Конституции 1993 г. первый состав СФ избирался путем прямых выборов. В 1995 г. с окончанием срока полномочий СФ первого созыва изменился порядок формирования верхней палаты. Вместо прямых выборов сенаторов вводилась менее демократичная формула представительства региональных властей — в полном соответствии с предписаниями статьи 95.2 Конституции страны. В результате в верхней палате парламента оказались главы исполнительной и законодательной власти субъектов федерации по должности. Такой порядок формирования Совета Федерации был закреплен в федеральном законе от 5 декабря 1995 г. № 192-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации...». Фактически был нарушен принцип разделения властей, представительство населения регионов сменилось представительством региональной бюрократии, на практике верхняя палата превратилась в орган лоббирования интересов отдельных региональных элит. Пятилетний опыт работы Совета Федерации в таком составе показал свою низкую эффективность. Кроме того, изменение политической конъюнктуры,

¹ *Akce za zrušení Senátu* представлял кандидат Франтишек Пильман.

стремление Президента ограничить влияние региональных элит на ход политического процесса федерального уровня способствовали проведению в жизнь очередной реформы СФ. Принятый в 2000 г. новый закон «О порядке формирования Совета Федерации...» заменил глав исполнительной власти регионов на их представителей. Члены СФ от органов законодательной власти регионов избираются региональными парламентами тайным голосованием в порядке, установленном их регламентами. Существующий ныне порядок формирования верхней палаты неоднократно подвергался критике. Председатель палаты С.М. Миронов, позитивно оценив результаты реформы 2000 г. [6], позднее высказывался за переход в перспективе к прямым выборам сенаторов. Действительно, институт представительства региональных властей выглядит менее легитимным, чем участие глав исполнительной и законодательной власти регионов. Если ранее население, избирая депутатов местного парламента, губернатора или президента, косвенно выбирало члена СФ, то теперь сенатор, особенно от исполнительной власти региона, не имеет никакой электоральной связи с населением субъекта федерации. В отношении сенатора от законодательной власти субъекта федерации фактически сложилась двухступенчатая система выборов. Региональный парламента, депутаты которого избираются населением, при избрании сенатора превращается в коллегияу выборщиков. Главная проблема существующего сейчас порядка формирования верхней палаты — слабая легитимность регионального представительства.

Сегодня все более актуальным становится вопрос о переходе к прямым выборам сенаторов в России. Реформа ради реформы не представляет особой ценности. Будущая реформа СФ может быть оправдана, если она направлена на демократизацию порядка формирования, повышение ответственности, профессионализма и эффективности верхней палаты российского парламента. Сложность заключается в том, что переход к прямым выборам в СФ требует изменения статьи 95.2 Кон-

ституции России. При нынешнем «священном трепете» исполнительной власти и большей части законодателей по отношению к Конституции необходимо проявить немалую политическую волю, в первую очередь со стороны Президента, для осуществления данной реформы. С другой стороны, возникают оправданные опасения, что первое «покушение» на Конституцию вызовет волну разного рода поправок и изменений Основного Закона, отдаляющих наше общество от консолидированной демократии [4]. В этой ситуации лишь открытое общественное обсуждение и диалог различных политических сил могут обеспечить конструктивное решение вопроса о реформе Совета Федерации.

Большинство из возможных вариантов реформы связано с изменением Конституции. В проекте, который обсуждался Думой в 1994 г., речь шла об избрании населением членов СФ из числа кандидатур, предложенных законодательной и исполнительной властью региона. Этот вариант в конечном итоге был признан несовместимым с установленными конституционными нормами [10]. Возможно возвращение к опыту формирования СФ в 1993 г. путем прямых выборов на классической мажоритарной основе. В этой связи небезынтересно сопоставление отечественного и зарубежного опыта.

Согласно Закону Польской Республики о выборах в Сенат от 10 мая 1991 г. от каждого из прежних 49 воеводств избирается по 2 сенатора, от Варшавского и Катовицкого — по 3 (ст. 2 Закона о выборах). В связи с проведенной административной реформой число сенаторов от каждого из новых 16 воеводств изменилось, однако общее деление страны на 100 одномандатных сенатских округов было сохранено.

Оригинальная модель формирования обсуждалась в 1992—1995 гг. в Чехии. Конституционная формула ротации Сената каждые два года на треть должна обеспечить непрерывность законодательного процесса. Исходя из этого по времени разведены сроки выборов в нижнюю палату и Сенат. На первых выборах в верхнюю палату планировалось избрать

полный ее состав. Срок полномочий 27 сенаторов должен равняться 2 годам, других 27 — 4 и третьих 27 — 6 годам. По этому вопросу не возникло серьезных разногласий. Христианско-демократическая уния — Чехословацкая народная партия (ХДУ-ЧНП) предлагала избирать 81 сенатора посредством прямых выборов, разделив страну на 27 трехмандатных округов. В таком случае 3 сенатора от округа представляли бы абсолютное большинство его населения. Такое предложение оказалось неприемлемым для правительства, поскольку подрывало доминирующее положение правящей Гражданской демократической партии (ГДП), которая предлагала разделить страну на 81 одномандатный округ. Закон о выборах от 27 сентября 1995 г. зафиксировал формулу Клауса, при которой через каждые два года проводились выборы в 27 из 81 округа [8].

В России при переходе к прямым выборам членов Совета Федерации применение двухмандатной системы мажоритарных округов в рамках одного субъекта федерации могло бы стать поистине революционным. Такая система способствовала бы максимальному представительству населения конкретного региона в СФ, что соответствует принципам консолидированной демократии. Данная система заведомо отводит значительное число мандатов оппозиции. Здравая норма регламента верхней палаты о запрете на организацию каких-либо объединений сенаторов в сочетании с широким представительством способствовала бы более ответственному поведению оппозиции не только в СФ, но и в Думе. Все же объективно следует признать, что применение мажоритарных выборов в двухмандатных округах при формировании верхней палаты российского парламента в нынешних политических условиях столь же маловероятно, как и в 1995 г. в Чехии.

Проблема формирования верхней палаты в Чехии в период 1992—1996 гг. возникла в результате политических спекуляций со стороны ГДП и лично премьер-министра В. Клауса предписаниями ст. 106 Конституции. Ее текст гласит: «До момента избрания Сената согласно Конституции функции Сена-

та выполняет Временный Сенат. Временный Сенат формируется способом, который устанавливает закон. До вступления такого закона в силу функции Сената выполняет Палата депутатов». При этом п. 3 той же статьи запрещает роспуск Палаты депутатов, пока та исполняет функции Сената. Результаты выборов 1992 г. обеспечили ГДП исключительное положение, предоставив партии В. Клауса 75 мест в нижней палате парламента. Правящая коалиция имела возможность принятия любого выгодного ей решения. Формирование Сената внесло бы корректировки в расстановку политических сил, учитывая то, что Сенат должен формироваться по мажоритарной системе, при которой ГДП явно уступала своим конкурентам. Затягивание с принятием Закона о формировании временного Сената велось одновременно с дискуссией о самой необходимости верхней палаты. Непосредственно под влиянием ГДП была основана «Акция за уничтожение Сената». Противники Сената утверждают, что двухпалатная структура парламента в относительно небольшой Чехии лишь тормозит законодательный процесс, лишает парламента гибкости и оперативности в принятии решений, что необходимо в условиях экономических реформ. Сомнения также связаны с принципом ротации состава Сената, поскольку вместо квалифицированной палаты каждые два года формируется собрание дилетантов. Опросы, проведенные в январе 1999 г., свидетельствуют, что 64 % чехов сомневаются в необходимости Сената. Не менее показательны результаты выборов. Явка на выборах в Сенат Чешской Республики в ноябре 1998 г. составила 20,3 %, а на сенатских выборах 2000 г. активность избирателей составила около 30 %, хотя они были совмещены с выборами в местные органы власти, работа которых в большей степени, чем парламента, привлекает внимание граждан Чехии [1]. Первые выборы в Сенат Чехии прошли лишь в ноябре 1996 г. Ротационные выборы 1998, 2000 и 2002 гг. показали, что Сенат начал играть роль политического стабилизатора. Особенностью электорального процесса в Чехии является то, что выборы в Сенат

приобретают большее политическое значение при обострении межпартийной конкуренции за места в нижней палате.

Верхние палаты парламентов России, Польши и Чехии за посткоммунистический период своего существования доказали свою жизнеспособность и институциональную необходимость. Результатом трансформации восточноевропейского парламентаризма на данный момент можно считать конституционное оформление и реальное действие демократических принципов организации и полномочий парламентов. Сейчас нельзя считать этот процесс завершенным, поскольку слишком незначителен временной промежуток, отделяющий их от формализма парламентской жизни времен «реального социализма», невелика практика парламентских выборов и формирования верхней палаты, до конца не разрешены вопросы определения границ полномочий парламентов.

Список литературы

1. *Hospodářské noviny*. — Praha, 2000.
2. *Mladá fronta Dnes*. — Praha, 1999.
3. *Mladá fronta Dnes*. — Praha, 2000.
4. *Евзеров Р.Я.* Дееспособность нынешнего российского парламента // Полис. 1995. № 1.
5. *Конституции государств Центральной и Восточной Европы*. М., 1997.
6. *Миронов С.* Конституция России и задачи Совета Федерации // Российская Федерация сегодня. 2002. № 2.
7. *Новые конституции стран СНГ и Балтии*. М., 1998.
8. *Олсон Д.* Чешский Сенат: от конституционного оформления к выборам // КПВО. 1997. № 1.
9. *Парламентаризм в Центральной и Восточной Европе* // Конституционное право: восточноевропейское обозрение (КПВО). 1995. № 3.
10. *Федосов П.А.* Двухпалатные парламенты: европейский и отечественный опыт // Полис. 2001. № 2.
11. *Холмс С.* Политические аспекты экономического развития Чешской Республики // КПВО. 1995. № 2.

М.В. Кирчанов
(Воронеж, Россия)

**ЛАТЫШСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Начало XX века — принципиально важный этап в истории латышского национального движения. Первые годы столетия были ознаменованы важными процессами и изменениями в развитии региона в составе Российской империи. Она к 1900 г. была «сильно индустриализированной и социально расколотой». Она, как считает современный латышский историк Янис Тауренс, представляла собой «современную индустриальную территорию на уровне Запада, форпост индустриального развития и модернизации России». Политика Российской империи, проводимая на территории Латвии, была характерна для всех национальных районов Империи. Имперская политика в данном регионе имела относительно прочные и устоявшиеся традиции. Она основывалась на сочетании двух различных подходов: с одной стороны, несла в себе сохранение на местах некоторых элементов самостоятельности; с другой — ее неотъемлемой чертой была централизация и унификация. Ориентируясь в первую очередь на местные реалии и национальные особенности, на обстоятельства времени и места, правительство стремилось гибко сочетать применение этих принципов. Начало XX века было тем этапом, когда имела место активизация большинства национальных движений, которая отличалась общеевропейским характером. Эта активизация прошла и по всей территории Российской империи, особенно по менее русифицированным регионам, население которых смогло сохранить свою национальную специфику. К XX веку история латышского национализма насчитывала уже по меньшей мере пять десятилетий и латышские общественные деятели, «образованные слои недоминантных этнических групп», уже имели определенный опыт политической борьбы.

К началу XX века угроза национальному существованию латышей в форме русификации или германизации была уже не столь опасна, как за несколько десятилетий до этого. К 1900 г. положение жителей Латвии в значительной степени отличалось от их статуса 1860-х и тем более 1800-х гг. Латыши, несмотря на то что они оставались преимущественно крестьянской общностью, крестьянским народом (peasant people), были уже сложившейся, по терминологии А. Ливена, «воображенной нацией». Как нация латыши к 1900 г. уже обладали относительно сформировавшейся национальной культурой, творцами которой была латышская национальная интеллигенция. Обладая национальной культурой, латыши вели национально-интеллектуальную борьбу против балтийских немцев. Вторым врагом национального латышского движения были русские националисты. По мнению А. Ливена, они относились к латышскому движению с меньшим уважением, чем немцы [1].

«В политическом пробуждении национальных окраин Российской империи, в развитии национального самосознания населявших их народов важную роль играли возросший экономический потенциал национальных территорий, их втягивание в формирующийся капиталистический всероссийский рынок. В середине века младолатышское движение, являясь выразителем интересов латышского народа, получало идейную подпитку как со стороны Запада, демонстрирующего пример успешного экономического и общественно-политического развития, так и со стороны России, где общество жило в ожиданиях коренных реформ. Консервативное большинство местного немецкого дворянства способствовало повороту младолатышского движения от борьбы за развитие автономии края, ведущей к обособлению от самодержавной России, на путь содействия утверждению российского политического и культурного влияния в крае в ущерб влиянию немецкому и, в более широком смысле, западному. Ориентация младолатышей на поиски союзников в России возникла в результате невозможности добиться уступок у балтийского дворянства» [2]. Именно так характеризует современная латышская историко-

графия предпосылки очередного национального подъема в Латвии в начале XX века.

К началу XX столетия дискриминация в Прибалтике, согласно советской историографии, пронизывала все сферы общественной жизни. Советские авторы считали, что жертвами дискриминации были латыши и другие балтийские народы — литовцы и эстонцы. Что касается латышей, то они, по словам историка, относились именно к этой категории неравноправного населения. Их неравноправие осложнялось и тем, что они угнетались не Российской империей непосредственно, а балтийскими немцами. К тому же дискриминируемые как сообщество, в индивидуальном плане латыши и другие представители нерусских народов имели возможности подниматься по социальной лестнице и занимать любые должности. Несмотря на такую «дискриминацию», «национальная идея, безусловно, стала нормой», а «дух оппозиции царскому правительству и российскому абсолютизму ширился и проявлялся в разных формах». В Латвии было уже немало латышских националистов, национальное чувство стало уже достаточно «устойчивым и народным», но, в отличие от ряда других европейских национализмов, оно не эволюционировало в сторону «национальной гордыни и национальной обидчивости». Сторонниками латышского национализма были не только представители латышской национальной буржуазии и интеллигенции, но и многочисленные мелкие служащие и чиновники — латыши по национальности. Несмотря на это, левая критика национального движения описывала его как исключительно буржуазное — национал-шовинистическое, мелкобуржуазное и реформистское. Такая ситуация, с одной стороны, опровергает предположение хорватского историка Васо Богданова о том, что опорой национализма и консерватизма выступают почти исключительно светские и церковные феодалы, с другой — подтверждает предположение французского историка о том, что новые идеи движутся вниз по социальной лестнице, «к народным массам». В Латвии начала XX века национальное движение стало широким общественным движением со значи-

тельным демократическим содержанием, было направлено на борьбу латышей за обладание свободами — политическими и гражданскими [3].

В начале XX века в Латвии и Прибалтийском регионе существовали латышские национальные организации, важнейшей формой из которых были просветительские и культурные общества. Центром деятельности ряда латышских обществ стала не латышская этническая территория, а Тарту, где действовали латышские национальные организации студентов. Отношение российского правительства к подобным объединениям было противоречивым. Н.И. Бобриков отмечал, что «многочисленные общества, преследующие по внешности просветительские, а в сущности политические цели направлены на распространение в населении политических идей о выгодах обособления». В этот период, несмотря на такую позицию властей, произошло организационное оформление латышского национального движения. При этом латышский национализм раскололся на два течения. Первое течение в рамках латышского национализма было представлено Рудолфсом Блауманисом, Андриевсом Ниедрой и другими деятелями латышской культуры и литературы. Они были сторонниками и защитниками старых порядков, заветов и традиционных устоев латышской нации. Второе течение представляли Янис Райнис и Аспазия, и придерживалось оно более демократических (а иногда даже и социал-демократических) и либеральных националистических идей. Наиболее благоприятные условия для подъема националистического движения возникают, как правило, в том случае, когда единое общество теряет свою стабильность, или, если использовать терминологию американских исследователей, «находится в состоянии разложения» [4].

Появление подобных организаций еще в XIX веке сближает историю латышского национального возрождения с национальными движениями других европейских, в особенности славянских, народов. У западных и южных славян в роли этих организаций выступили так называемые матицы. Матицы в Латвии не прижились, хотя существовало общество с похожим

названием: «Mamuļa» («Мамуля») была одной из националистических латышских организаций. В советской историографии эта организация и ее участники, «мамульниеки» («mamuļnieki»), рассматривались как представители «латвийской националистической городской и сельской буржуазии».

Одной из форм организации латышского национального движения было создание обществ. Самым важным в их числе оказалось Рижское латышское общество, или РЛО (RLB — Rīgas latviešu biedrība). Оно возникло еще в 1868 г. и сделало очень многое для развития библиотек, школ, образования и культуры. Период расцвета РЛО приходится на начало XX века. Наибольшую роль в его развитии сыграл Ф. Вейнбергс (1844—1924), возглавлявший общество с 1871 по 1872 г., но сохранивший свое влияние и в начале XX века. Русский дореволюционный исследователь Ч. Ветринский, рассматривая РЛО писал, что оно очень динамично развивалось — «быстро возросло в числе и теперь представляет из себя большое, прочное и очень полезное учреждение», которое состояло тогда из этнографической, издательской, научной и других комиссий и под эгидой которого действовал театр [5].

РЛО вполне успешно смогло вписаться в динамику развития политического процесса в Российской империи и не вызывало особого беспокойства у царского чиновничества. Особо РЛО страшило не российские власти, а прибалтийских немцев, которые отзывались о нем не иначе как о «притоне всего беспокойного и немецкого элемента». Немецкий современник деятельности общества Гранзее-Розенек вообще оценивал его как «националистически-социалистическое движение». При этом советские исследователи, принимая во внимание антинемецкий национализм РЛО, все же рассматривали его негативно, называя «цитаделью реакционной идеологии». Кроме РЛО в России существовали и культурные латышские организации. Периодически в Латвии возникали латышские общества. Их деятельность отражена в латышской мемуарной литературе. Например, И. Вацietис писал: «В Гольдингене существовало латышское общество, членами которого, главным

образом, состояли народные учителя окружных школ и местная интеллигенция. На заседаниях этого общества нелегально, на свой риск, могли присутствовать и учащиеся ... я сам создал свой кружок и стал издавать рукописную газету "Prāta kule" — "Сумка разума". В этой газете мы помещали статьи всевозможных направлений». Параллельно РЛО в 1912 г. в Риге было образовано «Латышское этнографическое общество». Его целью было «собирать и издавать материалы, которые бы бросали лучи света на древнюю латышскую историю и показывали неопровержимую истину, что латыши вместе с литовцами и древними прусами (т. н. ветвь балтийских народов) — древний народ, родственник арийским, из которых в течение тысячелетий развивались все прочие народы Европы» [6].

Отличительная черта названных организаций состоит в том, что их характер может быть определен как переходный от научно-просветительского, фольклорно-песенного общества к политической партии. В силу этого в их доктринах, по словам отечественного историка, специалиста по проблеме возникновения партий в Российской империи В. Шелохаева, «переплетались новейшие рационалистические идеи об общественном прогрессе с архетипами мифического сознания, уходящего своими корнями в глубинные пласты человеческой психики, культуры, быт данного народа, этноса или этнической группы» [7].

В начале XX века в связи с изменениями, вызванными революцией, в Латвии возникают политические партии. К началу 1905 г. завершается формирование ЛДП (Латышской демократической партии) и ЛКДП (Латышской конституционно-демократической партии). По многим пунктам их идеология была близка к программным требованиям левого течения. ЛДП и ЛКДП требовали автономии Латвии в составе России не просто путем предоставления ей некоторых прав, а через создание новой административной единицы, которая бы объединила в своих границах всех этнических латышей. Это, по мысли идеологов ЛДП и ЛКДП, должно было привести к предоставлению латышскому языку особого статуса — он должен

был стать языком образования и судопроизводства. Это, в свою очередь, привело бы к лишению немцев привилегий и резкому усилению роли самих латышей. По данной причине ЛДП и ЛКДП, подобно ранним младолатышам, значительное внимание уделяли критике немцев.

Однако данные партии были далеко не самыми стабильными политическими образованиями. Именно в силу этого в 1907 г. ЛКДП раскололась на ЛПР (Латышскую партию реформ) и ЛНП (Латышскую народную партию). ЛПР и ЛНП продолжили развитие идеологии позднего младолатышского движения в его консервативной форме, где постепенно начинают преобладать собственно националистические элементы. Именно по данной причине идеологи ЛПР и ЛНП продолжают критику немцев, сочетая ее с критикой евреев. При этом к русским ЛПР и ЛНП относились нормально, видя в них гарантию, с одной стороны, от немецкого, а с другой — и от еврейского засилья. При этом партии были явно младолатышские, так как они продолжали политическую линию К. Валдемарса, которая состояла в неприятии насилия как метода политической борьбы. Примечательно то, что ЛНП оценивалась негативно даже современниками. По данной причине ее критику в советской исторической науке не следует рассматривать как изобретение исключительно советской марксистской историографии. Еще при деятельности ЛНП ее политическая доктрина и практика были крайне негативно встречены и описаны Р. Петерсонсом. Он интерпретировал ее, в частности, как силу крайне консервативной ориентации, которая спекулирует на идее объединения латышей по национальному признаку в новую политическую общность. Латышские национальные партии, возникшие в начале XX века, оказались неустойчивыми объединениями. Число их сторонников не превышало тысячи человек. А национальные политические деятели Латвии нередко предпочитали вести свою работу через общероссийские партии, например, через конституционных демократов. Кроме того, ослаблению латышских партий способствовало то, что средний

класс был незначителен, отсутствовали глубокие демократические традиции, не существовало сложившейся системы правовых институтов [8].

В 1905—1907 гг. имела место и активизация других (внепартийных) латышских национальных организаций. Особо активно стало действовать латышское общество «Мамуля», участники которого в латышской историографии известны как мамульниеки. Лидерами мамульниеков были Ф. Вейнбергс, А. Красткалнс, Ф. Гросвалдс, А. Ниедра. Они контролировали «Rīgas Avīze», на страницах которой подвергали критике левое движение и крайности революции. Опасаясь роста левого экстремизма, они пересмотрели националистические идеи и стали указывать на возможность компромисса с немцами. Левые в их глазах были лишь «носителями смуты и беспорядка». Осознав левую опасность, они не призывали к радикальным политическим изменениям, отмечая, что «единственно надежный авторитет — это царский авторитет, его нужно беречь, иначе он рассыплется, авторитет правительства теперь надо укреплять, это теперь самая неотложная необходимость, беспорядки следует подавить сильной рукой и сильной рукой провести требуемые реформы». В 1905—1907 гг. возникали и новые латышские организации. Например, в 1906 г. в Риге был организован Союз латышских обществ. В состав этого союза вошли культурные, певческие и просветительские общества, а также Союз домовладельцев. В ходе революции латыши провели в Риге съезд, в работе которого приняли участие до тысячи делегатов [9].

Кроме того, в начале XX века латышские националисты в связи с зарождением развития российского парламентаризма получили возможность политического представительства для своих партий не только на местном, латышском, уровне, но и на уровне общероссийском, имперском. Латышские националисты, наряду с польскими, литовскими, финскими и эстонскими деятелями, нередко становились членами Государственной думы. Этот факт в прибалтийской, особенно эмигрантской, историографии, как правило, оценивается позитивно.

Многие депутаты Думы были представителями национальных политических элит и именно в российской Думе они получили первый политический опыт, который использовали и после образования независимых государств. В работе Государственной думы принимали участие К. Озолиньш (от Лифляндской губернии) и Фрицис Трасунс (от Витебской губернии). В I Государственной думе латышей представляли К. Озолиньш, Чаксте, Ф. Трасунс. Правда, латышские газеты быстро разочаровались в первой Думе и присоединили свои голоса к требованиям ее роспуска: «Что было бы, если бы Думу не разогнали — выпустили бы политических заключенных, отменили бы военное положение и забрали бы у имущих их землю» [10].

При этом в Государственной думе латышские националисты были менее активны, чем литовские, но более чем эстонские и финские политические деятели. Например, если численность литовцев в I, II, III и IV Государственных думах составляла соответственно 10, 8, 5 и 5 депутатов, то латышей только 6, 6, 2 и 2. Что касается эстонцев, то в четырех Думах их численность равнялась 4, 5, 2 и 2. Финны же вообще были представлены лишь во II Думе одним депутатом. В партийном отношении латыши были представлены в меньшей степени, чем литовцы: если от литовских националистов выдвигались Литовская христианско-демократическая партия, Демократическая партия и Социал-демократическая партии, то от латышей — только Латышская демократическая и Латышская конституционно-демократическая партии, которые в значительной степени ориентировались на решения задач национального, а не социального движения. Эстонцы имели в Думе представителей только Эстонской народной партии [11].

Активизация латышского национального движения, возникновение латышских партий и появление латышского представительства в Государственной думе привели к реакции в российском и немецком обществах. Немецкий дискурс восприятия появления латышских партий очень спорен и явно двойственен. С одной стороны, он четко выдержан в антилатышском тоне, с другой — немецкая реакция на латышские

партии скорее не политическая, а культурная, даже пессимистическая. Среди балтийских немцев стали звучать голоса, которые призывали пересмотреть свою политику, найти истоки такой антинемецкой активности латышей, которая проявила себя в годы первой русской революции. Немецкие авторы стали писать о кризисе немецкой общности в Латвии, о растущей ассимиляции немцев латышами и русскими. Немецкие теоретики, характеризуя ситуацию, употребляли термин «Entdeutschung», то есть «разнемечивание». Немецкий историк с латышскими корнями Астаф фон Транзее-Розенек, которого советская историография считала реакционером, объяснял антинемецкий террор латышей во многом рационально, связывая его с «расистским высокомерием по отношению к латышам, семисотлетним правлением и непризнанием опасности со стороны латышей» [12].

Другой немецкий автор — Э. Мензенкамф — считал, что немцы просто были не подготовлены к возможности латышского террора, так как они не смогли «проникнуть в сердце латышского народа и увидеть то, что скрыто у него в голове». А. Вииниг отмечал, что немецкое общество в Латвии не заметило, как возник его опасный противник: «Из среды латышского батрацкого народа выдвинулся очень активный в торгово-промышленном отношении верхушечный слой, из которого вышла буржуазная интеллигенция». Х. Древис предположил латышской революционной активности искал в изменении мировоззрения латышей, которые перестали считать существующий в Латвии порядок «угодным богу». Еще один немецкий автор, В. Ленц, указывает на то, что события революции были самым сильным ударом, нанесенным по немецкому балтийскому дворянству на протяжении всей его истории: «Впервые после продолжительного мирного периода под угрозой были поставлены сами основы господства прибалтийского дворянства». Подобные оценки, разумеется, вызывали негативную реакцию со стороны советских латвийских историков [13].

Особенно четко немецкая позиция в отношении революции просматривается в работе А. Транзее-Розенка «Латыш-

ская революция», изданной в Германии в 1906 и 1907 гг. Даже немецкие авторы признают политический характер работы Транзее-Розенка, отмечая, что та была написана по заказу Лифляндского рыцарства и является политическим сочинением. Латышский советский историк П.Я. Крупников, которого трудно обвинить в наличии антинемецких идей, что было характерно для многих советских ученых, называет книгу Розенка реакционной. Современники Транзее-Розенка считали, что в книге представлено «беспристрастное и правдивое мнение о революции». Он не полагал, что революция стала результатом предыдущего развития Латвии. Она, по его мнению, случайна. Начало революции, ее истоки он связывает с деятельностью идеологов младолатышского движения, самостоятельность которого им также отрицалась. Оно рассматривалось Транзее-Розенком как «побочный продукт политики русификации», как результат того, что не все латыши были согласны на германизацию и не переходили «из низшей в более высокую культуру». Транзее-Розенек, рассматривая события революции, отмечал, что в ее ходе «зараза республиканских взглядов охватила все национальности». Немецкий историк отрицал национальные причины революции, не признавал то, что на протяжении столетий латыши были угнетенным, неполноправным народом. Описывая совместное существование немцев и латышей, Транзее-Розенек отмечал, что «даже при самом злонамеренном толковании не может быть и речи об угнетении немцами латышей — значит, национальный момент в младолатышском движении является лишь красивой маской, под которой скрываются материальные инстинкты» [14].

Появление подобных работ вызвало ответную реакцию в латышских кругах. Общественные деятели Латвии ответили на появление книги Транзее-Розенка в националистическом духе. Например, Рудолфс Блауманис писал, что «наш народ позорят, хорошо подвешенные языки и острые перья разносят этот позор и умножают его стократ во всем мире, они пишут про прибалтийских гуннов, рассказывают жуткие истории о латышах, в рейхстаге у депутатов волосы встают дыбом от

рассказов некоего графа, повествующего, как латыши вырывали немцам ногти, а помещикам, прежде чем их убивать, отрывали одну конечность за другой» [15].

Наряду с немецкой на активизацию латышей обратила внимание и русская общественность. Русский дискурс восприятия латышских партий демонстрирует, в отличие от немецкого, не культурный пессимизм, а непонимание произошедшего. Если в середине XIX века в российском обществе могли звучать голоса о том, что сохранение местной автономии, ранее считавшееся способом привязать окраины к центру, может стать базой для антиимперских движений, то после событий 1905—1907 гг., российское общество стало более радикально в своих националистических устремлениях. Примечательно то, что русские националисты, подобно немецким националистам и консерваторам, не находили хороших слов о латышах и латышском национальном движении. Если в немецкой прессе господствовала оценка с позиций германского (правда, какого-то сломленного и пессимистичного) национализма, то российская печать освещала эти события так же националистично, но открыто не скрывая своей ненависти к инородцам, задавая вопросы, стоит ли России отдавать им «свои окраины» и к каким негативным последствиям эта активизация нерусского населения может привести. Не желая отдавать окраины местному латышскому населению, русские националисты были согласны даже на его германизацию или выселение в Россию, что было равносильно русификации [16].

Одним из наиболее активных теоретиков русского национализма, критиковавшим национальную активизацию нерусских народов, в том числе и латышей, был М.О. Меньшиков. Примечательно то, что современная крайне правая историография признает это качество политических воззрений Меньшикова. Как «безусловного националиста» характеризует его современный российский автор М. Смолин — ярый апологет русского национализма, сторонник радикальной русификации всех нерусских народов. Меньшиков рассматривал Россию как Российскую империю, «царствование русского племени, по-

стоянное одоление нерусских элементов, постоянное и непрерывное подчинение себе национальностей, враждебных нам». Анализируя победу администрации над революционным движением в национальных окраинах, он писал, что «мало победить врага — надо довести победу до конца, до полного исчезновения опасности, до претворения нерусских элементов в русские». При этом он считал, что опасность, исходящая от нерусских народов, не уничтожена окончательно, так как «инородцы вносят множество опасностей социальных». Вместе с тем Меньшиков выступил с критикой участия деятелей национальных движений в работе Государственной думы. Это критика Меньшикова относилась и к латышам, национальное движение которых он не принимал, рассматривая его как политически опасное и вредное: «Сейчас за поляками выделились в парламенте татары, одновременно с татарами возникли группы армян и латышей, возникло смехотворнейшее украинское коло ... вслед за хохлами выделились так называемые белорусы». Комментируя отношение латышей к России, Меньшиков обозначал его как «воспаленную ненависть» [17].

Рассматривая события революции 1905—1907 гг., имевшие отношение к Латвии, Меньшиков интерпретировал появление местных партий как бунт непокорных инородцев, направленный против Российской империи. По этой причине он положительно относился к репрессиям против национальных движений. Однако преследования он считал недостаточными: «зараза инородческого разложения этим уменьшена, но не выброшена вовсе». Меньшиков считал, что «на малое время пристреют, но потом вновь начнут свое разрушительное дело». Примером такой ситуации он считал «латышскую, охваченную бунтом окраину», где складывается «инородческая коалиция, которая будет вредить России». Развивая свою идею о слишком мягкой политике в отношении латышей, Меньшиков считал ошибкой оставлять за латышским населением его права: «Я нахожу такое отношение к инородцам глубокой ошибкой». При этом он был и противником предоставления нерусским, в том числе латышам, права занимать официальные по-

сты и создавать партии: «Мы восстаем против заполнения нами важнейших государственных позиций». В этом Меньшиков видел угрозу того, что «государственная и общественная власть постепенно сделаются инородческими». Меньшиков считал невозможным то, что в перспективе русские начнут делить управление Империей с нерусскими народами. В этом он видел истоки возможного кризиса и распада Российской империи: «Россия перестанет царствовать, она превратится в попечительство для инородцев». Опасаясь усиления нерусских, Меньшиков критиковал либералов, готовых, по его словам, «натаскать в Россию латышей и сдать им постепенно все государственные и общественные позиции». Такую ситуацию Меньшиков оценивал как «буйный напор чуждых народностей» и «бюрократии, обильно разбавленной инородчиной» [18].

Меньшиков выступал за проведение репрессивной антилатышской политики, за конечную ассимиляцию латышей, за уничтожение латышского языка и национальной культуры. Он призывал власти ассимилировать все нерусские нации и считал эту задачу «вовсе не такой трудной для твердой государственной политики». Меньшиков призывал «залить крохотные по населению окраины волной русской эмиграции». Он считал, что несколько миллионов нерусских («в самом деле, что такое миллион финнов, три миллиона поляков») надо вынудить забыть их культуры и языки, заставить говорить исключительно по-русски. Несмотря на все ассимиляционные процессы, Меньшиков был вынужден признать, что «ему поддаются не все в одинаковой степени». Будучи националистом, он с горечью писал, что «огромное большинство инородцев осталось той же психологической природы, которой они были». Современная российская апологетическая историография, рассматривая концепции М. Меньшикова и комментируя их, несмотря на признание националистического содержания этих концепций, все же считает их политически безвредными и даже полезными. Например, М. Смолин утверждает, что национализм Меньшикова — «национализм не агрессивный, не национализм захвата и насилия». Смолин считает, что Мень-

шиков «не собирался никого уничтожать». Замечания о нетерпимости, присущей его идеям, он считает искажениями «различных недоброжелателей» [19].

Больше всех в критике национальных латышских партий в духе русского национализма преуспел В. Розанов. Дискурс русского национализма Розанова более националистичен и последователен. Розанов считал, что национальные движения, в том числе и латышское, ведут к обострению политической ситуации в России: «Неизменное и древнее русское ядро со всех сторон “обложилось окраинами”, и “окраинный вопрос” в России есть один из самых темных и неясных, он труден для правительства, мучителен для населения. Не знают, как поступить русские, закинутые службой на окраину». Если в работах других русских националистов латышское движение представлено крайне фрагментарно, то В. Розанов писал по данной проблеме более подробно. Сама Латвия рассматривалась им как «немецко-латышский» край, в котором русская администрация вынуждена вести постоянную борьбу против пангерманизма. Самих латышей он считал «неславянским инородческим населением». Рассматривая Прибалтику вообще и Латвию в особенности, Розанов считал, что эти территории неполноценны в политическом плане. Как и другие русские националисты, Розанов отрицал то, что когда-то латыши смогут создать свое независимое государство. В связи с этим он писал, что «окраины будут жить, переплетаясь с ходом дел всей империи и никогда не переходя за черту второсортных и третьесортных значительностей... Балтика имеет вид какой-то обиженной барышни, капризной и недовольной, которая кричит или хмурится, смотря по времени и удобству на Россию как на прислугу, страну варварскую, грубую и необразованную» [20].

Более того, Розанов отрицает способность латышей на независимое политическое существование, в том числе на создание партии, оставляя за ними право на «этнографическое существование». «Никакого отдельного административного существования они иметь не могут», — писал Розанов. При этом

он считал, что желание латышей иметь автономию опасно, так как со временем оно может перерасти в сепаратизм. Будучи противником национальных движений латышей, украинцев, поляков, белорусов, Розанов вместе с тем оказался истым германофилом. Если о латышах он писал крайне негативно, то о немцах отзывался позитивно. Рассматривая немецкое население в Прибалтике, его политическую роль, Розанов писал, что «немцы, и в частности балтийские немцы, всегда были отличными русскими служаками... они уважали и уважают русское государство, они неввраждебны русскому правительству, только никак не могут хорошо выучиться говорить по-русски... русские в высшей степени серьезно относятся к этому этнографическому материалу, уважают балтийскую окраину, верят немецкому слову и немецкому делу». Из такого отношения к нерусским вытекает и все отношение Розанова к окраинам вообще, которое можно оценить как неуважительное и нетерпимое. Рассматривая окраины, Розанов проявил себя как теоретик колониализма. Окраины представляли для него интерес как сырьевая база. При этом, согласно Розанову, их использование должно соответствовать исключительно интересам России, точнее правящей государственной бюрократии и администрации. Розанов считает, что Россия должна жить за счет окраин: «Подавайте весь русский талант во внутреннюю Россию, а окраинам — уж то, что останется... окраины пусть посидят и подождут, не “разбегутся” они» [21].

О национальном латышском движении Розанов писал с плохо скрываемым раздражением: «Простая семейная трудность с детишками и отдаленная мечта своего возрождения — подпирая друг друга безмолвно — образуют “инородческое движение” в России... движения эти центробежные, от центра к периферии направленные; и в последней надежде имеющие мысль разорвать “солнечную систему”... и, оторвавшись от России, полететь вдаль, в “новые союзы и комбинации”». Как уже было отмечено, В. Розанов особое внимание уделял критике именно латышского национального движения. «Что такое были латыши между Россией и Германией? Они просто по-

гасли бы, и только. Наивно думать, что у них явился бы Шиллер. Шиллер есть плод культуры и веков, и есть нации, у которых даже после веков культуры Шиллера не появилось... В вечных спорах и, конечно, “борьбе партий” латыши погасли бы до такой ужасной никому невидности и не для кого интересности, что об этом даже страшно подумать... латыши очень скоро снизились бы до существования курдов, “персюков”, басков на Пиренеях... в сущности, они косо лежали бы камнем, пока их кто-нибудь не поднял и не взял с земли» [22], — писал Розанов.

Из этой мысли у Розанова вытекала и другая: латыши не могут создать государства, они просто не имеют права на государственную независимость, будучи неполноценным народом с неполноценной культурой: «Все малое должно принадлежать системе... это сказал Бог... так передается в истории миротворения... Шиллера не будет. Будет несколько адвокатов и несколько отвратительных врачей... и Веллингтона и Кутузова у латышей не будет: будет много воров и разбойников». При этом все достижения латышского национального движения он успехами не считал. Они для него — результат культуртрегерской миссии чужих народов. В данном случае Розанов был готов разделить эти заслуги с балтийскими немцами. Основное же он, как русский националист, приписывал России: «И врачи, и адвокаты, и исправники, и порядок по городам существует у латышей, армян и чухон благодаря связям с Россией и вследствие этой связи, даже если она враждебная и болезненная. Пусть они ненавидят Россию: но именно вследствие этой ненависти они объединены, слиты в одно, дышат одним духом и, хорохорясь против России, — имеют туземный патриотизм» [23].

Именно этот «туземный патриотизм» так страшил В. Розанова. В его развитии он видел угрозы для дальнейшего господства России в Балтийском регионе. В качестве лучшего метода борьбы с этой угрозой он считал русификацию, которую называл «смертью латыша». Розанов считал, что русификация будет для латышей полезной. В отказе от латышского языка

он не видел ничего опасного. Так мог писать лишь националист, человек ненавидящий, не понимающий и не способный понять чужие культуры. Вот почему он крайне скептически, с издевкой писал о латышской литературе, в особенности поэзии, которую считал этнографией, не признавая за ней литературного статуса. Поэтому, согласно Розанову, в случае отделения латышей от России и создания независимой Латвии ее и латышей не ждет ничего хорошего: «Для оторвавшихся от России нет вообще никакого пути, кроме вырождения и духовной смерти». Розанов писал, что, «оторвавшись от России, от университетов, от литературы, от связи с ее прошлым, инородцы полетят в дикость... и эта “латышская цивилизация” будет только сумбур, отвратительнейший для человечества. Этого просто не надо оттого, что это просто дурно. Дурного вообще не надо... инородцы никогда славы не получают, ибо Россия есть их отечество, и иного пути, чем каинство, для них не лежит... Россия есть подлинное наше отечество, латышское, чухонское, немецкое, польское, армянское, грузинское, татарское». При этом Розанов особое внимание уделяет успехам русификации латышей. Эти успехи скорее мнимые, нежели реальные. Розанов, как националист, выдает желаемое за действительное. Он выпячивает отдельные случаи разрыва некоторых латышей с латышской нацией и латышской культурой. Не понимая, что это исключение, Розанов выдавал эти досадные казусы за правило: «Очень много я получил писем от инородцев... писали латыши... я рад, что все письма написаны без вражды к русской народности и даже признают необходимость слияния... я хотел бы, чтобы инородцы шли к нам с мыслью стать русскими и только русскими... и русский народ... может принять это море чужих вод, может дать отзвуки вариации на все инородческие звуки и тоны». Особо Розанов цитировал письмо одного латыша о том, что тот стал русским и в Латвию не вернется [24].

Украинская исследовательница Н. Полонська-Васьленко определяла эти установки русской прессы по национальному вопросу как «резко шовинистическую платформу». Однако

позднее точка зрения о силе и опасности русского национализма была пересмотрена. Ряд западных историков считает, что влияние русского национализма на политическую жизнь было преувеличено его политическими противниками. Например, Пол Бушкович полагает, что русские националисты явно отставали от националистов Запада. Джеффри Брукс интерпретирует русскую литературу как более толерантную к инородцам, чем литературы европейских стран. При этом многие западные авторы совершенно объективно указывают на то, что такой подход является слишком мягким. Например, Марк фон Хаген отмечает, что внутренняя политика самодержавия объективно ущемляла или игнорировала интересы нерусских народов [25].

Революция 1905—1907 гг. и возникновение партий, немецко-латышская и русско-латышская полемика показали, что латыши были не просто сообществом с общими чувствами генеалогического происхождения и географического единства. Они доказали, что латыши были сообществом, «смотрящим в будущее», то есть ожидавшим изменений как в политическом, так и в административном плане. Несмотря на крайне скромные результаты революции, национальные проблемы стали более заметным явлением в жизни России. Революция сыграла значительную роль в развитии национализма в Латвии, она оказала влияние и на все национальные движения в Прибалтийском регионе. Значение первой русской революции было очевидно и для участников национальных движений, которые нередко оценивали ее результаты позитивно. Дмитрий Донцов, один из идеологов украинского национального движения, отмечал, что именно активизации национальных движений «уменьшили силу и размах российской экспансии». При этом, рассматривая националистическую русскую реакцию, Д. Донцов констатировал, что этой реакцией Россия поставила националистов нерусских народов перед выбором: «или национальная смерть, или национальная борьба» [26]. Национальные движения, как известно, выбрали второе.

Таким образом, начало XX века — особый этап в истории латышского национализма, это время, когда национализм был не просто подлинной политической силой, а движением, которое уже ставило вопрос о достижении политической независимости, создании самостоятельной Латвии. Как отмечает украинский историк Ярослав Грыцак, подобные идеи на данном этапе «были написаны таким радикальным тоном и отличались от большинства современных им писаний, что казалось, что они созданы пришельцами с другой планеты». Возникновение партий говорит о том, что к началу XX века латыши перестали быть нацией крестьян. Значительно усилилось латышское национальное самосознание. При этом латыши продолжали оставаться лишенными не только политической независимости, но и какой-либо территориально-административной оформленности по образцу существовавшей в Финляндии. Латыши были скорее *Kulturnation*. Самосознание жителей Латвии в значительной мере базировалось на наличии определенных достижений в сфере культуры. При этом латышская *Kulturnation*, будучи нацией, динамично развивающейся, имела тенденцию к постепенному преобразованию в *Staatnation* — в нацию, обладающую собственной государственностью [27].

Национальное движение, по словам В. Михайлова, способствуя появлению партий, производит в социальной структуре настоящий переворот. Оно, согласно В. Михайлову, ведет к упрощению и примитивизации социальной структуры, а общественное сознание редуцируется до архаичных форм, «духовное производство начинает производить бездуховную продукцию: распространяется черно-белое мышление, прививается крайне зауженная система ценностей». В данном случае негативное значение национального движения явно преувеличено: национализм, наоборот, разрушает архаичные донациональные феодальные формы организации и самосознания, ведет тем самым к объективному усложнению политических отношений и выработке новых культурных ценностей. Таким образом, в Латвии национальное движение, приведшее к появлению партий, было прогрессивно. Благодаря заслугам нацио-

нального движения в Латвии к этому времени уже существовала латышская нация. Латыши на данном этапе уже представляли собой «имеющее определенное наименование человеческое население, совместно владеющее исторической территорией, общими мифами и историческими воспоминаниями, обладающее массовой народной культурой, общей экономической и общими законными нравами и обязанностями для всех». Латыши представляли собой совокупность «дружественных слоев, связанных общими интересами». По данной причине латыши сохранились как нация и не были ассимилированы соседними народами. Краху русификации способствовали религиозные отличия латышей от русских. Германизация также не приносила результатов, и, скорее всего, в первые годы XX века наметился обратный процесс, который отечественный историк В.И. Фрейдзон определяет как «возвращение в национальную среду ранее германизированных» [28].

В начале XX века латышский национализм перешел на качественно новый этап развития. В его идеологических доктринах стали просматриваться влияния новых веяний. Национализм уже утратил политическую монополию и в Латвии существовал наряду с другими политическими учениями, например с социал-демократией. Главным препятствием развития латышского национализма, согласно советской историографии, была относительная немногочисленность и слабость латышской национальной буржуазии. В действительности слабость — не результат фактического отсутствия буржуазии, она следствие острейшего соперничества с русским и германским национализмами. Латышский национализм явно проигрывал по сравнению с этими двумя силами, за одной из которых стояла Германия, а за другой — Российская империя. Несмотря на это, в Латвии к тому времени национализм стал достаточно сильным, чему способствовала этнизация элиты и широких масс населения. В Латвии уже сложились все условия для создания «нового политического организма, и неведомый до этого времени термин *la stato*» [29] стал основной целью ведения политической борьбы. В Латвии латышский национализм по-

прежнему имел серьезного и главного противника в лице немецкого национализма, с которым в последующие годы латышские националисты, претерпев радикализацию взглядов, повели борьбу за создание независимого Латвийского государства.

Начало XX века было крайне важным этапом в истории латышского национального движения. Проявлением усиления латышского национализма стало появление политических партий и участие латышских депутатов в работе Государственной думы. Данные события в историографии получали самую разную оценку. Советские историки связывали их с усилением латышской буржуазии. Однако развитие буржуазии было вторичным в усилении национального движения в целом. Усиление буржуазии — результат окончательного формирования в Латвии нации модернового типа. Модерновость латышской нации состояла в том, что она в начале XX столетия обладала всеми ее атрибутами, имея не только развитую национальную культуру и литературный язык, но и определенные политические институты — партии и парламентское представительство.

Модерновость латышской нации — результат удачного национального проекта, развития латышского национального воображения. Именно в более ранний период усилиями латышских интеллектуалов была создана современная латышская нация. Латышский национальный проект — один из самых удачных в истории Российской империи, так как демонстрирует эволюцию крестьянского сообщества традиционного плана в сторону нации модернового типа. Этот процесс начался еще в 1850-е гг. и завершился к началу XX столетия, когда к созданным усилиями латышских национально думающих интеллектуалов языку, культуре и литературе добавились политические составляющие латышской нации как воображаемого сообщества. Появление политической организации означало начало нового этапа в развитии латышей как воображаемого сообщества. Партии вели к тому, что они и сама Латвия все в меньшей степени становятся воображаемым со-

обществом, так как тенденция к политической институционализации (латышей в политические партии, Латвии в государство) становится все более очевидной.

Рассматривая процессы, имевшие место в Латвии начала XX столетия, следует принимать во внимание, что они были лишены какой-либо уникальности и неповторимости, хотя местный колорит, безусловно, присутствовал. Они не были уникальны в смысле того, что являлись исключительно латышскими. Аналогичные процессы имели место и в других национальных районах Российской империи. В первую очередь, аналогичные явления представлены в истории соседних народов — литовцев, эстонцев и финнов, которые также переживали процесс институционализации национальных движений. Характер событий этого периода на латышских территориях России был в корне отличен от процессов, протекавших в собственно русских губерниях. Если в России революция и появление политических партий имели политические и социально или экономически детерминированные истоки, то в Латвии истоки революции и возникновения партий были преимущественно национальными. По данной причине мы можем говорить о латышской революции 1905—1907 гг. и процессе латышского партогенеза, которые совпадали с аналогичными российскими процессами лишь хронологически, но не по своему внутреннему содержанию.

Вместе с тем процесс институционализации латышского национализма может быть вписан в более широкую общеимперскую перспективу. Партии и организации в начале XX века возникли и в рамках других национальных движений — украинского и белорусского, армянского и грузинского, азербайджанского и татарского. Из общеимперской перспективы вытекает перспектива европейская. Эти процессы мы наблюдаем и в рамках национальных движений европейских народов, лишенных политической независимости. Правда, в Европе такие партии возникли несколько раньше, и это не исключает того, что истории Латвии начала XX века была вписана в большей степени в европейский, а не российский политический контекст.

Появление партий свидетельствует и о значительной слабости Российской империи, которая оказалась не в состоянии выработать определенной и четкой политики в отношении нерусского населения. Игнорируя важные национальные процессы, тенденции к консолидации и формированию современных наций на базе нерусских общностей, власти потеряли механизм контроля над ними. Они оказались не способны руководить сложившимися нациями, в то время как масса русского крестьянства, не имевшая четкой национальной идентичности, оказалась относительно легко управляемой. Упустив ситуацию, имперские власти вошли в XX век не с многочисленными крестьянскими сообществами на западных окраинах Империи, а с развитыми нациями современного типа, склонными развиваться вне рамок общеимперского политического пространства.

Слабость Империи, с одной стороны, и усиление нерусских народов — с другой, свидетельствуют о том, что национальные движения, обретая политическую организацию, начали стремиться к более широкой политической институционализации, то есть к созданию собственных независимых государств. Появление партий лишь дополнило число других национальных атрибутов латышского национального движения, доказывая то, что оно в состоянии ставить уже вопросы не о сохранении латышей как нации, а о создании независимой Латвии как латышского национального государства.

Сыграв совою историческую роль, латышские общества и организации постепенно трансформировались в новую форму — в политические партии. Отличительная черта первых латышских партий состоит в сочетании в идеологии общедемократических лозунгов с национальными требованиями. В качестве своего главного противника возникшие латышские партии рассматривали балтийских немцев, в то время как в отношении российских властей они демонстрировали свою лояльность. Российские же националисты, в свою очередь, особого уважения в отношении латышских партий не проявляли, но не смогли проявить себя и как их политически конст-

руктивные критики. Вместо этого российская реакция превратилась в националистическую волну, направленную против «инородцев» как таковых.

Латышские националисты в своих политических целях пытались использовать российскую Государственную думу. Однако попытка воздействовать на российское общество через парламент не принесла значительных результатов по причине малочисленности латышских представителей в Думе. Кроме того, российский парламент не был настолько влиятелен, чтобы стать каналом для реализации национальных идей латышских деятелей.

В заключение отметим, что настоящая статья не претендует на полное освещение этой проблемы. Данная тема нуждается в дальнейшем изучении, что будет способствовать развитию в российской историографии балтийских исследований.

Список литературы

1. Об активизации национальных движений в России и Европе в данный период см.: *Полонська-Василенко Н.* Істоія України. Т. 2: Від середини XVII століття до 1923 року. Київ, 2002. С. 407; *Канпелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. С. 164; *Taurēns J.* Latvijas vēstures pamatjautājumi. Valsts konstitucionālie principi. R., 2001. lpp. 74; *Полунов А.Ю.* Православие в Остзейском крае и политика правительства Александра III // Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993. С. 66; *Иванова Ю.В.* Северная Албания в XIX — начале XX века. Общественная жизнь. М., 1973. С.21; *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации // Нации и национализм. М., 2002. С. 139. По проблемам русификации в балтийской перспективе существует ряд работ немецкого историка Г. фон Пистолькорса. См.: *Pistohlkors G. Von.* «Russifizierung» und die Grundlagen de baltischen Russophobia // Zeitschrift für Ostforschung. Bd. 25. 1970. S. 618—631; *Pistohlkors G. Von.* Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution. Historische Studien zum Problem der politischen Selbsteinschätzung der deutsche Oberschicht in den Ostseeprovinzen Rußlands. Göttingen, 1978; *Pistohlkors G. von.* «Russifizierung» in den Baltischen Provinzen und in Finnland im 19. und beginnenden 20.

Jahrhundert // Zeitschrift für Ostforschung. Bd. 33. 1984, S. 592—606; Lieven A. The Baltic Revolution. Yale, 1994. P. 17, 25, 50, 109.

2. Шалда В. К вопросу о пророссийской ориентации младолатышского движения (вторая половина XIX века) // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture. VI sējums, II daļa. 2003. lpp. 62. — 72.

3. Михутина И. Украинский вопрос и русские политические партии накануне Первой мировой войны // Россия — Украина: история взаимоотношений / Ред. А.И. Миллер. М., 1997. С. 197; Карьяхярм Т., Кростынь Я., Тила А. Революция 1905—1907 годов в Прибалтике / Ред. В. Маамяги. Таллин, 1981. С. 13; Кантелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений / Ред. А.И. Миллер. М., 1997. С. 125, 129; Дауге П.Г. Революция 1905—1907 гг. в Латвии // Революция 1905—1907 годов в национальных районах России. М. 1949. С. 252; Полонська-Василенко Н. Істоія України. Т. 2: Від середини XVII століття до 1923 року. Київ, 2002. С. 418. О латышской национальной буржуазии на данном этапе см.: Ronis I. Latviešu buržuāzijas politikas galvenie virzieni pirmā pasaules kara priekšvakarā (1907—1914) // LPSR ZA Vēstis. 1971. Nr 8. lpp. 75. — 88.; Ronis I. Latviešu buržuāzijas šķiriskās organizācijas pirmā pasaules kara priekšvakarā (1907—1914) // LPSR ZA Vēstis. 1971. Nr 1. lpp. 31. — 42. См. также о социальных процессах в связи развитием наций: Benda J. La Trahison des clercs. Paris, 1977. P. 170; Броуи Д. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 231; Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 11; Mornet D. Les Origines intellectuelles de la Revolution française 1715—1787. Paris, 1967; Tomašić D. Politički razvitak hrvata. Zagreb, 1938. S. 26; Bogdanov V. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958. S. 59.

4. Бобриков Н.И. Всеподданнейшая записка финляндскому генерал-губернатору. СПб., 1903. С. 65; Токарев П.М. Краткая история латышского народа. Рига, 1915. С. 132; Хоффер Э. Истинноверующий. Минск, 2001. С. 57.

5. О национальных организациях см.: Ветринский Ч. Среди латышей. М., 1910. С. 34—35; Ārons M. Fridrihs Veinbergs savā mūža darbā un savās idejās. R., 1932; Ripa J. IV Valsts Domes vēlēšanu kampaņa Latvijā // Zinātniskie raksti. 40. sējums. Vēstures zinātnes. 3. izlaidums. R., 1961. lpp. 130; Smičklas T., Marković F. Matica hrvatska od 1842 do god 1892. Zagreb, 1892.

6. О РЛЮ и других организациях см.: *Saivars J.* Kā atbildet dievturiem // *Mantojums*. 1997. № 1. Ipp. 54; *Вацетис И.И.* Моя жизнь и воспоминания // Даугава. 1980. № 3. С. 86; *Гудрике Б.* Начальный период латышской национальной литературы // История латышской литературы. Т. 1. Рига, 1971. С. 51; *Козин М.И.* Младолатыши и крестьянское движение в Латвии // Против идеализации младолатышского движения. Рига, 1960. С. 165; *Die Lettische Revolution*. Berlin. Bd. 1. 1907. S. 42.

7. История национальных политических партий России. М., 1997.

8. О латышских партиях см.: *Петерсон Р.* Латыши // Формы национальных движений в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб., 1910. С. 411; *Постников Н.* Политические партии Прибалтики // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 186—188; *Шелохаев В.В.* Феномен многопартийности в России // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 22.

9. О революционном факторе в возникновении партий см.: *Крастынь Я.П.* Революция 1905—1907 годов в Латвии. М., 1952. С. 110; *Misiunas R.J., Taagepera R.* The Baltic States. Years of Dependence. Berkley — LA., 1992. P. 7.

10. *Исхакова О.А.* Политические партии и Дума // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 330—334; *Козбаненко В.А.* Партийный фракции в I и II Государственных думах России (1906—1907): организационно-правовой аспект // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 392; *Misiunas R.J., Taagepera R.* The Baltic States. Years of Dependence. P. 8.

11. *Циунчук Р.А.* Имперское и национальное в думской модели российского парламентаризма // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire. М., 1997. С. 85, 87, 91, 97.

12. О немецкой реакции вообще см.: *Крупников П.* Основные черты развития немецкой дворянско-буржуазной историографии революции 1905 года в Прибалтике (1907—1939) // Германия и Прибалтика. Вып. 2. Рига, 1973. С. 3—21; *Mensenkampf E.* Menschen und Schicksale aus dem alten Livland. Tilsit — Leipzig — Riga, 1943. S. 139; *Карьяхярм Т., Крастынь Я., Тула А.* Революция 1905—1907 годов в Прибалтике / Ред. В. Мамяги. Таллин, 1981. С. 4; *Die Lettische Revolution*. Bd. 2. Berlin, 1908. S. 26.

13. По проблеме немецкой реакции на события революции см.: *Bīrons A.* Baltvācu un latviešu buržuāziskā historiogrāfija par 1905. — 1907, g. revolūciju Latvijā // LPSR ZA Vēstis. 1968. № 9; *Drews H.* Die lettische Revolution und das Baltentum. Riga, 1927. S. 57; *Lenz W.* Die Revolution des Jahres 1905 in Liv-, Est- und Kurland // Jahrbuch des baltischen Deutschtums. Hamburg, 1955. S. 66; *Mensenkampf E.* Menschen und Schicksale aus dem alten Livland. Tilsit; Leipzig; Riga, 1943. S. 142; *Winnig A.* Am Ausgang der deutschen Ostpolitik. Berlin, 1921.

14. *Крупников П.Я.* Полвека истории Латвии глазами немцев. Рига, 1989. С. 103; *Pistohlkors G.* Führende Schicht oder nationale Minderheit? Die Revolution von 1905/1906 und die Kennzeichnungen der politischen Situation der deutschen Balten zwischen 1840 und 1906 in der zeitgenössischen deutschbaltischen Geschichtssreibung // Zeitschrift für Ostforschung. 1972. Hefte 4. S. 233; *Die Lettische Revolution.* Bd. 1. Berlin. 1907. S. III, 1 -3, 151, Bd. 2. 1907. S. 158.

15. *Blaumanis R.* Herald's Eldgasts // *Blaumanis R.* Kapoti raksti. R. 1959. Sēj. 7. lpp. 63.

16. Термин «национализм» в русском языке утвердился в 1880-е годы, хотя националистический дискурс присутствовал в работах и более раннего периода — см.: *Сергеев С.М.* Русский национализм и империализм в начале XX века // *Нация и империя в русской мысли начала XX века.* М., 2004. С. 11. О русском национализме и его позиции по проблемам национальных движений в Российской империи см.: *Renner A.* Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich 1855—1875. Köln, 2000; *Russischer Nationalismus. Die russische Idee im 19. und 20. Jahrhundert / hrsg. F. Golczewski, G. Pickhan.* Göttingen 1998; *PoluNrv A.* The Orthodox Church in the Baltic Region and the Policies of Alexander III's Government // *Russian Studies in History.* Spring 2001. Vol. 39. № 4. P. 68. См. также работы самих националистов: *Будилович А.С.* Может ли Россія отдать ино-родцамъ свои окраины? СПб., 1907; *Струве П.Б.* Великая Россия // *Нация и империя в русской мысли начала XX века.* М., 2004. С. 215.

17. См.: *Смолин М.* Очерки имперского пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX — первой половины XX века. М., 2000. С. 21; *Меньшиков М.О.* Письма к ближним. СПб., 1911. С. 199; *Меньшиков М.О.* Великорусская партия // *Нация и империя в русской мысли начала XX века.* С. 24; *Меньшиков М.О.* Не-царственный империализм // *Нация и империя в русской мысли на-чала XX века.* С. 66.

18. *Меньшиков М.О.* Великорусская партия. С. 22, 29; *Меньшиков М.О.* Письма к ближним. С. 123; *Меньшиков М.О.* Нецарственный империализм. С. 62, 67; *Меньшиков М.О.* Старый и новый национализм // *Нация и империя...* С. 71.
19. *Меньшиков М.О.* Великорусская партия. С. 23; *Смолин М.* Очерки имперского пути. С. 22.
20. *Розанов В.В.* Окраинная кичливость и петербургское смирение // *Нация и империя...* С. 111; *Розанов В.В.* Национальное назначение // *Нация и империя...* С. 104, 106; *Розанов В.В.* Сила национальности // *Нация и империя...* С. 108.
21. *Розанов В.В.* Окраинная кичливость... С. 114; *Розанов В.В.* Белорусы, литовцы и Польша в окраинном вопросе России // *Нация и империя...* С. 116, 129.
22. *Розанов В.В.* Центробежные силы в России. С. 135—136.
23. *Розанов В.В.* Центробежные силы в России. С. 137.
24. *Розанов В.В.* Центробежные силы в России. С. 138—139; *Розанов В.В.* Голос малоросса о немалороссах // *Нация и империя...* С. 139; *Розанов В.В.* «Трудности» для инородцев // *Нация и империя...* С. 143.
25. *Полонська-Василенко Н.* Істоія України. Т. 2: Від середини XVII століття до 1923 року. Київ, 2002. С. 419; *Хаген М. фон.* Русско-украинские отношения в первой половине XX века // *Россия — Украина: история взаимоотношений* / Ред. А.И. Миллер. М., 1997. С. 185; *Brooks J.* When Russia learned to read. Princeton, 1985.
26. *Kaiser R.* Political geography and nationalism in late Imperial Russia // *История национальных политических партий России.* С. 66; *Михутина И.* Украинский вопрос и русские политические партии накануне Первой мировой войны // *Россия — Украина: история взаимоотношений* / Ред. А.И. Миллер. М., 1997. С. 199; *Донцов Д.* Сучасне політичне положення нації і наші завдання: Реферат, виголошений на II Всеукраїнським студентським з'їзді в липні 1913 року у Львові // *Донцов Д.* Твори. Т. 1: Геополітичні та ідеологічні праці. Львів, 2001. С. 77, 90.
27. *Грицак Я.* Нарис історії України. Київ, 1996. С. 96; *Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII — начала XIX века. Дубна, 1999. С. 5.
28. *Михайлов В.А.* Субъективные основы национального движения. Саратов, 1993. С. 104; *Фрейдзон В.И.* Нация до национального

государства. С. 14; *Smith A.D.* National Identity. L., 1991. P. 14; *Tomasić D.* Politički razvitak hrvata. Zagreb, 1938. S. 27.

29. О национализме и политических процессах см.: *Лантева Л.П.* О национальном возрождении лужицких сербов // Вопросы первоначального накопления капитала и национальное движение в славянских странах. М., 1972. С. 96; *Kaiser R.* Political geography and nationalism in late Imperial Russia // История национальных политических партий России. С. 68—69; *Арендт Х.* Між минулим і майбутнім. Київ, 2002. С. 147.

О.Б. Кузнецов

(Минск, Республика Беларусь)

**О РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА
КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

**1. Становление института конституционного контроля
в Белоруссии**

Концепция конституционной законности предусматривает, что любая нормоустанавливающая деятельность в стране должна осуществляться в соответствии с конституцией. Данный тезис базируется на том предположении, что нормы писаной конституции обладают верховенством по отношению ко всем иным национальным источникам права. Органы конституционного контроля своей деятельностью призваны поддерживать и обеспечивать конституционную законность, которая является необходимым условием существования и функционирования правового государства.

Признание необходимости контроля конституционности законов и иных нормативных актов наряду с концепциями разделения властей и политического плюрализма стало, пожалуй, одним из наиболее значимых открытий для постсоциалистического конституционализма. Согласно советской правовой доктрине институт конституционного контроля являлся несовмес-

тимым с принципом верховенства законодательных органов народной власти. Как следствие — недопустимость самой мысли о возможности существования внепарламентского органа, осуществляющего конституционный контроль и тем самым ограничивающего и контролирующего деятельность парламента. Схожая ситуация наблюдалась практически во всех странах бывшего «соцлагеря», в том числе и в Польше [1, с. 11—13].

Только в период «перестройки», к концу 80-х гг. прошлого века, такого рода подходы стали терять свою доминирующую роль. Поправками, внесенными в 1988 г. в Конституцию СССР 1977 г., было предусмотрено создание Комитета конституционного надзора СССР. А 27 октября 1989 г. белорусская Конституция была дополнена статьей, декларировавшей создание Комитета конституционного надзора БССР с весьма ограниченными полномочиями, но которые тем не менее можно признать достаточно серьезными для того этапа становления белорусской государственности. Однако в отличие от союзного, Комитет конституционного надзора БССР так и не был создан.

Двадцать седьмого июля 1990 г. была принята Декларация Верховного Совета БССР «О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики», которая провозглашала цель построения правового государства, а разграничение законодательной, исполнительной и судебной властей было признано важнейшим принципом его функционирования. В результате стала очевидной необходимость создания органа, который мог бы производить оценку текущего законодательства на соответствие Конституции страны. И им должен был стать не планировавшийся ранее Комитет конституционного надзора с узкой компетенцией, а Конституционный суд с более широкими полномочиями.

Пятнадцатого марта 1994 г. Верховный Совет Республики Беларусь 12-го созыва принял новую Конституцию, которая предусматривала создание в государстве специального полноправного органа конституционного контроля — Конституци-

онного суда. Конституция содержала главу 6, состоявшую из восьми статей, имевшую название «Конституционный суд Республики Беларусь» и регламентировавшую порядок создания Суда, его компетенцию и правовое положение судей. Эта глава входила в раздел VI Конституции, называвшийся «Государственный контроль и надзор» и содержащий также нормы о Контрольной палате и Прокуратуре Республики Беларусь. Законодатель сознательно не включил положения о Конституционном суде в раздел IV Конституции «Законодательная, исполнительная и судебная власть», подчеркивая тем самым особую роль и значение Конституционного суда в системе контрольных органов государства. В связи с этим фактом очередной импульс к развитию получила идея о четвертой, контрольной власти в государстве [2, с. 143—148], [7, с. 10—18].

Однако уже в 1996 г. на республиканском референдуме, инициированном Президентом А. Лукашенко, в Основной Закон государства были внесены изменения (несмотря на решение Конституционного суда о невозможности придания результатам референдума обязательного характера, таковые были признаны обязательными декретом Президента). В результате положения, посвященные Конституционному суду, теперь содержатся практически только в одной статье 116, которая находится в главе 6 Конституции. Глава эта носит название «Суд», что косвенным образом свидетельствует о существенном изменении правового статуса белорусского органа конституционного контроля. Тем не менее в силу особенностей своего правового положения Конституционный суд, как и прежде, фактически не задействован в процессе отправления правосудия (главным образом это обусловлено отсутствием института конституционной жалобы, а также тем фактом, что обращения по поводу конституционности того или иного нормативного акта, связанные с рассмотрением какого-либо конкретного дела в системе общих или хозяйственных судов, в орган конституционного контроля практически не поступают).

2. Основы правового статуса Конституционного суда Республики Беларусь

Вследствие весьма общей регламентации правового статуса Конституционного суда в нынешней редакции Конституции основная нагрузка в этом вопросе ложится на закон «О Конституционном суде Республики Беларусь» 1994 г. (действует с неоднократно вносившимися изменениями и дополнениями, последние — от 04.01.2003) [5]. Положительный момент такой ситуации состоит в том, что многие вопросы, нуждающиеся в дополнительном урегулировании, могут решаться без внесения изменений в Конституцию. Однако в этом обнаруживаются и серьезные проблемы, обусловленные слабой конституционной защищенностью самого органа конституционного контроля — слишком многое в его правовом статусе зависит от «настроения» законодателя.

Если говорить о предметной сфере, то компетенция Конституционного суда Республики Беларусь является достаточно широкой. На соответствие Основному Закону им могут быть проверены нормативно-правовые акты любого уровня. В отличие, например, от Польши, в Белоруссии предметом конституционного контроля могут быть нормативные правовые акты не только центральных органов государства, но и местных органов власти. Учитывая, что в республике нет административной юстиции, такое положение вещей следует приветствовать.

Весьма специфичным является право Конституционного суда по предложению Президента давать заключения о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами Парламента Конституции Республики Беларусь. Характерно, что в отношении главы государства аналогичное право органу конституционного контроля не предоставлено.

Согласно части второй статьи 116 действующей редакции Основного Закона Республики Беларусь, Конституционный суд формируется в количестве 12 судей. До ноябрьского референдума 1996 г., после которого белорусский орган конституционного контроля был сформирован заново, в его состав вхо-

дили 11 членов, и все они избирались Верховным Советом — в то время однопалатным Парламентом страны. Теперь же половина членов Суда назначается Президентом Республики Беларусь, другая половина должна избираться Советом Республики — верхней палатой нынешнего Парламента. Примечательно, что, несмотря на четкое конституционное указание об избрании шести судей, выборы фактически не происходили по той причине, что, как отмечается в литературе, на заседании Совета Республики, утверждавшем судей Конституционного суда, альтернативных кандидатур на эти должности представлено не было [3, с. 29].

Заслуживает внимания то, что именно Председатель Конституционного суда рекомендует кандидатуры, из которых Советом Республики должны избираться шесть судей. Если сопоставить положения Конституции, закона «О Конституционном суде Республики Беларусь» и Регламента Совета Республики [6], определяющие порядок формирования органа конституционного контроля, то совершенно обоснованно напрашивается вывод о том, что сегодня Председатель Конституционного суда не может быть назначен из числа судей, избранных на должность верхней палатой Парламента. Дело в том, что к моменту, когда эти выборы происходят, пост Председателя Конституционного суда уже должен быть занят, так как последний, согласно части второй статьи 236 Регламента Совета Республики, рекомендует кандидатуры судей. И более того: если продолжить размышления на данную тему, то вполне правомерно возникает вопрос о том, как в описанной ситуации вообще удалось заново сформировать полный состав Конституционного суда после республиканского референдума 1996 г. Ибо текст статьи 13 закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь» позволяет сделать совершенно естественное предположение о том, что Председатель Конституционного суда назначается главой государства из общего числа судей вне зависимости от того, как они заняли свою должность (были назначены или избраны), то есть из полного состава Суда. А если так, то каким образом еще не занявший

свою должность Председатель Конституционного суда мог рекомендовать Совету Республики кандидатуры судей, подлежащих избранию?

В сложившейся ситуации во избежание коллизии норм необходимо либо дополнить часть вторую статьи 13 Закона «О Конституционном суде Республики Беларусь» фразой о том, что Председатель Конституционного суда назначается Президентом исключительно из числа судей, им же и назначенных, либо удалить из Регламента верхней палаты Парламента положение, согласно которому кандидатуры для избрания на должность судей Конституционного суда выдвигаются из числа лиц, рекомендованных Председателем Конституционного суда (последний вариант представляется более приемлемым).

Конечно, все вышесказанное актуально в первую очередь в связи с формированием полного состава органа конституционного контроля Белоруссии после принятия в 1996 г. новой редакции Конституции страны и не относится к отдаленному будущему, когда в результате обусловленных различного рода причинами ротаций члены Конституционного суда, вполне возможно, будут занимать свои должности не одновременно.

Срок полномочий судьи Конституционного суда Республики Беларусь — 11 лет, причем возможно повторное занятие должности. Ситуация, когда члены органа конституционного контроля избираются только на один срок, как это имеет место в Польше, выглядит предпочтительнее. В этом случае над судьей даже гипотетически не довлеет мысль о возможности очередного избрания, что дополнительно гарантирует независимость его деятельности. Однако и здесь существуют свои отрицательные моменты, связанные с тем, что некоторые сравнительно молодые, но уже весьма опытные судьи уходят в отставку, в то время когда могли бы еще достаточно длительное время плодотворно трудиться и исполнять свои обязанности. С учетом сказанного пожизненное избрание судей конституционных судов (трибуналов) представляется наиболее оптимальным вариантом. При одном, правда, условии — наличии положения о предельном возрасте пребывания в должности.

Такое ограничение может быть установлено на уровне 70, как это предусматривает нынешнее белорусское законодательство, или даже 75 лет.

Обращает на себя внимание тот факт, что с февраля 2001 г. вследствие достижения предельного возраста пребывания в должности одним из судей, в свое время назначенным Президентом, Конституционный суд Белоруссии действует в составе лишь 11 вместо предусмотренных нынешней редакцией Конституции 12 членов. За все эти годы глава государства так и не назначил преемника на место выбывшего судьи. В этой связи законодательное урегулирование срока, в течение которого должность судьи может оставаться вакантной, представляется делом весьма назревшим.

Эффективность деятельности Конституционного суда во многом зависит от круга субъектов, обладающих правом инициирования процедуры конституционного контроля. Согласно части 4 статьи 116 нынешней редакции Конституции к таким субъектам относятся: Президент, Верховный суд и Высший хозяйственный суд, а также Совет министров Республики Беларусь и каждая из палат Парламента (именно палата целиком, что лишает любую группу депутатов, по тем или иным причинам голосовавшую против принятого закона, возможности обращения в Конституционный суд по поводу его соответствия Основному Закону). После референдума 1996 г. из этого круга были исключены Председатель Парламента, постоянные комиссии Парламента, группы депутатов Парламента и Генеральный прокурор (добавился лишь Совет министров). Кроме того, ранее Конституционный суд Республики Беларусь имел право возбуждать дела по собственной инициативе.

Лишение Конституционного суда права возбуждать дела по собственной инициативе можно расценивать в качестве положительной меры (в первую очередь в отношении самого Суда, который ранее постоянно подвергался обвинениям в политической ангажированности), хотя трудно судить, насколько полезной оказалась такая новация с точки зрения динамики процесса укрепления конституционной законности в стране.

Тем не менее, даже принимая во внимание факт включения Совета министров в число субъектов, имеющих право инициировать процедуру конституционного контроля, практика свидетельствует, что можно негативно оценивать уменьшение общего количества органов, обладающих таким правом. Признать оправданной такого рода тенденцию едва ли возможно. В свое время профессор А.А. Мишин по поводу ситуации во Франции высказал мысль о том, что сужение круга субъектов, обладающих правом обращения в орган конституционного контроля, приводит к тому, что глава государства и правительство существенно изменяют баланс власти в стране в ущерб законодательной ветви [4, с. 53]. Это суждение представляется достаточно актуальным и в наши дни.

Непосредственным результатом лишения ряда субъектов права возбуждать дела в Конституционном суде Республики Беларусь, а также следствием невысокой активности тех, кто им ныне обладает, стало то, что обращения в орган конституционного контроля уполномоченных на то субъектов стали большой редкостью. Так, начиная с 2000 г. их число не превышает трех в год, а интервалы между ними могут достигать полутора лет. В итоге невелико и количество заключений, принимаемых Конституционным судом Белоруссии (заключения, в отличие от иных решений белорусского органа конституционного контроля, являются правовыми актами нормативного характера, решающими судьбу правовых норм, конституционность которых исследуется). В 2003 г. Конституционный суд принял лишь одно заключение, а на начало октября текущего года их было три. Для сравнения: в Польше, где круг субъектов права инициации процедуры конституционного контроля значительно шире, число обращений, на основании которых Конституционный трибунал рассматривал дела по существу, в 2003 г. равнялось 96, а в предшествующем — 89. Принятых заключений было 70 и 61 соответственно, причем практически половина из них явилась следствием обращения в Трибунал в порядке конституционной жалобы (в первую очередь физических лиц) и Уполномоченного по правам человека.

Приведенные выше цифры весьма красноречивы. Они позволяют полагать, что радикальным средством увеличения количества обращений в Конституционный суд Республики Беларусь стало бы создание в стране полноценного института конституционной жалобы, введение должности Уполномоченного по правам человека с предоставлением ему возможности инициировать дела в органе конституционного контроля, а также возвращение такого права Генеральному прокурору и группам депутатов палат Парламента. Важный и давно назревший вопрос расширения круга субъектов, обладающих правом обращения в Конституционный суд за дачей заключения, не может быть решен без внесения изменений в Конституцию, так как часть 4 статьи 116 Основного Закона Республики Беларусь прямо называет все государственные органы, которые на сегодняшний день имеют такую возможность. Этот перечень является исчерпывающим, поскольку в тексте той же статьи или главы Конституции отсутствуют оговорки, позволяющие предполагать иное. И если соответствующие изменения будут внесены в любые законодательные акты, но не в Конституцию, то возникнет расхождение между ними и Основным Законом, которое может впоследствии стать предметом рассмотрения самого Конституционного суда.

Список литературы

1. *Garlicki L.* La réform de la juridiction constitutionnelle en Pologne // *Annuaire International de Justice Constitutionnelle*, XIII-1997. Paris, 1998. P. 11—13.
2. *Kuczyński W.* Problemy zabezpieczenia podziału władz w Republice Białoruś. Historia, stan obecny, perspektywy // *Ku konstytucji społeczeństwa obywatelskiego (Materiały białorusko-polsko-ukraińskiej konferencji naukowej)*. Warszawa, 1995. S. 143—148.
3. *Waszkiewicz A.* Sąd Konstytucyjny Republiki Białoruś: przed i po referendum listopadowym 1996 roku // *Sądy konstytucyjne w Europie*. Tom 4. Warszawa, 2000.
4. *Мишин А.А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 1996.

5. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 66, 2/932.

6. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2003. № 8, 4/2547.

7. Чиркин В.Е. Контрольная власть // Государство и право 1993. № 4.

П.А. Телятник, И.И. Жуковский
(Калининград, Россия)

**РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РОССИИ И ПОЛЬШЕ¹**

Проекты реформ местного самоуправления в России

Реформа системы местного самоуправления является одной из реформ второй волны, которые были заявлены в период первого срока президента В.В. Путина и продолжены после его переизбрания. Наряду с административной и военной, реформа местного самоуправления вызвала широкую дискуссию в обществе.

Конституция Российской Федерации определяет суть местного самоуправления как «самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью». Согласно российской Конституции органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Тем не менее допускается использование административной инфра-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Сравнительный анализ теории и практики развития системы местного самоуправления в России, Польше и Литве на современном этапе», проект № 05-02-02345а.

структуры местного самоуправления в целях осуществления государственной политики: «Органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств». Конституционные гарантии распространяются на самостоятельное управление муниципальной собственностью, формирование, утверждение и исполнение местного бюджета, установление местных налогов и сборов.

В 1998 г. Российская Федерация ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления (далее — Хартия). Хартия, принятая в 1985 г. большинством европейских государств в форме конвенции, подчеркивает, что «органы местного самоуправления являются одной из главных основ любого демократического строя». Конституционные принципы легли в основу федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 № 154-ФЗ, который конкретизировал права граждан на осуществление местного самоуправления, правовые, экономические и финансовые основы местного самоуправления и другие положения. В нем установлены критерии надления поселений и других населенных территорий статусом муниципального образования. Атрибутами самостоятельности муниципалитетов являются собственность, бюджет и избираемые населением органы местного самоуправления, а также устав.

Все десять лет своего существования местное самоуправление переживало тяжелые «болезни роста». Можно выделить следующие серьезные проблемы, связанные с неполным соответствием практики организации и осуществления местного самоуправления в Российской Федерации конституционным принципам, заложенным в основу этой сферы общественных отношений. Практика также отходит от представления о местном самоуправлении как институте гражданского общества. Зачастую она сводится к организации режима власти, обес-

печивающего личные или корпоративные интересы муниципальных должностных лиц, следовательно, искажает саму демократическую природу местного самоуправления.

Финансовое состояние местного самоуправления крайне тяжело. Доля местных налогов в структуре доходов местных бюджетов за 1999—2002 гг. резко сократилась (с 13 до 5 %), что свидетельствует о снижении уровня фискальной автономии муниципалитетов. За последние шесть лет доходы местных бюджетов сократились на 23—25 %. Они стали существенно меньше доходов региональных бюджетов, даже за вычетом расходов последних на безвозмездные перечисления.

Структура расходов муниципалитетов почти полностью предопределяется федеральными законодательными актами. Местные бюджеты обременены многочисленными нефинансируемыми федеральными мандатами, понимаемыми в данном случае как расходные полномочия муниципалитетов по исполнению нормативно-правовых актов федерального уровня, не обеспеченные доходными источниками.

Только наиболее крупные из них оцениваются в 3—4 % ВВП, т. е. около 20—25 % доходов консолидированных территориальных бюджетов Российской Федерации. В настоящее время уровень финансирования федеральных мандатов по социальной политике можно оценить в размере 60 %. Остальное компенсируется муниципалитетами за счет сокращения расходов на решение вопросов местного значения, выпадающих доходов предприятий транспорта и жилищно-коммунальной сферы.

Такое положение дел крайне опасно для демократического развития страны в целом, поэтому реформа местного самоуправления была востребована обществом. Логично было бы ожидать, что она пойдет по пути укрепления финансовой базы местного самоуправления и расширения общественного участия в нем. Однако предложенная реформа пошла по иному пути.

Концепция реформы была подготовлена Комиссией при Президенте Российской Федерации по подготовке предложе-

ний о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. С самого начала работы Комиссии стало ясно, что существующие социальные обязательства значительно превышают возможности консолидированного бюджета Российской Федерации. По оценкам Минфина России, «общий объем обязательств территориальных бюджетов составляет 3,1 трлн руб., а средства для их выполнения, включая финансовую помощь, — 2,1 трлн руб.». В этих условиях возможны два пути реформы: вначале сокращать нефинансируемые обязательства, а затем проводить разграничение полномочий; либо разграничивать полномочия таким образом, чтобы «дефицит» был распределен между уровнями государственной системы и местным самоуправлением. Был выбран второй путь, потребовавший укрепления влияния центральной власти.

Реформа местного самоуправления сосредоточилась на вопросах административно-территориального деления на местном уровне. Предложения Комиссии легли в основу проекта новой редакции федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — законопроект). Он был внесен в Государственную думу Президентом Российской Федерации 31 декабря 2002 г.

Законопроектом предложено ввести несколько видов муниципальных образований (см. рис.). Значительные нововведения предусмотрены также в отношении структуры и функций органов местного самоуправления. Они включают введение нормативов численности депутатов органов местного самоуправления и другие меры, ограничивающие самостоятельность на местах. Предусматриваются меры по оздоровлению муниципальных финансов, в частности сокращение нефинансируемых федеральных мандатов.

Муниципальные образования

Законопроект вызвал серьезные дискуссии в обществе. Социальная коммуникация по этой проблеме была начата серией «круглых столов» и публикаций, связанных с работой Комиссии по разграничению полномочий и обсуждением законопроекта летом — осенью 2002 г.

Реформа местного самоуправления была главной повесткой дня многочисленных совещаний и конференций, организованных всероссийскими, межрегиональными и региональными ассоциациями муниципальных образований. Позиция муниципального сообщества не отличалась единым мнением по отношению к законопроекту, среди мэров были и горячие сторонники реформы, и столь же горячие противники. Союз российских городов, ассоциация «МЭР» и территориальные объединения, такие как Оренбургская и Челябинская ассоциации муниципальных образований, более жестко критиковали предлагаемую реформу, чем, например, Конгресс муниципальных образований.

Позиция независимых экспертных центров в отношении законопроекта в целом была достаточно критичной, хотя мно-

гие специалисты поддерживали меры по освобождению муниципалитетов от исполнения государственных полномочий, не обеспеченных финансированием. Первые общественные обсуждения реформы были инициированы фондом «Институт экономики города» летом 2002 г. В рамках «Тольяттинского диалога» на переговорной площадке «Общество и местное самоуправление» (24 ноября 2002 г.) — мероприятии, в котором принял участие В.С. Мокрый, председатель Комитета по вопросам местного самоуправления Государственной думы Российской Федерации, состоялась общественная экспертиза законопроекта. Многие участники переговорной площадки назвали реформу «часом X» для гражданского общества и предложили политическим партиям определиться по этому вопросу в своих предвыборных платформах.

Нужно отметить, что критика законопроекта не является однородной. Помимо «либералов», которые критикуют законопроект не только за отступление от демократического «конституционного идеала», но и за слишком «вольное» обращение с правами собственности, у реформы есть и другие оппоненты. «Государственники», считающие заложенное в Конституции представление о самостоятельном местном самоуправлении «конституционной ошибкой», предлагают более жесткое регулирование его деятельности. «Левые» хотят установить минимальные социальные стандарты предоставления муниципальных услуг, гарантирующие населению «единый социальный пакет» не только со стороны государства, но и со стороны местного самоуправления.

В то же время у законопроекта немало сторонников, которые уверены, что реформа позволит повысить эффективность управления в стране и предотвратить кризисные ситуации на местном уровне. Они подчеркивают, что модель, предусматривающая три типа муниципальных образований, позволит приблизить власть к гражданам. Оппоненты указывают, что реформа, независимо от того, насколько удачными окажутся модели территориального деления, не решает наиболее острых проблем сегодняшнего дня, к которым можно отнести, напри-

мер, хронический недостаток финансов, в том числе в результате невовлечения в экономический оборот земли и недвижимости.

В целом нужно сказать, что процесс обсуждения законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» стал своеобразным индикатором общественно-политического развития страны. В результате широкой кампании по обсуждению реформы представления общества о местном самоуправлении значительно углубились и диверсифицировались. Об этом свидетельствуют хотя бы изменения в подаче материала в средствах массовой информации. Если осенью 2001 г. публиковались в основном информационные сообщения о деятельности Комиссии, то через год все ведущие газеты и журналы уже представляли аналитические обзоры «за» и «против» реформы местного самоуправления. Еще один показатель — изменение «тональности» парламентских слушаний. Если осенние слушания 2002 г., посвященные территориальным основам местного самоуправления, носили преимущественно информационный характер, то весенние слушания 2003 г. были крайне острыми, депутаты познакомились со всеми критическими замечаниями по реформе.

Напомним, что законопроект был внесен в Государственную думу Президентом Российской Федерации 31 декабря 2002 г. Чтобы обеспечить поддержку реформы, непосредственно перед обсуждением законопроекта в Комитете по вопросам местного самоуправления Государственной думы в состав Комитета были включены новые члены, представлявшие «Единую Россию». Их голоса и обеспечили одобрение законопроекта профильным Комитетом.

При голосовании в первом чтении 21 февраля 2003 г. «за» проголосовали 269 депутатов, «против» — 128, воздержались — 4. СПС и коммунисты — «против», «Яблоко» — «за» в первом чтении с тем, чтобы внести существенные поправки во втором².

² См.: База данных «Стенограммы заседаний Государственной думы». <http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph-sdb.exe>

Беспрецедентно число поправок к законопроекту — более 6 тысяч; они предложены ко второму чтению законодательными органами субъектов Российской Федерации, депутатами Государственной думы и членами Совета Федерации. На законопроект поступили отзывы из 48 законодательных и 45 исполнительных органов государственной власти 61 субъекта Российской Федерации. Отзывы содержали критику законопроекта «слева» (отсутствие минимальных социальных стандартов) и «справа» (процедуры введения внешнего управления, непрямые выборы глав местного самоуправления муниципальных районов и др.). Рабочая группа Комитета по вопросам местного самоуправления, обсуждавшая поправки, была сформирована на межфракционной основе, безусловное лидерство в ней принадлежало сторонникам законопроекта.

Второе чтение было запланировано на 25 апреля 2003 г., но отложено, так как не было ясности в вопросе о финансовой базе местного самоуправления. Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации официально обратилась к Председателю Правительства России М.М. Касьянову с предложением внести на рассмотрение в Государственную думу до 1 апреля 2003 г. проекты федеральных законов о соответствующих изменениях и дополнениях в бюджетное и налоговое законодательство. Такие проекты в срок не поступили, не поступили они и в дальнейшем. В июне Правительство Российской Федерации обратилось к депутатам с письмом, содержащим ряд предложений по этому вопросу, а Минфин России ознакомил их со своими проектами поправок в Налоговый и Бюджетный кодексы (не получившими, однако, официального одобрения Правительства). В сопроводительном письме Председателю Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Г.Н. Селезневу глава кабинета министров М.М. Касьянов сообщил, что «указанные законопроекты будут дополнительно проработаны Правительством по результатам рассмотрения» палатой во втором чтении двух президентских законопроектов: «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных орга-

нов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Несмотря на то что наиболее проблемные вопросы о доходах местных бюджетов остались невыясненными, второе чтение по законопроекту состоялось 11 июня 2003 г. «За» проголосовал 231 депутат (при минимально необходимом числе 226), «против» — 171 депутат³.

В поддержку законопроекта консолидированно голосовали фракция Либерально-демократической партии России и депутатская группа «Народный депутат». За исключением двух депутатов, реформу поддержала фракция «Единство», большинством голосов — фракция «Отечество — вся Россия» и группа «Регионы России (Союз независимых депутатов)». «За» проголосовали 5 депутатов из СПС и 1 депутат из «Яблока».

Как и при голосовании в первом чтении 21 февраля 2003 г., депутаты фракции Коммунистической партии Российской Федерации и фракции «Союз правых сил» голосовали «против» принятия закона. К ним присоединилось «Яблоко». Однако, как уже отмечалось, голосование фракций «Союз правых сил» и «Яблоко», публично высказавших политическое неприятие законопроекта, не было консолидированным. «Против» законопроекта в полном составе высказалась Агропромышленная депутатская группа, а также часть депутатов группы «Регионы России (Союз независимых депутатов)».

В начале последней осенней сессии заседаний Думы представители пяти фракций (четырёх центристских и СПС) заключили письменное соглашение о возвращении обсуждаемого закона ко второму чтению. Шестнадцатого сентября в ходе повторного обсуждения в проект были внесены поправки, относящиеся к переносу сроков вступления закона в силу (с января 2006 г.) и утверждению границ муниципальных образований. Интересно, что инициаторами этой отсрочки ранее были правые.

³ См.: База данных «Стенограммы заседаний Государственной думы». <http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph-sdb.exe>

Как и следовало ожидать, правительственный законопроект был принят 16 ноября в третьем чтении Государственной думой. За проголосовали фракции «Единство», «Отчество — вся Россия», «Народный депутат» и ЛДПР, против выступили КПРФ, Агропромышленная группа, «Яблоко» и СПС.

Депутаты Государственной думы, за исключением членов фракций СПС и «Яблоко», а также председателя Комитета по вопросам местного самоуправления В.С. Мокрого, представляющего фракцию «Единство», практически не комментировали свою позицию в средствах массовой информации.

Представляется, что «точка отсчета» в политическом самоопределении фракций при голосовании задавалась прежде всего тем, что законопроект был внесен Президентом Российской Федерации, в качестве представителя которого при обсуждении законопроекта выступал заместитель руководителя Администрации Президента РФ Д.Н. Козак, возглавляющий Комиссию при Президенте РФ по разграничению предметов ведения и полномочий между федеральными органами власти, органами власти субъектов РФ и органами местного самоуправления. Именно этим объясняется безусловная поддержка законопроекта фракцией «Единство».

В то же время в ходе обсуждения законопроекта со стороны «Единства» прозвучали и критические замечания. Они были направлены не в адрес разработчиков реформы, а в адрес Правительства Российской Федерации и касались правительственной позиции по вопросу о распределении доходных полномочий между уровнями государственной власти и местным самоуправлением. Как уже упоминалось, ко второму чтению депутатам были представлены не поправки в Налоговый и Бюджетный кодексы, а общая концепция того, как будут распределяться доходные источники между разными уровнями власти.

Депутатская группа «Регионы России (Союз независимых депутатов)» в целом поддержала законопроект по реформе местного самоуправления в пакете с другим законом о разграничении полномочий — «Об общих принципах организации за-

конодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Фракция КПРФ, выступившая против законопроекта, критиковала его и за предложенный порядок разграничения полномочий, и за недостаточное внимание к финансовому обеспечению местного самоуправления. Члены КПРФ считали, что положение органов местного самоуправления ухудшится, так как их ресурсы сократятся, а ответственность возрастет.

Критика реформы местного самоуправления для коммунистов — часть их общей кампании против внутренней политики Президента и Правительства. Предлагается остановить реформирование энергетики, ЖКХ, армии, образования, земельных отношений, милиции. По словам Геннадия Зюганова, проводить такое количество реформ одновременно — это самоубийство для любого государства.

Агропромышленная депутатская группа голосовала против законопроекта в полном составе. Поясняя свою позицию, группа обращала внимание на то, что по данному законопроекту серьезно сталкиваются экономические, финансовые, территориальные, земельные, имущественные и властные интересы субъектов Федерации и предполагаемых десятков тысяч муниципальных образований. «В белых одеждах хочет остаться федеральный центр, рассчитывая изымать средства с мест, чтобы затем подчинить себе голодных костью в виде прямых субвенций на места», — эмоционально заключил депутат Агропромышленной группы.

Фракции «Отечество — вся Россия» и «Народный депутат» поставили условием своей поддержки реформы местного самоуправления принятие закона «О минимальных социальных стандартах в Российской Федерации».

Внедрение системы социальных стандартов должно, по мнению этих фракций, гарантировать государственный контроль за системой жизнеобеспечения, ответственность за которую во многом несет местное самоуправление. Как отметил лидер фракции ОВР Вячеслав Володин, «мы не можем допус-

тить, чтобы государство утратило контроль над базовыми стандартами по выплата детских пособий, зарплат, пенсий, обеспечению жильем, предоставлению медицинских услуг. Кроме того, депутаты фракции «Отечество — вся Россия» в ходе второго чтения намерены внести в закон о реформе местного самоуправления ряд поправок. В частности, речь идет о выравнивании бюджетной обеспеченности городских и сельских поселений внутри субъекта Российской Федерации, а также о более позднем сроке вступления закона в силу с тем, чтобы меры, предпринимаемые по его реализации, были тщательно проработаны»⁴.

Законопроект «О минимальных социальных стандартах в Российской Федерации» был принят в первом чтении одновременно с принятием законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» во втором чтении. Однако идеология социальных стандартов противоречит концепции законопроекта о реформе местного самоуправления, поэтому неясно, как события будут развиваться дальше.

Фракция «Яблоко» голосовала «за» законопроект в первом чтении и «против» — во втором. На встрече с Д.Н. Козаком, которая состоялась 19 февраля 2003 г., депутаты «Яблока» выразили мнение, что принятие этого закона предоставляет реальный шанс создать в России полноценную систему местного самоуправления, и отметили, что заложенные в законопроекте идеи соответствуют выдвигавшимся в 1995—2001 гг. программным предложениям «Яблока» в области местного самоуправления. Среди главных достижений нового закона депутаты «Яблока» выделили «разделение муниципальных образований на четко оговоренные типы и введение двухуровневой системы местного самоуправления, запрет на совмещение постов главы администрации и председателя представительного органа, фиксацию на федеральном уровне объективных процедур финансового выравнивания».

⁴ См.: База данных «Стенограммы заседаний Государственной думы». <http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph-sdb.exe>

В то же время законопроект, по мнению «яблочников», содержал ряд крупных недостатков. Среди них — опасность тотальной перекройки существующих границ муниципалитетов, возможность изъятия без суда полномочий как у муниципальных образований, так у субъектов Российской Федерации, возможность изъятия имущества у муниципалитетов и другие. Депутаты «Яблока» настаивали, чтобы вместе с законопроектом в парламент были внесены соответствующие поправки в Налоговый и Бюджетный кодексы. В «Яблоке» считали, что за местным самоуправлением необходимо закрепить налоги на недвижимость, на совокупный доход, а также часть поступлений от налога на прибыль предприятий, налога на доходы физических лиц и ряда других. Фракция поставила условием своего голосования «за» законопроект во втором и третьем чтениях учет этих условий. Поскольку Правительство Российской Федерации не представило в срок предложения по внесению изменений в Налоговый и Бюджетный кодексы, гарантирующие укрепление финансовой базы местного самоуправления, фракция не поддержала закон во втором третьем чтениях.

Позиция «Союза правых сил» была последовательной при двух голосованиях. «Фракция “Союз правых сил”» голосовала против принятия законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с неприемлемостью его концептуальных положений, предполагающих: огосударствление местного самоуправления, которое понимается не как право граждан, а как обязанность, в том числе обязанность исполнять на местном уровне государственные полномочия; жесткую регламентацию организации системы органов местного самоуправления; существенное увеличение количества муниципальных служащих; возможность исполнения органами государственной власти полномочий органов местного самоуправления; отсутствие гарантий реализации права на осуществление местного самоуправления у жителей городов федерального значения», — говорится в партийной газете «Правое дело». Представители СПС неоднократно подчеркивали, что реформа финансово

не обеспечена, так как Правительством не внесены в Государственную думу проекты изменений в Бюджетный и Налоговый кодексы Российской Федерации, предусматривающие доходные источники муниципальных бюджетов. Депутатами фракции к законопроекту внесено более 1000 поправок.

Все дебаты по реформе местного самоуправления связаны, в конечном итоге, с одним вопросом: можно ли в Москве придумать, как организовать жизнь в сибирской деревне? Авторы законопроекта считают, что можно и нужно — во имя защиты прав человека, во имя обеспечения определенного минимума общественных благ на всей территории страны. Критики законопроекта убеждены, что соблюдение государственных социальных гарантий — это прерогатива и обязанность государства, нельзя перекладывать ее на местное самоуправление, как уже переложили обеспечение жилищно-коммунальных льгот ветеранам и многие другие так называемые «нефинансируемые федеральные мандаты». Они считают, что попытки сделать местное самоуправление частью вертикали публичной власти в условиях огромной России с ее пространствами, разнообразием экономических и социально-культурных условий обречены на провал.

Говорить о результатах реформы пока рано, так как закон вступает действие только с 1 января 2006 г. Пока лишь можно делать прогнозы о последствиях для страны, связанных с его реализацией. Так, по расчетам авторов, число муниципальных образований вырастет в 2 — 2,5 раза с нынешних 12 тысяч до 28 тысяч. При этом основную массу составят сельские поселения — около 23 тысяч⁵. И как следствие этого — вырастет и общее количество муниципальных служащих и депутатов представительных органов муниципальных образований.

К позитивным сторонам можно отнести: приближение муниципальной власти к населению, ликвидацию положения,

⁵ Расчеты сделаны на основе данных Госкомстата по количеству сельских администраций и других видов административно-территориальных единиц. См., например: *Сведения о ходе реформы местного самоуправления в РФ*. М., Госкомстат РФ, 1998.

при котором местное самоуправления отсутствовало в ряде регионов и тем самым нарушались конституционные права граждан. Также впервые как обязательный для муниципального уровня власти прописан принцип разделения властей и принцип субсидиарности, т. е. передачи отдельных государственных полномочий только с соответствующими источниками финансирования.

Реформа местного самоуправления в Польше (1998)

Реформа местного самоуправления в Польше была одной из четырех реформ, разработанных и реализованных правыми политическими силами в период работы правительства Ежи Бузка (1997—2001)⁶. В период подготовки и парламентского обсуждения пакета законов, который должен был дать старт реформам, именно реформа системы государственной администрации и местного самоуправления (наряду с реформой системы здравоохранения) вызывала больше всего нареканий. В то же время спустя несколько лет эта реформа оценивается в экспертном сообществе как самая удачная из «четырех великих реформ».

По новой Конституции (от 2 апреля 1997 г.) органы местного самоуправления получали право участия в осуществлении общественной власти, что определялось довольно размытой формулировкой («выполняя важную часть общественных задач»), не было прописано конкретного механизма финансирования реализации таковых. Поскольку во время процесса разработки Конституции не предполагалось введение трехуровневой системы административного устройства страны, то и отражение в тексте Конституции получила только гмина, а для введения повятов требовалось принятие специального закона.

⁶ Что интересно, за все время существования III Республики это было единственное правительство, проработавшее полностью свой срок – 4 года.

Необходимость смены существующей системы местного самоуправления было одним из пунктов избирательной платформы «Союза свободы», который фактически начал работу по подготовке реформы еще в самом начале 90-х гг. Среди аргументов основными являлись: необходимость оптимизации существующей структуры реализации политической власти на уровне воеводств, сокращение числа чиновников, а также аргумент «перспективный» — исходя из сложившейся традиции межрегионального взаимодействия и условий реализации программ поддержки, финансируемых из средств Европейского союза, более крупные регионы имели большие конкурентные преимущества.

Первоначальный план, предложенный на рассмотрение и оценку парламентским комиссиям, предполагал трехуровневую систему и существенное снижение числа воеводств⁷ — до 12, которые делились на повяты и гмины. Данный проект (представленный в марте 1998 г.) вызвал резкий протест как политических оппонентов, так и партнеров по коалиции. Оппозиционная Народная партия Польши, позиционирующая себя как адвоката интересов жителей села, настаивала на сохранении существующей двухуровневой структуры — 49 мелких воеводств и гмины. Радикальные правые силы (например, «Движение в защиту Польши») считали, что подобная реформа послужит укреплению тенденции регионализации и превращению унитарной Польши в государство, построенное на федеративной основе. Данные исходные убеждения, помноженные на традиционные опасения части релевантных политических игроков утраты западных земель в пользу объединенной Германии, послужили достаточным основанием для блокирования проекта реформы в таком виде [5, с. 453—458].

Вполне естественным было неприятие реформы локальной политической элитой тех городов, которые утрачивали свой статус столиц воеводств.

⁷ Напомним, что по реформе 1975 г. в Польской Народной Республике число воеводств увеличивалось с 17 до 49, упразднялись повяты. Гмины были введены в 1973 г.

Польские эксперты, анализировавшие проекты реформы местного самоуправления и административно-территориального устройства страны, составили сводную таблицу преимуществ и недостатков конкретных проектов:

**Сравнение вариантов реформы
административно-территориального устройства Польши**

Критерий	49 вое- водств	25 вое- водств	17 вое- водств	12 вое- водств
Эффективность управления	Низкая	Низкая	Средняя	Высокая
Непрерывность традиции	Отсутствует	Отсутствует	Есть	Есть
Использование населенных пунктов	Хорошее	Среднее	Хорошее	Хорошее
Функционирование общества и хозяйства	Явно нефункциональна	Явно нефункциональна	Достаточно функциональна	Достаточно функциональна
Перспективы конкурентоспособного участия в проектах ЕС	Небольшие возможности	Небольшие возможности	Средние возможности	Большие возможности
Возможность восстановления повятов	Практически отсутствует	Небольшая	Большая	Большая
Шансы реализации реформ	Состояние на 1997 г.	Средние	Небольшие	Низкие

Цит. по [2, с. 18].

После внесения парламентской комиссией поправок в правительственный проект⁸ число воеводств в проекте реформы возросло до 15. В таком виде реформа, поддерживаемая про-

⁸ Данный проект был разработан экспертами Института общественных проблем – классической «фабрики мысли».

правительственным большинством, прошла и через Сейм, и через Сенат. Президент Квасьневский, готовящий кампанию по своему переизбранию на второй срок, мастерски использовал конфликтный потенциал ситуации, наложив на проект Правительства вето. По предложениям Канцелярии Президента число воеводств должно было быть увеличено до 17.

Политическим компромиссом стало утверждение существующей на сегодняшний день структуры, состоящей из 16 воеводств:

1. Западнопоморское (Щецин).
2. Поморское (Гданьск).
3. Варминьско-Мазурское (Ольштын).
4. Подляское (Белосток).
5. Любусское (Гожув Велькопольский).
6. Велькопольское (Познань).
7. Куявско-Поморское (Быдгощч).
8. Мазовецкое (Варшава).
9. Дольношленское (Вроцлав).
10. Шлёнское (Катовице).
11. Малопольское (Краков).
12. Подкарпатское (Жешув).
13. Свентокшижское (Кельце).
14. Лудское (Лодзь).
15. Люблинское (Люблин).
16. Опольское (Ополе).

Было создано 308 повятов сельских и 65 городских (город со статусом повята). Существовавший институт выборного местного самоуправления на уровне гмины был дополнен соответствующими структурами на уровне как повятов, так и воеводств. Такое решение потребовало срочной разработки закона о «выборах органов местного самоуправления», который вступил в силу 16 июля 1998 г. Первые в истории Третьей Республики выборы в советы повятов, гмин и городов, сеймики воеводств прошли 11 октября 1998 г.

Концепция реформы предполагала сосуществование на уровне воеводства двух элементов структуры управления: государственного (аппарат воеводы, реализующий полномочия органов государственной власти; воевода назначается председателем Совета министров — без утверждения воеводским сеймиком — региональным парламентом); и самоуправленческого (воеводский сеймик — региональный парламент, обеспечивающий интересы жителей региона).

Воевода выполняет функции поддержания общественного порядка — так, полицейские структуры находятся в ведении именно воеводы. Воевода (как фигура политическая) обеспечивает соблюдение общегосударственных интересов в отдельно взятом регионе, реализацию политики Правительства и обязан подавлять автономистские тенденции воеводств.

Орган местного самоуправления на уровне воеводства разрабатывает и утверждает программы и концепции развития воеводства, его бюджет. Сеймик должен защищать интересы семьи, бороться с безработицей и антиобщественными явлениями на территории воеводства. Органы местного самоуправления, чье решение было отменено воеводой, имеют право апелляции в административный суд. Подобная схема проецировалась и на низшие уровни — повяты, гмины.

В то же время не обошлось и без критических замечаний. Наблюдатели отмечают весьма неэффективно решенный вопрос о порядке формирования бюджетов органов местного самоуправления и необоснованно сильную позицию воеводы в бюджетно-финансовой сфере. Фактом является то, что органы местного самоуправления в минимальной степени наделены как инструментами региональной политики, так и инструментами привлечения инвестиций⁹.

Итоговая система организации местного самоуправления довольно сильно отличалась от проектной. Органы местного

⁹ Чаще всего единственным инструментом в борьбе за инвестора со стороны органов местного самоуправления является лишь предоставление привлекательного земельного участка на максимально льготных условиях.

самоуправления были созданы, но они не получили реальных инструментов реализации своей политики, что свело декларируемый на этапе разработки и внедрения принцип «децентрализации власти» к уровню, весьма далекому от планируемого. Реформа подтолкнула государство в сторону максимального включения в процессы глобализации через регионализацию, однако она не носила законченного характера: главная цель реформы — децентрализация государственной власти и делегирование полномочий на места — была достигнута, но полученный уровень децентрализации не удовлетворил разработчиков и идеологов реформы.

Список литературы

1. *Гиловска З.* Реформа самоуправления и реформа общественных финансов // Четыре реформы: от концепции до реализации. Варшава, 2000.
2. *Гожеляк Г., Яловецки Б.* Реформа административно-территориального устройства страны // Вторая волна польских реформ. Варшава, 2000.
3. *Европейская хартия местного самоуправления* // Народный депутат. 1993. № 11.
4. *Конституция Российской Федерации.* М., 1994.
5. *Кораль Й.* Внедрение реформы самоуправления: достижения и неудачи // Четыре реформы: от концепции до реализации. Варшава, 2000.
6. *Либоракина М.Н.* Государственная дума 2000—2003: портрет для избирателя. М., 2004.
7. *Сеньол Я.* Реформа самоуправления в действии // Четыре реформы: от концепции до реализации. Варшава, 2000.
8. *Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации:* Федеральный закон от 12 августа 1995 г. С изменениями и дополнениями, внесенными федеральными законами РФ от 22 апреля 1996; от 26 октября 1996; от 17 марта 1997. М., 1997.
9. *Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации:* Федеральный закон от 6 октября 2003 г. // СПС Консультант Плюс.

10. Широков А.Н., Юркова С.Н. Местное самоуправление в Российской Федерации: основные понятия, термины и положения федерального законодательства. М., 2004.

11. Dudek A. Pierwsze lata III Rzeczypospolitej. Krakow, 2002.

12. Polska administracja publiczna po reformie: Ustrój, kompetencje, liczby. Warszawa, 1999.

13. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1997.

14. Społeczeństwo i polityka. Warszawa, 2003.

М. Кривдинский
(Берлин, Германия)

**КОНФЛИКТ ВОКРУГ «СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА»
В ПОЛЬШЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПАРТИЙНУЮ
СИСТЕМУ В 90-е ГОДЫ XX ВЕКА**

Целью данной статьи является исследование конфликта социальных групп в Польше, возникшего на почве системы социального обеспечения в период 90-х гг., при помощи классовой модели общества Э.О. Райта. В ходе работы были рассмотрены следующие вопросы: существует ли в Польше конфликт между социальными группами на почве системы социального обеспечения? Оказывает ли этот конфликт влияние на политическую систему государства посредством политических выборов?

Прежде всего, нужно отметить, что классовая модель общества успешно объясняет распределение доходов в обществе и создание общества с равномерным распределением материальных благ между социальными группами. Кроме того, данная статья обращается к вопросу о различиях между социальными группами в плане поддержки системы социального обеспечения. В отличие от довольно высокой равномерности в распределении материальных благ, намного сложнее обнаружить классовые позиции, которые бы продемонстрировали относительно одинаковую степень политической сознательности социальных групп. Однако есть существенные различия

между буржуазным классом и другими социальными классами в отношении поддержки системы социального обеспечения и политического вмешательства в рыночные механизмы. Тем не менее политические различия имеют ограниченное влияние на политическую систему. Переплетение различных аспектов конфликта и партийная стратегия не допускают прямого влияния классовой структуры общества на политический выбор при голосовании.

Введение

Понятие социального слоя общества представляет собой наиболее противоречивую область в социологии, и очень часто его считают устаревшим понятием XIX века. Безусловно, нет никаких сомнений по поводу постоянного существования в обществе такого явления, как социальное неравенство, — критика ставит под вопрос убедительность аналитического понимания концепта «социальная группа» в качестве объяснения социального неравенства. Преобразование Восточной Европы породило новые проблемы в исследовании социальных слоев общества. Внедрение рыночных механизмов обуславливает современное развитие общества и поддерживает — реально или идеологически — попытки положить конец классовым барьерам и иерархиям. Неопределенность, укоренившаяся в процессе преобразования, как может показаться, препятствует пониманию интересов общества и усложняет процесс развития политической и экономической коллективной идентичности [2; 6; 20].

Некоторые исследователи тем не менее поддержали тезис о стремительном развитии капиталистической классовой структуры общества в Восточной Европе [9; 10; 11; 24]. Данная статья возобновляет актуальность этого тезиса и исследует релевантность понятия социальной группы по отношению к польскому обществу. Статья акцентирует внимание на возможном конфликте между социальными слоями общества в связи с политикой в области социального обеспечения и влиянии этого конфликта на политическую систему государства.

Классовая модель общества, разработанная Э.О. Райтом, предоставляет методологическую схему для исследования. Статья состоит из трех частей:

1. Отправной точкой данной статьи является предположение о том, что существующий конфликт между разными социальными группами окажет влияние на политическую систему государства посредством политических выборов. Однако, как предсказывает классическая модель социологического понимания партийной системы, это влияние может ослабеть из-за переплетения различных аспектов конфликта. Будучи не связанной с социально-экономическими аспектами конфликта, использование «лево-правой» проблемной матрицы применительно к польской партийной системе, вероятно, препятствует перемещению конфликта между разными социальными группами в политическую плоскость — политическую систему государства.

2. Второй проблемной зоной данной статьи является конфликт социальных слоев общества, возникающий на почве политики в области социального обеспечения. В первую очередь статья проверяет убедительность толкования классовой модели общества относительно распределения доходов в Польше. Если распределение жизненных возможностей и материального благосостояния соответствует схеме классового общества, можно ожидать, что различные классовые позиции окажут влияние на политические предпочтения классов. Простой признак, доказывающий поддержку политики в области социального обеспечения, создан при помощи Польской организации социальных исследований. Исследование раскрывает существенные различия в поддержке политики в области социального обеспечения между: с одной стороны, «буржуазным союзом», в состав которого входят бизнесмены, менеджеры и эксперты, а с другой — остальными классовыми группами общества.

3. Последняя часть статьи посвящена влиянию межклассового конфликта на политическую систему государства посредством политических выборов. Состояние регресса, которое вполне логично, используется для того, чтобы исследовать

значимость классовых позиций и некоторых «идеологических» переменных для политического выбора при голосовании. Выбранными «идеологическими» переменными являются следующие: поддержка политики в области социального обеспечения, идентификация с левым или правым политическим спектром и религиозность. Классовая позиция и поддержание политики в области социального обеспечения, как может показаться, оказывают очень ограниченное влияние на политическое решение в выборах, проходивших в Польше в 90-е годы. Существует лишь незначительное влияние некоторых аспектов этого конфликта на партийную систему.

Пересмотр партийной системы

Во всех современных капиталистических обществах политические партии играют исключительно важную роль при осуществлении политического выбора. Из нескольких существующих функций наиболее важной являются накопление и озвучивание интересов, а также разработка политических альтернатив [1]. Классическая теория расслоения общества Штейна Роккана и Сеймура Липсета и ее последователи сформулировали три гипотезы относительно связи между классовой структурой общества и политической системой [19]:

1. Избиратель всегда отдает предпочтение той партии, которая наилучшим образом представляет его интересы.
2. Интересы избирателя соответствуют политическим целям той социальной группы, к которой они принадлежат.
3. Политические цели социальных групп, вовлеченных в конфликт, представляются политическими партиями.

Следовательно, изучение партийной системы предполагает три шага: определение аспектов социального конфликта и конфликтующих социальных групп; выбор аспектов конфликта, принимающих общественную и политическую форму; и, наконец, исследование влияния аспектов социального конфликта на партийную систему. Социальные классы представляют собой конфликтующие группы, и можно ожидать, что

политические позиции и политический выбор будут отражены в различных классовых позициях.

Однако существует несколько переходных факторов, которые препятствуют оказанию непосредственного влияния межклассовых конфликтов на политическую систему. Особенно важным фактором для Польши является переплетение социально-экономических аспектов конфликта с лево-правой политической системой. Два фактора определяют кодирование лево-правой политической системы и политических единиц, которые ей принадлежат: историческое противостояние Коммунистической партии и оппозиции «Солидарность» в 80-х гг., а также разногласия относительно роли религии и церкви в обществе [25]. Поляризация членов левой и правой партий играет ключевую роль для избирательных кампаний и политической системы в целом. В отличие от западноевропейских обществ, поляризация никак не связана с социально-экономическими вопросами, но она связана как с происхождением политических партий на основе бывшей Коммунистической партии, так и с оппозиционным движением, конфронтацией светского и католического видения общества.

Классовая модель общества, источники информации

В исследованиях классовых слоев общества отдается предпочтение историческому, индуктивному подходу к проблеме категории и построения модели общества. Среди немногочисленных попыток создать единую концептуальную схему для исследования социальных слоев общества наибольшую популярность завоевали следующие: классовая модель общества Эрика Олина Райта (последняя версия 1997 г.) и модель Джона Гольдтопа. Для нижеприведенного анализа была выбрана модель Райта.

Кроме ключевого концепта материального благосостояния Райт предлагает углубить исследование социальных слоев общества и изучать социальную группу, к которой относятся служащие, в соответствии с двумя критериями: связь с властью, т. е. сотрудничество с превалирующей политической

системой, и обладание определенными навыками. Райт ссылается на необходимость привлечения к работе планирующего и управляющего персонала для того, чтобы объяснить значение власти. Менеджеры и контролеры осуществляют классовую власть капиталистов. Необходимость обладания определенными навыками была включена в соответствии с подходом Вебриана.

Следующее исследование проведено при помощи Польской организации социальных исследований в 1992—1999 гг. [5]. Понятие о классовом расслоении общества связано с позицией, которую занимают отдельные лица в процессе рыночного воспроизводства. Для того чтобы получить достаточно объемный пример, в исследование помимо работающего населения были включены пенсионеры и безработные; они были распределены по разным социальным группам в соответствии с их последним родом занятий.

Владельцы средств производства классифицируются в соответствии с методом, предложенным Райтом. Исследование выделяет людей, работающих на собственное предприятие (мелкая буржуазия); предпринимателей, нанимающих до 10 работников (мелкие работодатели) и тех, кто нанимает больше 10 работников (капиталисты). В отличие от классификации, предложенной Райтом, крестьяне относятся к отдельному классу. Распределение доходов и политические предпочтения польского крестьянства отличаются от других классов-собственников. Исследование выделяет класс мелких крестьян, у которых нет наемных рабочих и крестьян, нанимающих до 10 работников.

Распределение работодателей по классам происходит по перекрестной классификации связи с властью и обладанию определенных навыков. Райт прибегает к использованию определенного набора признаков для того, чтобы выделить различные связи с властью. Представляется совершенно невозможным воспроизвести такой подход на основе информации Польской организации социальных исследований, поэтому используется формальный критерий, включающий количество

подчиненных и положение их в управленческой иерархии. Исследование выделяет служащих без авторитета, контролеров и менеджеров.

Классификация служащих в зависимости от обладания определенными навыками и знаниями соответствует модели Райта в том, что она фокусирует основное внимание на уровне образования и дополняется информацией о профессиональной группе. Было выделено три уровня квалификации: низкая, средняя и высшая.

Помимо полной классовой модели общества Райта существует сокращенная версия, основанная на проекте, предложенном самим Райтом. Эта модель используется для того, чтобы соответствовать требованиям метода регрессии относительно количества случаев для каждой категории. Нижеприведенная таблица сравнивает обе версии.

Таблица 1

**Классовая модель общества Райта —
полный и сокращенный варианты**

Полная версия	Сокращенная версия
Капиталисты Мелкие работодатели	Буржуазия
Мелкая буржуазия	Мелкая буржуазия
Крестьяне Мелкие крестьяне	Крестьяне
Менеджеры-эксперты Квалифицированные эксперты Эксперты-контролеры	Расширенная группа экспертов, менеджеров
Неквалифицированные менеджеры	Неквалифицированные менедже- ры
Квалифицированные контролеры	Квалифицированные контролеры
Эксперты	Эксперты
Неквалифицированные контролеры Квалифицированные рабочие Неквалифицированные рабочие и рабочие сельской местности	Расширенная группа рабочего класса

***Развитие классового расслоения общества
и процесс его преобразования***

Уже в самом начале процесса преобразования общества стран Восточной Европы никоим образом не соответствовали эгалитарной схеме: хотя фактически не существовало частной собственности в отношении средств производства, была особая социальная группа — менеджеры, специалисты и руководители партии, — которая контролировала процесс производства и организацию рабочей силы. Существовала иерархия в отношении распределения доходов и социального статуса, которая очень схожа с обществами стран западной Европы [24]. Таким образом, крах социализма не означал полный распад бывшей социальной иерархии, но поменял правящие группы в государственном строе экономики. Введение рыночных механизмов, либерализация экономики и приватизация государственных промышленных предприятий вызвала поспешное создание нового экономического «правлящего класса» владельцев промышленных предприятий и менеджеров.

В Польше процесс преобразований начался еще в начале 80-х гг. После объявления в стране чрезвычайного положения в 1981 г., коммунистическое правительство укрепило рыночные элементы в экономической системе и допустило развитие частного сектора для того, чтобы реорганизовать нездоровую экономику. Доля частного сектора (без сельского хозяйства) возросла от 5,5 % в 1980 г. до 9,6 % в 1989 г. [16]. Основная часть будущей буржуазии зародилась в 80-е годы, одна треть частных предпринимателей в 1993 г. владела своими предприятиями еще до 1988 г. [9, с. 18]. Этот новый класс собственников состоял из бывших менеджеров среднего звена и специалистов, извлекающих пользу из новых возможностей и спада активности менеджеров высшего звена, принадлежащих социальному строю, и высших партийных чинов. Естественно, рабочие и крестьяне практически не имели шанса воспользоваться новыми возрастающими возможностями.

Можно ли объяснить посттрансформационную структуру социального неравенства при помощи понятия «социальный

класс»? Для начала необходимо изучить материальную сторону неравенства. Свидетельствует ли классовая модель общества Райта о равномерном распределении материальных благ между социальными группами? Распределение материальных благ изучается при использовании дохода в качестве индикатора. Однако необходимо помнить об ограниченности данного подхода: во-первых, Польская организация общественных социальных исследований предоставляет информацию о доходах только от основной работы гражданина и не включает информацию о доходах от собственности. Материальное благосостояние высшего класса недооценивается. Во-вторых, действительно богатые люди никогда не принимают участия в исследованиях, проводимых организациями, подобными Польской организации социальных исследований. Большинство капиталистов, которые служат примером в исследованиях этой организации, представляют собой бизнесменов среднего достатка.

Таблица 2

Объяснение распределения дохода

Показатель	Количество категорий	1992, %	1999, %
Классовая модель общества Райта (включая крестьян)	15	34,0 (2,27)	28,5 (1,90)
Сокращенная версия классовой модели общества Райта (включая крестьян)	8	25,1 (3,14)	24,3 (3,04)
Исходная классовая модель общества Райта без крестьян	12	27,8 (2,11)	20,2 (1,68)
ISCO-88 классификация профессий	9	13,9 (1,54)	20,4 (2,26)
ISCO-88 классификация профессий	27	22,1 (0,82)	23,8 (0,88)
Экономический сектор классификации	30	7,4 (0,25)	8,9 (0,30)
Уровень образования	10	7,4 (0,74)	12,4 (1,24)
Пол	2	6,5 (3,25)	3,9 (1,95)

Таблица 2 наглядно демонстрирует долю отдельных переменных величин в общей схеме распределения доходов общества; иными словами, таблица демонстрирует способность данных переменных выделять отдельные статьи доходов общества. Классовые модели, включающие в себя в том числе и представителей крестьянства, демонстрируют гораздо более достоверную схему доходов, чем та, из которых исключено крестьянство и которая, по существу, лежит в основе исходной модели. Классовые модели являются гораздо более наглядными, чем предложенные ранее классификации, составленные по принципу профессиональной деятельности, или отдельно по секторам экономики, или по образовательному уровню населения. Классовая принадлежность является тем фактором, который наилучшим образом объясняет существующие различия в уровне доходов населения.

Точность любой статистической модели исследования может быть повышена путем простого увеличения количества категорий, включенных в таблицу и анализируемых исследователями. Таким образом, можно утверждать, что приведенные выше таблицы представляют каждую категорию с *относительной* точностью. Что касается количества рассматриваемых категорий, то Райт решил сократить перечень категорий, включенных в классовую модель. Указанная классовая модель будет использоваться в случае необходимости и там, где такая относительность допустима, однако в научных исследованиях нельзя отдавать предпочтение таким «грубым» классификациям, когда есть возможность использовать более детально разработанные.

Класс и классовое сознание

Как было показано, существует четкая зависимость между принадлежностью к определенному социальному классу и материальным благополучием индивидуума. В капиталистических странах представители различных классовых групп имеют отнюдь не равные шансы на успех в конфликте, возни-

кающем из-за получения и распределения социального продукта. Исходя из положения, что представители социальных групп демонстрируют рациональное поведение, можно предположить существование неких правил предпочтения, касающихся принятия механизмов и принципов рыночной экономики капитализма, осуществления политического контроля за развитием рынка и перераспределением социальных благ. Приведенный ниже анализ ставит своей целью более подробно рассмотреть политику в области социального обеспечения.

Принятие или непринятие подобной политики анализируется по ответам на три вопроса:

1. Должно ли правительство стремиться минимизировать различия в уровне доходов различных групп населения?
2. Должно ли правительство обеспечивать полную занятость?
3. Должно ли правительство гарантировать всем гражданам минимальный уровень доходов?

Ответы на них соотносятся с пятибалльной шкалой Ликерта. Полученный показатель отражает внутреннюю однородность исследуемой группы. Он измеряется по шкале от 0 (максимально негативное отношение к политике социального обеспечения) до +12 (максимальная приемлемость данной политики).

В период с 1997 по 1999 г. данные PGSS рассматривались как единое целое, для того чтобы достичь максимальной наглядности исследования. Прежде всего, необходимо сопоставить влияние принадлежности к определенному социальному классу и ряд других факторов (табл. 3).

При рассмотрении номинальных факторов — уровень образования, религиозность — разница между ними описывается при помощи квадрата коэффициента соотношения (r^2), в то время как при анализе показателя «классовая принадлежность» используется квадрат расчетного коэффициента (η^2). Согласно статистическим данным интерес различных слоев общества к политике социального обеспечения заметно ниже,

чем интерес общества к уровню доходов. Тем не менее показатель его уровня составляет 11,2 %. Фактор «уровень образования» можно трактовать аналогичным образом, однако необходимо учитывать его тесную связь с таким фактором, как «классовая принадлежность». Классификация согласно профессиональной деятельности объясняет 8,3 % отклонения. Фактор «религиозность» определялся, исходя из количества посещений церковных служб в месяц. Однако следует учитывать его существенное влияние на формирование личностного отношения к политике социального обеспечения.

Таблица 3

**Принятие политики социального обеспечения —
сравнение факторов**

Показатель	Количество категорий	Коэффициентная разница, %
Классовая модель общества Райта	15	11,2 (η^2)
Сокращенная версия классовой модели общества Райта	9	8,3 (η^2)
ISCO-88 классификация профессий	9	8,3 (η^2)
Уровень образования	10	11,8 (r^2)
Религиозность	9	1,6 (r^2)
Политические взгляды	5	0,1 (r^2)

Общие статистические показатели социологических исследований показывают, что интерес общества к политике социального обеспечения ниже, чем интерес общества к уровню доходов. Однако проведенный анализ дает интересные и точные результаты различий в отношении представителей разных социальных слоев к принятию социальной политики.

Структура общества и политическая система

Здесь необходимо вернуться к анализу системы партий. Нами было продемонстрировано, что социальная группа — это наиболее важная переменная, объясняющая распределение доходов. Несмотря на то что социальные группы не являются столь однородными в отношении своих политических интере-

сов? как в отношении к своему материальному положению, обнаруживается социальный конфликт между «буржуазным объединением» и остальными социальными группами по вопросу принятия политики соцобеспечения.

При существующей лево-правой политической схеме и соответствующей поляризации партийной системы в Польше (поляризация при этом не связана с линиями социально-экономического конфликта) имеет ли место переход конфликта социальных слоев по вопросу политики соцобеспечения на политическую систему? Партийная система Польши характеризуется поляризацией между посткоммунистическими, либеральными и правыми преемниками движения «Солидарность». При этом объединения между двумя лагерями невозможны.

Наш анализ партий основан на выборах 1993 и 1997 гг. Были представлены четыре партии или партийных объединения: 1) посткоммунистический Союз демократических левых сил (SLD) и Союз труда (UP), представляющий социально-демократические, светские взгляды общества; 2) Аграрная польская народная партия (PSL), объединяющая программу протекционизма экономики и консервативные католические взгляды; 3) либеральный Союз свободы (UW); 4) лагерь «Пост-Солидарности», объединяющий большое количество правых партий, разделяющих католические взгляды, но представляющих широкий круг социально-экономических интересов — от либеральной оценки условий рынка до профсоюзной защиты прав рабочих.

Таблицы 4 и 5 показывают, соотношения голосов с одной стороны, и социальные группы и «идеологические» переменные — с другой. «Идеологические» переменные: принятие политики соцобеспечения, собственная позиция между правыми и левыми и религиозность (количество посещающих церковные службы в месяц). Коэффициент логистической регрессии показывает возможность выбора той или иной партии каждой социальной группой в сравнении со средствами всех социальных групп, значение которых здесь не оценивается. В случае с индексом политики соцобеспечения, собственной позиции

между правыми и левыми и религиозностью коэффициент показывает влияние увеличения значимости этих переменных на принятие решения при голосовании (т. е. влияние усиления поддержки политики соцобеспечения, перехода из левых сил в правые, усиления религиозности). Для сравнения коэффициентов «идеологических» переменных они сгруппированы по расхождениям между ними.

Коэффициент регрессии был подсчитан для всех партий в отдельности, поэтому рассматривать колонки в таблицах следует одну за другой, а не сравнивая показатели каждой колонки между собой. В этих таблицах список социальных групп сокращен.

Таблица 4

Вероятность выбора той или иной партии на выборах 1993 г.
(n = 1188)¹

Показатель	SLD/ UP	PSL	UW	Правые движе- ния «Пост-Со- лидарности»
<i>Социальные группы</i> ²				
Буржуазия	0,65	0,59	1,29	2,28**
Мелкая буржуазия	2,23*	0,51	1,85	0,75
Крестьяне	0,19**	9,42**	0,06**	0,70
Менеджеры	1,67*	0,77	1,65*	0,82
Квалифицированные инспекторы	1,52	0,85	1,34	1,00
Специалисты	1,34	0,52	2,26**	0,90
Рабочие	1,06	1,02	1,28	1,11

¹ Как читать таблицы: в таблице 4, колонке SLD/UP значение 2,23 (для мелкой буржуазии) показывает возможность выбора SLD/UP в 2,23 раза выше, чем в среднем в остальных социальных группах. В этой же таблице значение 0,33 в разделе «Собственная позиция» между правыми и левыми увеличивает возможность голосования за SLD/UP на 0,33 (т. е. сокращает на 66 %).

² В сравнении со средствами всех социальных групп, значение которых здесь не оценивается (= 1,0)

Окончание табл. 4

Показатель	SLD/ UP	PSL	UW	Правые движе- ния «Пост-Со- лидарности» ³
<i>«Идеологические» переменные»³</i>				
Индекс политики соцобеспечения	1,13	1,45**	0,65**	1,07
Собственная позиция между правы- ми и левыми	0,33**	0,87	1,43**	1,81**
Религиозность	0,78**	1,21	0,92	1,20*
Псевдо-R ² Нагелькерка	0,32	0,23	0,17	0,15

Таблица 5

**Вероятность выбора той или иной партии на выборах 1997 г.
(n = 1808)**

Показатель	SLD/ UP	PSL	UW	Правые движе- ния «Пост-Со- лидарности»
<i>Социальные группы⁴</i>				
Буржуазия	0,84	0,62	1,57	1,13
Мелкая буржуазия	1,26	0,69	1,06	1,25
Крестьяне	0,41**	9,76**	0,17**	0,87
Менеджеры	0,97	1,14	1,29	1,10
Квалифицированные инспекторы	1,53*	0,46	1,44	0,83
Специалисты	1,26	0,49	1,98**	0,72
Рабочие	1,22	0,94	0,94	1,23
<i>«Идеологические» переменные»⁵</i>				
Индекс политики соцобеспечения	1,14*	1,01	0,59**	1,34**
Собственная позиция между правы- ми и левыми	0,25**	0,65**	1,25**	3,25**
Религиозность	0,66**	1,22	0,97	1,51**
Псевдо-R ² Нагелькерка	0,44	0,20	0,15	0,39

³ Коэффициенты сгруппированы согласно расхождениям между ними. * p<0,05, **p < 0,01.

⁴ В сравнении со средствами всех социальных групп, значение которых здесь не оценивается (= 1,0).

⁵ Коэффициенты сгруппированы согласно расхождениям между ними. * p<0,05, **p < 0,01.

Одна небольшая партия обладает довольно четким социальным профилем: PSL представляет интересы крестьян. Среди остальных партий лишь UW проявляет более направленный социальный характер: ее выбирают члены «буржуазного объединения», а именно менеджеры и сотрудники высших учебных заведений; буржуазия лишь ненамного уступает статистически важному показателю «выше среднего».

SLD и движения правого толка «Пост-Солидарности» представляют собой объединяющую коалицию партий, а именно политические объединения, недооценивающие идеологические факторы и воздерживающиеся от формулирования подробной программы партии и направленности на определенный социальный слой или группу.

Поддержка менеджеров и буржуазии, оказанная SLD с показателем «выше среднего» в 1993 г. была лишь временным эпизодом, который не повторился в 1997 г. Также не имела длительного характера и высокая поддержка буржуазией движения «Пост-Солидарность» в 1993 г.

Голоса «буржуазного объединения» не были объединены в поддержку какого-либо политического лагеря. Социальная группа, представленная рабочими, также не проявила своих предпочтений какой-либо партии. Соответственно поддержка политики соцобеспечения имеет очень небольшое значение во время выборов и не оказывает какого-либо влияния на предпочтения соревнующихся лагерей. Более высокий уровень принятия политики соцобеспечения в равной степени увеличивает вероятность голосования за SLD/UP или другой политический лагерь — движение «Пост-Солидарность». Лишь одна партия имеет высокое (отрицательное) соотношение между поддержкой на выборах и принятием политики соцобеспечения — партия UW.

В отличие от минимальной роли социальной группы и принятия политики соцобеспечения, такие аспекты, как собственная позиция между правыми и левыми и религиозность, имеют большое влияние на принятие решения во время выборов в Польше в 90-х гг. и на структуру системы партий.

Тем не менее влияние социальной структуры на поведение электората односторонне: принципиальное решение «голосовать или не голосовать» зависит от социального положения. Рабочие, крестьяне и мелкая буржуазия проявляют вероятность отказа от выборов на уровне «выше среднего». Рабочие и крестьяне — это наиболее крупные социальные группы и наиболее серьезные оппоненты «буржуазного объединения». В целом поддержка политики соцобеспечения незначительно соотносится с ростом вероятности неучастия в выборах (табл. 6).

Таблица 6

Вероятность неучастия в выборах

Показатель	1993	1997
<i>Социальные группы⁶</i>		
Буржуазия	1,37	0,89
Мелкая буржуазия	2,55**	1,37
Крестьяне	2,25**	1,93**
Менеджеры	0,40**	0,47**
Квалифицированные инспекторы	0,71	1,03
Специалисты	0,23**	0,46**
Рабочие	1,93**	1,86**
<i>«Идеологические» переменные⁷</i>		
Индекс политики соцобеспечения	1,21**	1,19**
Собственная позиция между правыми и левыми	1,01	0,90**
Религиозность	0,68**	0,74**
Псевдо-R ² Нагелькерка	0,12	0,10

Эмпирические результаты явно показывают, что переход социального конфликта по вопросу принятия политики соцобеспечения на политическую систему очень ограничен. Такое ограниченное влияние проявляется не только в Восточной Ев-

⁶ В сравнении со средствами всех социальных групп, значение которых здесь не оценивается (= 1,0).

⁷ Коэффициенты сгруппированы согласно расхождениям между ними. * p < 0,05, ** p < 0,01.

ропе, оно имеет систематические причины. «Политические выборы не подходят для выражения специфических интересов и для разрешения специфических конфликтов. Во время политических выборов коммуникативная деятельность ограничена голосованием за кандидата или группу кандидатов, т. е. формальным распределением ролей, и выражением политической поддержки в очень обобщенной форме» [21, с. 165]. Функция политических выборов — не в том, чтобы разрешать социальные конфликты и отражать социальные интересы, но в том, чтобы разграничить две области политических проблем: а) проблемы привлечения элиты и мобилизации политической поддержки (принцип обеспечения законности); б) проблемы представления интересов общества и общественных потребностей (функция посредника в выражении интересов общества). Эмоциональная и символическая интенсивность конфликта между левыми и правыми и ее зависимость от социально-экономического конфликта подтверждают дифференциацию этих двух областей проблем в политической системе Польши в 90-х гг., однако вероятно, что конфликт между посткоммунистическими партиями и группой «Пост-Солидарность» утратит свое значение в будущем. Политические выборы предоставляют возможность выхода протесту и недовольству, придают политической системе законный характер, но при этом не ограничивают процесс принятия решения — выражение и «проталкивание» социальных интересов в процессе принятия политических решений опирается на другие механизмы. Исследование отношений между социальной структурой общества и политической системой не могут довольствоваться анализом выборной системы и должны направить внимание на функцию представления интересов и обеспечения мер безопасности, осуществляемую организованными группами давления.

Вывод

Социальные конфликты по вопросам развития государства всеобщего благосостояния в течение 90-х гг. в Польше были проанализированы посредством социальной модели Эрика

Олена Райта. Во-первых, было рассмотрено статистическое обоснование роли социальной модели в распределении доходов: социальная группа — это наиболее важная переменная, объясняющая распределение доходов. Иерархия уровня доходов среди социальных групп в Польше соответствует образцу, существующему в западноевропейских странах.

С учетом существования социальной структуры и соответствующего социального неравенства предполагаются и различия в отношениях социальных групп к расширению политики соцобеспечения. Тем не менее интерес разных социальных групп к политическим вопросам не так однороден, как интерес к материальному благосостоянию. Индекс политики соцобеспечения выявляет значительную разницу между двумя блоками социальных групп: «буржуазное объединение» предпринимателей, менеджеров и специалистов проявляет умеренную поддержку государству с системой соцобеспечения, тогда как другие социальные группы поддерживают расширение системы социальной защищенности.

Переход этих разногласий и конфликтов на политическую систему в результате выборов ограничен. Небольшие партии проявляют ориентацию на определенные социальные группы. Две крупные партии, объединение партий посткоммунистических левых и движение правых «Пост-Солидарность» опираются на общие стратегии и на электорат, не обращаясь к определенным социальным группам конкретно. Конфликт левых и правых сил между последователями бывшей правящей Коммунистической партии и бывшей системой оппозиции совпадает с социально-экономическими разногласиями и мешает ориентироваться на определенную социальную группу и принятию решения электоратом на выборах. Анализ социальных групп делает незначительный вклад в социологические исследования поведения электората, изучение перехода социального конфликта на политические взгляды, заставляет обратиться к организованной системе репрезентации интересов общества.

Список литературы

1. Aldrich, John, 1995: Why Parties?, Chicago: UCP
2. Baumann, Zygmunt, 1994: After the patronage state: A model in search of class interests. // Christopher G.A. Bryant und Edmund Mokrzycki (Hg.), The new great transformation? Change and continuity in East-Central Europe. London: Routledge.
3. Böröcz, József, Róna-Tas, Akos, 1995: Formowanie się nowej elity ekonomicznej // Szelenyi, Ivan, Treiman, Don, Wnuk-Lipinski, Edmund (Hg.), Elity w Polsce, Rosji i na Węgrzech. Wymiana czy reprodukcja? Warszawa: ISP PAN.
4. Bruszt, Laszló, Simon, János, 1992: The great transformation in Hungary and Eastern Europe // Szoboszlai, György (Hg.), Flying blind. Emerging democracies in East-Central Europe. Budapest: Hungarian Political Science Association.
5. Cichomski, Bogdan, Jerzyński, Tomasz und Zieliński, Marcin, 2001: Polskie Generalne Sondaże Społeczne: Skumulowany komputerowy zbiór danych 1992—1999. Warszawa: Instytut Studiów Społecznych UW.
6. Cirtautas, Arista Maria, 1994: In pursuit of the democratic interest: The institutionalization of parties and interests in Eastern Europe // Christopher G.A. Bryant und Edmund Mokrzycki (Hg.), The new great transformation? Change and continuity in East-Central Europe. London: Routledge.
7. Czaniak, Szymon, 2002: O poglądach Polaków na udział państwa w gospodarce. Studia socjologiczne 41:61—87.
8. Domański, Henryk, 1999: Czy w Polsce zanikają klasy? Postawy wyborcze a miejsce w strukturze społecznej w latach 1991—1997. Studia socjologiczne 38:83—113.
9. Domański, Henryk, 2000a: On the Verge of Convergence. Social Stratification in Eastern Europe. Budapest: Central European University Press.
10. Domański, Henryk, 2000b: Hierarchie i bariery społeczne w latach dziewięćdziesiątych. Warszawa: ISP.
11. Domański, Henryk und Sawiński, Zbigniew, 1995: Narzędzia międzykrajowych analiz porównawczych: Klasyfikacja zawodów Erikson-Goldthorpe-Portocarero (EGP). Studia socjologiczne 34:41—67.
12. Erbslöh, Barbara, Hagelstange, Thomas et al., 1990: Ende der Klassengesellschaft? Eine empirische Studie zu Sozialstruktur und Bewußtsein in der Bundesrepublik. Regensburg: transfer verlag.

13. Erikson, Robert und Goldtorpe, John H., 1993: The Constant Flux. A Study of Class Mobility in Industrial Societies. Oxford: Clarendon Press.
14. Erikson, Robert, Goldthorpe, John H. und Portocarero, Lucienne, 1979: Intergenerational class mobility in three western European societies. *British Journal of Sociology* 30:415—451.
15. Gardawski, Juliusz, 1996: Poland's Industrial Workers on the Return to Democracy and Market Economy. Warszawa: Friedrich Ebert Stiftung.
16. Gardawski, Juliusz, 2001: Powracająca klasa. Sektor prywatny w III Rzeczpospolitej. Warszawa: IFIS PAN.
17. Kirchheimer, Otto, 1965: Der Wandel des westeuropäischen Parteiensystems. *Politische Vierteljahresschrift* 6:20—41.
18. Kitschelt, Herbert P., 1995: The formation of party cleavages in post-Communist democracies. *Party Politics* 1:447—472.
19. Kohler, Ulrich, 2002: Der demokratische Klassenkampf. Zum Zusammenhang von Sozialstruktur und Parteipräferenz. Frankfurt a.M./New York: Campus.
20. Linz, Juan J., Stepan, Alfred, 1996: Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore: John Hopkins University Press.
21. Luhmann, Niklas, 1978 (1969): Legitimation durch Verfahren. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
22. Makkai, Toni, Rose, Richard, 1995: Consensus or dissensus about welfare in post-communist societies? *European Journal of Political Research* 28:203—224.
23. Shabad, Goldie, Słomczyński, Kazimierz, 1997: Systemic Transformation and the Salience of Class Structures in East Central Europe. *East European Politics and Societies* 11:155—189.
24. Shabad, Goldie, Słomczyński, Kazimierz, 1999: Political Identities in the Initial Phase of Systemic Transformation in Poland. *Comparative Political Studies* 32:690—723.
25. Szawiel, Tadeusz, 1999: Zróznicowanie lewicowo-prawicowe i jego korelaty // Radosław Markowski (Hg.), *Wybory parlamentarne 1997. System partyjny. Postawy polityczne. Zachowania wyborcze*. Warszawa: Friedrich Ebert Stiftung.
26. Sztompka, Piotr, 1992: Dilemmas of the great transition. *Sisyphus. Social Studies* 8:9—27.

27. *Toka, Gabor*, 1996: Parties and electoral choices in East-Central Europe // *Pridham, Goeffrey, Lewis, Paul G.* (Hg.), *Stabilizing fragile democracies: Comparing new party systems in Southern and Eastern Europe*. London: Routledge.

28. *Wright, Erik Olin*, 1985: Wo liegt die Mitte der Mittelklasse? *Prokla* 15:35—62.

29. *Wright, Erik Olin*, 1994: *Interrogating Inequality. Essays on Class Analysis, Socialism and Marxism*. London: Verso.

30. *Wright, Erik Olin*, 1997: *Class counts. Comparative studies in class analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

ПРИГЛАШЕННЫЙ ПРОФЕССОР

Х. Вагнер
(Берлин, Германия)

ДЕБАТЫ О КОНСТИТУЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Посвящение:

Дорогой Фердинанд, мы сердечно приветствуем тебя, твою супругу и твоих родителей из Берлина и поздравляем тебя с 70-летием. Еще свежи воспоминания о наших совместных делах, поэтому я преподношу тебе эти заметки, в которых ты без труда узнаешь мою рукопись. Мы желаем тебе сохранить молодость и оставаться в добром здравии. Мы очень надеемся, что ты и в дальнейшем будешь содействовать интеграции на пути к полному союзу, созданию которого своими силами и компетентностью, без устали и с постоянным вдохновением ты способствовал — тому, чтобы как можно лучше объединить государства.

Твои Хайде и Гельмут вместе с детьми и внуками¹.

С самого начала процесса европейской интеграции, с 1952 г. до наших дней политически организованная Европа существовала без единого основополагающего документа — конституции. Так называемые Европейские соглашения, собранные вместе, стали ее основой [1]. Это состоялось благодаря накопленному опыту, а также тому особому событию, в результате которого родилась идея принять единую Конституцию и был созван Конвент для подготовки соответствующего документа.

¹ Автор перевода статьи выражает благодарность Н.И. Ермаковой и С. Котельниковой за помощь в переводе с немецкого языка текста посвящения.

Одной из причин изменения процедуры разработки Конституции (вместо межправительственных конференций — созыв Конвента) было то, что стало гораздо сложнее принимать договоры международного характера во время конференций, в которых участвовало большое количество национальных лидеров и где решения принимались за закрытыми дверями. Именно это произошло в декабре 2001 г. на саммите в Ницце — результаты были плачевны. Второй причиной стало то, что коллекция все более и более многотомных договоров стала запутанной и громоздкой даже для экспертов. Третьей причиной было то, что перспектива конференций, на которых очень скоро, после расширения Союза, собралось бы 25 национальных лидеров, напугала многих хаотическим курсом. Поэтому на саммите ЕС в декабре 2002 г. в Лэкене для подготовки следующей межправительственной конференции — лучшей, чем прежние, — была созвана ассамблея из 105 представителей, в основном депутатов национальных парламентов и Европейского парламента, а также заинтересованных правительств.

В декларации Лэкана термин «конституция» по понятным причинам не был даже упомянут, потому что многие национальные правительства не были в восторге от идеи Конвента и еще больше — от идеи Конституции. Было безоговорочно установлено, что у Конвента будет задача «подготовить варианты» Конституции к приближающемуся саммиту ЕС. Однако Конвент, который собрался 28 февраля 2002 г. в Брюсселе под руководством бывшего французского президента Валери Жискар д'Эстена, переформулировал задачу в собственном варианте — только через 17 месяцев удалось составить полную европейскую Конституцию, которая 18 июля 2003 г. в Риме была передана председательствующей тогда в Европейском совете Италии. Получилась громадная Конституция с 456 статьями, но она стала результатом более или менее доброй воли европейской общественности, учитывала решительные критические комментарии экспертов и отражала энтузиазм политиков, выступающих за Конституцию, в то время как их оппоненты в

основном предпочитали хранить молчание. Защитники проекта не стеснялись называть ее «квантовым скачком» (Даниель Гёллер) интеграционного процесса, если этот документ, подписанный правительствами государств-членов ЕС и ратифицированный их парламентами, станет действенным.

Одним контраргументом против европейской Конституции, выраженным в основном профессорами конституционного права, было то, что только суверенное государство, объединяющее людей на определенной территории, может иметь собственную конституцию. Но Европейский союз, не будучи государством и не имея в своей основе единого народа, не мог иметь Конституцию. Что же тогда? Противоположный контраргумент, который в итоге стал убедительнее, исходит из того, что поскольку Европейские соглашения были основным законом Союза, теперь он будет оснащен и усилен практическими действиями или основным законом в едином документе. А почему бы и нет? Прагматические аргументы превалируют над теоретическими суждениями.

Проект

В статье I, 1 проекта Конституции Евросоюза (далее — Проект) утверждалось, что ЕС — не государство в прямом смысле, но тем не менее в статье I, 6 декларировалось, что он обладает «законной индивидуальностью». Через этот законный статус Союз приобрел бы права и обязанности ответственного и надежного международного актора. Стоит процитировать статью I, 1. Она представляет собой следующее:

«В соответствии с желанием граждан и государств Европы, в большинстве случаев определяющих свое будущее, эта Конституция обосновывает Европейский союз, который государства-члены наделили правами реализовывать общие цели. Союз координирует политику государств-членов, которая служит этим целям, и он осуществляет компетенции, которые совместно определены для него государствами-членами» [2].

Таким образом, Союз базировался, как и в большинстве более ранних проектов, на «двойной легитимности»: легитимности граждан и государств-членов. В этом случае, как и в других, Проект приобрел характер относительного компромисса, приемлемого для обеих сторон: для приверженцев суверенного государства, или унитаристов, и для защитников жизнеспособного и эффективного Союза, или федералистов.

С одной стороны, Проект увеличивает представительство государств-членов через создание поста президента Европейского совета; он защищает исключительное право государств-членов в вопросах конституции, бюджета, внешней политики и политики безопасности, а также принимает решение о том, что Союз не может взимать собственные налоги, а зависит от налогов государств-членов. С другой стороны, Проект расширяет права Европейского парламента, усиливает позицию президента Комиссии и открывает дорогу к общей внешней политике и политике безопасности. И последнее, но не менее важное: в Проекте в статье I, 59 вполне понятно говорится, что любой член Союза имеет конституционное право выйти из него в любое время. Это подтверждает, что не только вступление в Союз зависит от свободного волеизъявления государств-членов, но и выход из него. Поэтому идея и была поддержана — государства-члены не отказались от своего суверенитета раз и навсегда, когда вошли в Союз. Статью подобного рода невозможно найти ни в одной существующей федерации во всем мире. Таким образом, Проект старался удовлетворить интересы всех сторон и, что наиболее важно, он объявляет совершенно новый политический порядок — сверхнациональную федерацию.

Президент Конвента Жискара д'Эстен предостерег, что тот, кто будет настаивать на изменении Проекта, подвергнет опасности конституционный проект в целом. Это помогло, как позже стало понятно, смягчить нововведения, хотя публично обсуждалось достаточно много противоречивых тем. Например, вопрос об упоминании имени Бога в преамбуле конституции. Хотя многие граждане европейских государств были

«за» и рассматривали такое упоминание как очень важное, в итоговом Проекте из-за французского вето имя Бога не появилось. Много сомнений было также по поводу создания поста «министра иностранных дел Евросоюза», назначаемого Европейским советом и являющегося членом как Совета министров, так и Комиссии (статья I, 27). Однако, было не очень понятно, что должно быть в его компетенции, потому что внешняя политика и политика безопасности оставались в ведении национальных правительств — для того, чтобы согласовывать решения всех государств-членов (III, 201). Таким образом, хотя эта норма не была применима на практике и стала бы больше обещанием на будущее, чем чем-то еще, тем не менее она осталась частью Проекта. И по сравнению с оригиналом проектного предложения — уменьшить число членов Комиссии до 15 (статья I, 25, 3) — было поддержано соглашение о том, что все 25 государств-членов — как старые, так и новые — получают место в Комиссии.

Несмотря на эти и другие благоприятные предзнаменования, подозрение президента Конвента все-таки сбылось. Саммит ЕС в Брюсселе, собранный в декабре 2003 г., чтобы подписать первую европейскую Конституцию, провалился, потому что два европейских правительства столкнулись друг с другом по несколько неуместному вопросу. Так был отодвинут исторический момент интеграционного процесса. Какое из двух правительств было наиболее бескомпромиссным? Кто стал главным обвиняемым? Что было поставлено на карту? И каковы последствия Брюссельского фиаско?

Польско-немецкая дуэль

Молодой польский политолог Пётр Бураш назвал событие в Брюсселе «польско-немецкой дуэлью». И я бы сказал, что он прав, поскольку главными действующими лицами в этой драме по чистой случайности были польский премьер-министр Лешек Миллер и немецкий канцлер Герхард Шрёдер. Но утверждение абсолютно неверно, если он имел в виду, что этот

случай стал продолжением длительного, более века существующего немецко-польского противостояния.

В каком вопросе Лешек Миллер и Герхард Шрёдер стали «главными героями» этой междоусобицы? Допустим, что польский премьер-министр много потерял бы в Брюсселе, если до последнего не защищал бы позицию, которую Польша заняла на саммите ЕС в Ницце в декабре 2001 г. В этом договоре говорится, что Польша должна получить 27 весомых голосов в процедуре принятия решений Совета министров; всего лишь на 2 меньше, чем гораздо более крупные страны, такие как Франция, Великобритания, Италия и Германия. Поддержка премьер-министра в польском парламенте — в Сейме — и его репутация в своей стране были достаточно крепкими. Он публично обращался с настойчивой просьбой о том, что Польше необходимо голосовать только за договор, принятый в Ницце, а не за Проект Конвента, который предполагал, что Европейский совет, как и Совет министров (ст. I, 24), будет принимать решение квалифицированным большинством голосов, т. е. простым большинством государств-членов и 60 % населения Евросоюза. Но на переговорах это не было последним словом премьер-министра.

Вот что Миллер предложил в беседе с Берлускони, который на конференции в Брюсселе выполнял обязанности председателя ЕС, и Шрёдером: отложить решение о способе голосования примерно на три года, за которые все члены смогут накопить опыт в этой области. Благодаря Проекту Договора, подписанный в Ницце, так или иначе будет действовать до 2009 г. Поэтому вовсе не к спеху принимать решение прямо сейчас. Во время встречи со Шрёдером Миллер спросил, сможет ли он принять этот компромисс. «Нет, я не смогу принять это», — ответил канцлер без всяких разъяснений. Он не предложил собственный компромисс, о котором решительно просил Миллер. Он резко закончил разговор о Конституции и перешел к другим вопросам. Два часа спустя он сказал прессе (без упоминания имен), что «две страны бездействовали. «...Для них важнее всего были национальные интересы, а ев-

ропейская идея не учитывалась». Всем присутствующим было понятно, на кого он возлагает ответственность за провал Брюсселя: на Польшу и Испанию. Но это особенно касалось Польши, потому что было известно, что Испания уже готовилась принять предложение. Однако Польша после этого в глазах общественности рассматривалась как основной виновник. Но неоправданно, и у меня есть причина утверждать это.

Действительно, немецкий канцлер защищал Проект. И это было вполне понятно. Без сомнений. Но бескомпромиссность, с которой он это делал, была как неоправданна, так и бесполезна. Он не учитывал то давление, под которым находился Миллер в своей стране. Он не согласился с предложением Миллера и не предложил собственный компромиссный вариант. Его поведение действительно трудно понять, особенно учитывая то, что было поставлено на карту. Он мог сохранить Проект, согласившись на компромисс. Вместо этого его действия были решительны, бескомпромиссны и безответственны. Почему? Не правда, что, защищая процедуру голосования по Проекту, он помогал интересам ЕС или Германии. Далекое не так! Способ голосования — это незначительный аспект, не заслуживающий того, чтобы накладывать вето на весь проект конституции. Однако это именно то, что он делал. Какие бы личные причины он ни имел для такого поведения, среди них трудно найти объективные. Поэтому для меня г-н Шрёдер, а не Миллер является главным виновником брюссельской неудачи.

А что же по поводу других глав государств и глав правительств, которые заседали в Брюсселе? Виновны ли они? Мы знаем, почему польский представитель стал причиной всей неприятности. Это делает его, по крайней мере, соучастником Шрёдера. Но почему Великобритания и Франция не выступили на стороне Польши или не попытались изменить мнение г-на Шрёдера? Если они не делали этого из-за равнодушия, или, что еще хуже, из-за неодобрения Проекта, тогда они тоже виновны. А что можно сказать по поводу остальных европейских лидеров? Почему они не оказали давление на Миллера или

Шрёдера, чтобы те согласились на то или иное решение? Я не буду говорить, что г-н Аденауэр или г-н Коль отсутствовали на саммите для того, чтобы спасти его. Но с того момента, как у представленных европейских глав правительств стало очень мало обязательств, и с тех пор, как здесь нет никого под рукой, кто бы мог стать посредником, процесс принятия европейской Конституции как единого документа при первом же препятствии закончился провалом. Более того, это выглядело так, как будто европейское общество не было шокировано и сохраняло спокойствие по поводу того, что случилось в Брюсселе. Но все это говорит о том, что ни г-на Шрёдера, ни г-на Миллера нельзя упрекнуть в том, что они оказали такую плохую услугу Европе, которую будет трудно исправить.

Реакция немецкой и польской общественности

Крайне интересно было бы взглянуть на общественную составляющую брюссельского сценария, для того чтобы понять реакцию на него. Впечатления СМИ, отражающих общественное мнение, за некоторыми исключениями, были таковыми, что по двум достаточно разным причинам восхвалялись два героя. В немецкой и (в меньшей степени) в западной прессе канцлер Шрёдер особенно превозносился за то, что защищал Проект и не уступил. Польшу тем временем обвинили в том, что она помешала своей негибкостью и упрямством подписанию европейской Конституции. В польской прессе, однако, премьер-министра Миллера восторженно хвалили за твердое отстаивание польской позиции. Тогда как Шрёдера и Ширака обвинили в «бульдозерной стратегии». Миллеру оказали большое доверие дома за то, что он преподал урок «большим» странам в Европе и за то, что заслужил если не признание, то, по крайней мере, особое внимание к первому появлению Польши на конференции ЕС. Похвалы за удачную национальную победу против сильных врагов и за сохранение оптимизма при серьезном проигрыше в европейском интеграционном процессе было превалирующим эхом польских СМИ.

Были слышны и другие голоса, хотя они проявлялись реже и слабее. Польский президент Александр Квасневский был вынужден лично вмешаться в дискуссию о событиях в Брюсселе. Он сказал своим соотечественникам, что «мы вошли в объединенную Европу не для того, чтобы бороться со злом и трактовать чужие мнения как вражеские». Он был достаточно уверен, что польская позиция будет пересмотрена через «два-три года». Он обращался с просьбой не драматизировать ситуацию. И убедил поляков быть уверенными и в том, что «новой Европе» в ближайшее время будет необходима «новая Конституция». В немецком еженедельнике «Die Zeit» Кристиан Шмидт-Хойер опубликовал свой комментарий к провалу Брюссельского саммита ЕС под названием «Герой блокираторов». В нем он назвал польского премьер-министра «мистером Вето»: «Несмотря на то что, с одной стороны, он защищал себя, утверждая, что был под давлением домашнего фронта; однако, с другой стороны, он предостерег Польшу, что “либерум вето”, которое в тот момент было наложено на европейскую конституцию, однажды полностью разрушило Польшу. Об этом поляки никогда не должны забывать и должны вести себя соответствующе», — сказал он».

После первого волнения, проявившегося частично, с обеих сторон преобладали те голоса, которые были вовлечены в поиск компромисса, где обе стороны сохранили бы лицо. Сторонники поиска быстрого решения боялись, что если дело затянется надолго, то вопрос снимут с повестки дня на длительный срок. Поэтому они акцентировали внимание на том, что соглашение должно быть достигнуто в лучшем случае к 1 мая, ко дню, когда ЕС увеличится на десять новых членов; или, во всяком случае, к концу 2004 г., до начала переговоров о следующем бюджете ЕС.

Теперь, спустя десять месяцев после краха Брюсселя, соглашение достигнуто: 18 июля, на другом саммите ЕС, руководители государств и главы правительств всех 25 членов Евросоюза подписали Проект благодаря заслуге ирландского президента. Они согласились на компромисс: двойной крите-

рий процедуры голосования в Проекте станет правомерным, как и планировалось, в 2009 году, но он будет увеличен с 50 до 55 % голосов государств-членов и уменьшен с 60 до 55 % населения ЕС. В этом компромиссе можно увидеть, что противоречивой получилась только малая доля. Технический вопрос вызвал так много трудностей. Он продемонстрировал, что недоверие и страхи активнее, чем национальные интересы, вступили в игру, чтобы защитить курс, который сворачивался.

В конечном счете соглашение ЕС, хоть и с некоторым опозданием, преодолело первый раунд разработки европейской Конституции — подписание Договора о Конституции. Но все еще есть два препятствия: первое — референдум в не менее чем восьми европейских странах (предполагается, что он пройдет в старых странах-членах Великобритании, Дании, Ирландии, Люксембурге, Португалии и Испании, а также в новых странах-членах: Польше и Чехии); и, во-вторых, ратификация договора о Конституции всеми 25 национальными парламентами. Таким образом, все еще имеется несколько препятствий, которые нужно преодолеть до того, как ЕС, хочется надеяться, получит Конституцию как единый документ.

Последствия провала

Имеется еще одна причина, по которой будет тяжело в достаточно короткое время прийти к соглашению по тем противоречиями, которые обнаружил Проект, из-за последующих эффектов его временной блокады: степень одобрения, которую ЕС встретил в странах-кандидатах, как и в странах-членах, критически упала. Как отмечает последнее обозрение «Евробарометра», опубликованное в марте-апреле 2004 г., достаточно высокий процент населения государств-членов ЕС, одобрявшего Европейский союз, снизился еще более, чем полгода назад, в октябре-ноябре 2003 г., до брюссельского краха.

Согласно Карте-Х21 «Евробарометра» (весна 2004 г.) [3], существует три категории стран, считая 28 членов и кандидатов ЕС, которые рассматривают членство в Евросоюзе как

«хорошую вещь»: восемь стран вполне согласны, десять выступают «за» без особого энтузиазма, и среди этих десяти лишь малая часть полностью согласна с этим. Крайне интересно, что среди пятнадцати старых членов Люксембург и Греция являются лидерами с 75 и 71 % поддержки, тогда как Австрия и Великобритания имеют только лишь 30 и 29 % [4]. Среди остальных тринадцати стран, включая десять, которые только что присоединились к ЕС, и группу из трех стран, которые остаются кандидатами, а точнее Болгарию, Румынию и Турцию: Турция с 71 %, Румыния с 70 %, Болгария с 65 % и Литва с 52 % лидируют, тогда как Латвия с 33 % и Эстония с 31 % занимают последние места [5]. Общая картина показывает, что вступившие страны, рассматриваемые вместе, впервые меньше одобряют свое членство в ЕС, чем постоянные государства-члены, 43 % против 48 % [6]. Общее настроение от членства в ЕС значительно изменилось с последнего голосования осенью 2003 г.

Это то, что, учитывая тему нашего обсуждения, интересует нас больше всего. В десяти новых странах-членах эйфория от вступления неожиданно испарилась. Показатели в среднем колеблются от 9 до 43 %. В пятнадцати старых государствах-членах положительное мнение граждан о членстве в ЕС не изменилось, самая низкая оценка — в среднем 48 %. Но количество тех, кто отрицательно оценивает членство в ЕС, достигает 17 %, это самый высокий показатель за последние восемь лет [7]. Тем не менее это не самая лучшая перспектива для референдума, который скоро пройдет в некоторых странах. Довольно удивительно, однако, что результат подсчета голосов по поддержке европейской Конституции очень благоприятный. В пятнадцати старых государствах-членах проект был поддержан в среднем до 63 %, в десяти новых членах почти в такой же пропорции — 63 %, в трех странах-кандидатах — около 51 % [8]. Это отражает то, что будет превалировать на референдуме: существующее недоверие к ЕС или довольно позитивная тенденция принятия европейской Конституции. Но необходимо помнить, что согласно саморазрушающей проце-

дуре вето только одного парламента или государства будет достаточно для безвозвратной остановки всего процесса принятия Конституции.

Это драматическое снижение в привлекательности ЕС воспринимается очень серьезно проевропейски настроенными политиками. Пока некоторые кричат после этого о стимулировании интеграционного процесса любыми средствами, особенно и прежде всего приданием успешности Проекту; другие же считают, что единственное, что сейчас необходимо ЕС, — это консолидация в том, что уже достигнуто. Солидарность интегрированных европейских государств должна быть восстановлена и усилена до того, как будет сделан какой-нибудь дальнейший шаг в интеграционном процессе, включая вопрос Конституции.

Вполне возможно, по моему мнению, что согласно предложению Робера Шумана прежде всего должна быть снова обеспечена солидарность вновь расширенного европейского народа — до того, как будет сделан следующий шаг в интеграционном процессе. Только если народ научен конкретным опытом и общими успехами доверия друг другу, тогда он будет готов принять общие конституционные правила. Те, кто защищают этот тезис, говорят: «Давайте подождем, и однажды мы увидим, как доверие друг к другу будет восстановлено. Тогда мы найдем вполне легкое решение для европейской Конституции как единого документа. Не к спеху!». Другие, однако, спрашивают: «Как долго будет длиться принятие соглашения по основному вопросу? Может быть поколение или больше? Нет, у нас нет времени ждать так долго», — утверждают они. — «Давайте использовать шанс, который существует сейчас! Это в интересах всех европейцев, чтобы их союз вновь стал жизнеспособным и функциональным как можно быстрее».

Не важно, как со временем разрешится спор, будет ли процесс интеграции продолжен сейчас или позже, я боюсь, что существует и все еще остается неразрешенным процедурный вопрос — как снять конституционный барьер, который забло-

кировал принятие Конституции в Брюсселе и абсолютно точно будет блокировать его снова и снова?

Этот недостаток существует, по моему мнению, из-за того, что принятие европейской Конституции по принципу единодушия в настоящий момент обречен. О строительстве Союза путем согласия я сказал еще несколько лет назад: «Что было подходящим в начале регионального строительства — создание Конституции путем договоров, — стало все большим препятствием на более высокой ступени развития... Поэтому для того, чтобы сохранить эффективность, государства-члены ЕС должны создать единственный и постоянный институт, представленный руководителями и полномочный действовать от имени европейского верховного конституционного совета — органа, в санкции которого было бы создание настоящей европейской Конституции не через соглашение, а голосами двух третей его членов, представляющих по крайней мере половину граждан ЕС» [9]. Теперь, в конце эссе, я вернусь к моему излюбленному предмету еще раз: как найти наиболее подходящее и еще не узаконенное обеспечение принятия европейской Конституции другим, чем подписание международного договора, путем, т. е. путем согласия всех вовлеченных партнеров? Это наверняка будет моим последним вопросом.

Вывод: как избежать провала Проекта?

Если неудача саммита ЕС в Брюсселе доказывает, что с течением времени принятие Конституции через согласие всех членов ЕС больше не работает беспрепятственно, как это было ранее, тогда встает вопрос: по какой процедурной схеме принятие Конституции ЕС может быть удачно продолжено? Мой личный ответ: это будет достигнуто в лучшем случае созданием Европейского верховного конституционного совета, который будет санкционирован на принятие Конституции и ее поправок квалифицированным большинством голосов, — уже опубликован. Мне нечего добавить или изъять из того, что

здесь сказано [10]. Я бы лишь добавил то, почему переключение от принципа единодушия к квалифицированному большинству соответствует демократическим правилам; более того, это изменение позиций наиболее близко конституционным заповедям.

Правило принятия договоров между государствами согласием всех партнеров, т. е. единодушием, базируется на допущении, что не интегрированные, но разделенные друг от друга государства есть и остаются суверенными, независимыми от того, примут ли они договоры или нет. Но что происходит, если представители одного народа принимают договор, т. е. устанавливают конституцию, образуют собственное государство? Тогда, согласно Джону Локку, народ, согласный основать свой политический союз, большинством голосов самостоятельно решает вопрос о типе конституции, а также о законах и общественной деятельности. Это правило базируется, так он аргументирует, на допущении следующего: чтобы «действовать и существовать», общественность должна уметь формировать и осуществлять желание, выраженное одним человеком или, если демократически, большинством. Это «желание» определять конкретные формы конституции и единую деятельность государства не может определяться всеми гражданами, т. е. путем согласия. Иначе это неизбежно может привести к разрушению государства.

Это же касается, по моему мнению, и союза интегрированных государств, объединенных демократически. Большинство государств, если они доверяют друг другу, имеет право решать вопрос о своей общей конституции, как о единой деятельности союза. Союз должен обладать правом действовать в этом направлении, если только он защищает себя и свою возможность действовать. Настаивание на единодушии государств, т. е. на «либерум вето» любого государства, может стать синонимом смерти союза.

Сразу после неудачи саммита ЕС в Брюсселе это мнение был высказано Ингольфом Пернисом, исполняющим обязан-

ности директора Института европейского конституционного права им. Вальтера Гольштейна ниверситета Гумбольдта в Берлине, следующим образом: «Принцип единодушия, равно как и желание настаивать на праве одним голосом блокировать любое общее действие ЕС, несовместим с возможностями Союза действовать и политически реагировать. Без этого качества любой европейский конституционный порядок стал бы бессмысленным. Только потому, что здесь превалирует сильное желание государств-членов, которые изначально воодушевлены Европейским сообществом, — действовать сообща в общих интересах, Союз будет сохраняться. Иначе он потерял бы причину своего существования» [11].

Если правило большинства в общественных делах не нужно отменять для граждан, которые объединены, чтобы построить собственное общество, создать свою идентичность и индивидуальность, и могут иметь хорошие предпосылки для своей свободы и благосостояния; тогда правило большинства не нужно отменять и для государств, которые добровольно создали свой союз, гарантирующий особые качества отношений и суверенитет. Это можно использовать, а можно не использовать, но вряд ли найдется более эффективное и легитимное правило для мирного разрешения общественных дел в сообществе граждан и государств, чем принцип большинства.

Следовательно, и это мое предложение, в интересах государств, как и союзов государств (фактически, это демократическая причина их существования), иметь и применять правило большинства. В демократических сообществах «либерум вето», или, другими словами, возможность одного государства решать судьбу союза, чем и был заблокирован Проект брюссельской Конвенции (и, я боюсь, будет заблокирован опять), — это недемократическое средство, которое ведет либо к ликвидации политического порядка, к стагнации и хаосу, либо к концентрации всей власти в одних руках, к диктаторству. Это относится и к случаю с принятием европейской Конституции.

Список литературы

1. *Nicholas Moussis*, Access to European Union: Law, Economics, Policies, 8th rev. ed., Rixensart 1998. P. 29ff.
2. *Entwurf* — Vertrag ueber eine Verfassung für Europa, Luxembourg 2003., Der Verfassungsentwurf des Europäischen Konvents, in: *Integration*, 26. Jg., November 2003. P. 284—575.
3. *Eurobarometer 61*, Spring 2004 — Annex Maps: Map-X21 // <http://europa.eu.int/comm/public_opinion/index_en.htm>.
4. *Eurobarometer 61* — First Results. P. 8.
5. *Candidate Countries Eurobarometer 2004.1* — First Results. P. 7.
6. *Candidate Countries Eurobarometer 2004.1* — First Results. P. 2.
7. *Eurobarometer 61* — First Results. P. 7.
8. *Eurobarometer 61* — First Results. P. 12; and *Candidate Countries Eurobarometer 2004.1* — First Results. P. 12.
9. *Helmut Wagner*, Constitution-Making à la Européenne, // *Nihon University — Comparative Law*, vol. 16, Tokyo 1999. P. 207, 211, 212.
10. *Das Kreuz* mit der Verfassung der Europäischen Union — Wer sind ihre Konstituanten? // *Zeitschrift für Politik*, 50. Jg., 2/2003. P. 205—218.
11. *Ingolf Pernice*, Nach dem Gipfel von Bruessel — Ist die 'Verfassung für Europa' gescheitert?, manuscript // www.whi-berlin.de.

Пер. с англ. А.В. Барсуковой.

Раздел 2 ПОЛЕМИКА

Ю. Марусяк
(Братислава, Словакия)

КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ КОНСОЛИДИРОВАЛА СЛОВАЦКОЕ ОБЩЕСТВО

В процессе формирования современной идентичности словацкой нации в течение XIX — XX вв. европейская идея не играла важной роли. Как результат сложного исторического развития во время Империи Габсбургов решающее значение здесь имел славянский и центральноевропейский фактор. Основой формирования последнего было взаимодействие с двумя соседствующими нациями — венграми и чехами. Но как минимум это определялось в более широком контексте в рамках Центральной Европы, как у словацкого политика Милана Ходжа — первого премьер-министра Чехословакии словацкого происхождения, который разработал программу Центрально-Европейской федерации.

Выбор европейской цивилизации?

Следствием того, что в Словакии шел процесс формирования идентичности словацкой нации, ненадолго прерванный Второй мировой войной, стало то, что политическая элита этой страны в условиях отсутствия автономии проявляла себя очень пассивно. Она, как и словацкое общество, не имела возможности свободно определить собственные интересы. До 1918 г. Словакия была внутренней провинцией Империи Габсбургов и не имела четко определенных границ. Положение

Словакии во времена существования Чехословакии также было сложным, особенно до Второй мировой войны, когда была предпринята попытка формирования чехословацкой политической нации. Дискуссия на тему места Словакии в более широком контексте международных отношений, включая европейский континент, стала невозможной после 1939 г. из-за появления двух тоталитарных режимов — фашизма и коммунизма. Результатом такой длительной изоляции и зависимости Словакии и ее элиты стало не только появление тоталитарных или авторитарных тенденций, но и других тенденций, тесно связанных с проникновением либеральных идей в словацкое общество, которое было ограничено действием внешних факторов.

Это стало причиной того, что кардинальные изменения в истории Словакии приобрели преимущественно характер реакции на воздействие внешних факторов. Это неизбежно приобрело характер конфликта взглядов, но не конфликта концепций. Такое заключение словацкого историка Любомира Липтака обращает нас к так называемой «бархатной революции» 1989 г. и последовавшему за ней периоду.

Хотя идея панславизма играла важную роль в процессе формирования идентичности словацкой нации в XIX — XX вв., Словакия до 1945 г. оставалась религиозным государством, с устоявшейся социально-экономической структурой, имевшим культурные, политические и экономические контакты преимущественно с западной цивилизацией. В словацкой политике панславизм имел более прикладное, практическое значение, как аргумент в спорах с венграми и немцами. Славянская идея играла важную роль в образовании Чехословацкого государства, а также в его реставрации в 1945 г.

Вхождение Чехословакии в советскую сферу влияния после 1945 г. в Словакии и Чехии было интерпретировано как победа идеи панславизма. В то же время это означало конец данной идеи, особенно после оккупации Чехословакии советскими войсками в 1968 г. Тогда и спустя 30 лет, когда альянс с Россией стал гипотетической альтернативой международной

политики Словакии, этот шаг поддержало только 8 % граждан. Славянская идея была рассеяна в обсуждении отношений между чехами и словаками после 1990 г., и это упростило завершение существования единого государства в 1992 г.

Изменение политического режима в 1989 г. было осуществлено теми силами, которые в 1968 г., как и в 70-х и 80-х гг., интерпретировали возрождение демократии как «возвращение в Европу», к европейским политическим традициям. Последствием такой концепции стал выход из советского блока, что принесло изоляцию, отсталость, выразившуюся в приобретении статуса государства «второго сорта» в общеевропейском аспекте. Источники национальной гордости, находящиеся в тех обстоятельствах, были основаны на изоляции страны и невозможности соперничать с развитием европейской цивилизации. Шимечка выразил в качестве условия «возвращения в Европу» прекращение этой изоляции и поиск сил и мужества в борьбе за европейское развитие. Результатом этого, по мнению Шимечки, мог бы стать конец эгалитаризма и всеобщая социальная защищенность. Следуя мнению демократической оппозиции, коммунизм тесно связан с СССР или Россией. Двадцать лет спустя лидер католических диссидентов и будущий премьер-министр Словакии Ян Чарногурский высказывается за продолжение движения по пути к ценностям западной цивилизации и европейской идентичности. Австрийское телевидение сыграло специфическую роль в изменении имиджа Запада и продвижения европейских и демократических идей, которые были доступны на большей части западной и южной Словакии. Австрийское телевидение было намного популярнее, чем иностранные радиостанции, транслировавшие свои программы на Чехию и Словакию, такие как «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа».

«Возвращение в Европу» стало одним из ключевых лозунгов «бархатной революции» 1989 г. и выборов в июне 1990 г. Стотысячная процессия словацких граждан, проследовавшая из Братиславы до маленького приграничного австрийского городка Хайнбург сразу после смещения Ирона Куртайна 10 де-

кабря 1989 г., стала символическим шагом словацкого народа в Европу.

Членство в ЕС, провозглашенное ключевой целью внешней политики страны в 1990 г. правительством демократической Чехословакии, было понято как институциональное выражение идеи «возвращения в Европу». Эта цель была принята и словацкой политической элитой и, по крайней мере на уровне заявлений, стала элементом программы всего словацкого правительства с 1993 г. Несмотря на то что революционная эйфория исчезла несколько месяцев назад, реальная альтернатива европейской ориентации почти ушла из словацкого политического обихода. В качестве единственной альтернативы рассматривалось тесное сотрудничество с Россией и другими странами СНГ.

Таким образом, европейская идея сыграла очень важную роль в падении коммунизма. Отказ от коммунистической идеи и ориентация на сотрудничество с СССР как причина всеобщей отсталости стали свидетельствами того, что программа «возвращения в Европу» не была понята в качестве истинного изменения внешней политики и выбора цивилизации. «Европейская идея», в условиях Словакии выраженная во время ее членства в Совете Европы, а затем и в ЕС, еще в самом начале процесса восстановления демократии рассматривалась как неотъемлемая часть демократического развития. Понятие «Европа» было неразрывно связано с такими понятиями, как «демократия», «модернизация» и «свобода».

Отношение словацкого общества к ЕС

В начале 90-х гг. количество сторонников вступления Словакии в ЕС было больше, чем количество его противников. В 1994 г. принятие Словакии в ЕС поддержало 49 % граждан, год спустя эта цифра составила уже 60 %, в 1997 г., когда страна вышла из международной изоляции, количество сторонников вступления Словакии в ЕС составило уже 67 %.

Количество противников, в свою очередь, уменьшилось с 13 % в 1994 г. до 9 % в 1997 г. Уровень общественной поддержки вступления в Евросоюз стал выше, чем уровень доверия Евросоюзу, но здесь количество позитивных ответов было больше, чем негативных. Уровень доверия ЕС в июне 1999 г. составлял 44 %, но с этого времени данный показатель ЕС снова стал возрастать.

Рост негативного имиджа и отсутствие доверия к ЕС имели место в начале 90-х гг., это произошло вследствие снижения чувства безопасности и роста неудовлетворенности у жителей. Число недовольных достигло максимальной величины уже осенью 1990 г. До весны 1991 г. их количество быстро росло, а с мая 1991 г. достигло более или менее стабильного уровня в 70 %. Причинами стали незавершенный процесс формирования словацкой государственности, а также снижение уровня жизни, в том числе безработица, интерпретированные как результат экономических реформ. Факторы такого общественного недовольства существовали в самом словацком обществе и были тесно связаны с отставкой популярного (а также популиста) премьер-министра Владимира Мечияра в апреле 1991 г. На формирование негативного имиджа ЕС повлиял также механизм, использующий проблему расширения Евросоюза в борьбе противоречий внутренней политики. Непопулярные реформы в сфере экономики и социального благосостояния были причиной членства в ЕС. «Европейская карта» использовалась также в качестве важного аргумента в пользу сохранения единого чехословацкого государства. По мнению сторонников сохранения единого государства, мы не можем бороться за интеграцию в Европу, пока не смиримся с реальным существованием единой чехословацкой нации, которая уже стала традицией и приобрела международный престиж. Однако скептическое отношение к европейской интеграции в начале 90-х гг. было не единственным словацким феноменом. Оно было усилено не совсем ясной позицией ЕС в отношении требований, предъявляемых к восточным странам-кандидатам. Именно поэтому Чехословакия, Польша и Венг-

рия основали группу «Вышеград», которая потребовала четкого определения критериев, предъявляемых к членству в ЕС.

Основание независимой Словацкой Республики дало импульс для консолидации проевропейской позиции. Это подтверждает необходимость независимого формулирования интересов государства. Если в течение первых месяцев 1993г. отмечалось низкое доверие как к ЕС, так и к НАТО, то уже в октябре того же года этим двум организациям высказали доверие 45 % жителей страны. В течение первых месяцев 1993 г. было широко распространено мнение о том, что Словакия должна полагаться только на себя и ей не следует вступать в какие-либо альянсы. В марте 1993 г. это мнение разделяла треть граждан Словакии. Часть этих настроений выражал господин Мечияр, который утверждал, что «если мы не будем иметь успеха на Западе, то мы повернем на Восток». Хотя официально он поддерживал прозападную ориентацию Словакии. Уровень доверия к ЕС опять упал в 1994 г. после смещения Парламентом со своего поста Мечияра, который был премьер-министром страны. Этот шаг вызвал одобрение со стороны стран-членов ЕС, так как они опасались возрастающих авторитарных тенденций в Словакии.

С другой стороны, особенно в начале 90-х гг., в общественном мнении, как и в СМИ, существовал страх переориентации словацкой экономики на западные рынки, преимущественно в сфере международной торговли. Процесс бурной индустриализации Словакии имел место в период с 50-х до конца 70-х гг. Словацкая индустрия была ориентирована на требования бывшего советского блока со значительной долей тяжелой и оборонной промышленности. Таким образом, словацкая экономика в большей степени зависела от рынков бывшего СССР, особенно России. Высокий уровень безработицы, который в начале 90-х гг. достиг более 10 %, был вызван коллапсом восточных рынков. Это стало причиной того, что в течение первых лет независимости страны Мечияром была провозглашена пророссийская политика, поддержанная боль-

шей частью словацкого общества — при этом ожидания превзошли реальный результат.

Несмотря на преимущества окончательной пророссийской ориентации словацкой экономики, обещанные некоторыми представителями Движения за демократическую Словакию (политическая партия, основанная Владимиром Мечияром), доля стран ЕС и стран-кандидатов в международной торговле Словакии постоянно росла, в то время как доля России и других стран СНГ постоянно уменьшалась.

На грани изоляции

Только период третьего правительства Мечияра (1994—1998) стал «катализатором» процесса демократизации в Словакии. Авторитарные тенденции, а потом и правительственная коалиция вызвали негативную реакцию на Западе. Последствием этого стала дисквалификация Словакии в первом раунде расширения ЕС и НАТО. Одновременно отношения с Россией стали пониматься как альтернатива официально заявленному курсу внешней политики.

Вопросы внешней политики долгое время не выходили на первый план в словацком обществе. В 1997 г. их считали первоочередными только 4 % словаков, потому что они не относятся к актуальным в повседневной жизни в демократических странах и не находятся на первом плане. Но это не является доказательством изоляционизма.

Предпосылки консолидации проевропейских веяний в Словакии появились в 1997 г. после провального референдума о членстве в НАТО и прямых всенародных выборов Президента (24 мая 1997 г.). Правительство отменило голосование по данным вопросам, несмотря на то что в референдуме могли принять участие 89 % потенциальных респондентов. В ответ на это 90 % граждан страны объявили бойкот такому «управляемому» референдуму.

Несмотря на Евро-Атлантические декларации, подписанные правительством в апреле 1998 г., только 24 % граждан

Словакии были убеждены в том, что их страна стремится в ЕС. Почти половина (43 %) не смогли дать ответ на этот вопрос, а 25 % ответили, что Словакия стремится к альянсу с Россией. Почти половина граждан видели такой альянс возможным, в то же время 75 % из них отвергли военный или политический союз с Россией. Пророссийская ориентация Словакии была поддержана только 10 % граждан. Таким образом, вполне возможно, что открыто выраженная поддержка Мечиара Президентом России Б. Ельциным сразу перед выборами также внесла вклад в консолидацию прозападных сторонников. По мнению 42 % словаков, дисквалификация Словакии из первой группы стран-кандидатов в ЕС принесет отрицательные последствия для страны.

Интерпретация причин провала политики Словакии на пути интеграции в Европу изменилась. В конце октября 1997 г. только треть граждан винили страны ЕС и НАТО в негативном влиянии на страну и Президента Михала Ковача, который вместе с оппозицией наносит вред интересам Словакии; 40 % обвиняют иностранные и словацкие СМИ, но более чем половина (55 %) уверенно обвиняют коалицию, которая не смогла вести более демократичную политику. Почти половина граждан видели причину провала в том, что Словакия не удовлетворяла ряду политических критериев вступления в ЕС. В то же время с октября 1997 по апрель 1998 г. возросло количество сторонников вступления Словакии в НАТО (с 52 до 58 %), как и в ЕС (с 74 до 79 %). Это произошло вопреки усиленной антизападной и антиинтеграционной кампании, которая была развернута сторонниками правительственной коалиции, и стало свидетельством того, что жители Словакии все более и более относят к себе критические замечания, высказываемые представителями евроатлантических структур.

Ухудшение международной позиции Словакии по сравнению с периодом до 1994 г. отметили в 1998 г. 60 % граждан страны. Словаки были обеспокоены также состоянием органов безопасности и возрастающей ролью организованной преступности в политике, негативными тенденциями, усиливши-

мися с 1994 г. в области безопасности граждан (80 %), правосудия (70 %), роли и возможностей молодежи (66 %) и т. д.

Политическая атмосфера характеризовалась возрастающими чувствами и несправедливости. Общественное недовольство было выражено и ростом проэмигрантских настроений. Среди эмигрантов было 30 % молодежи, 22 % граждан с университетским образованием, 24 % с полным средним образованием. Только 13 % людей гордятся положением Словакии на международной арене, 47 % ощущают стыд.

Развитие авторитарных тенденций с 1994 г. заставило граждан Словакии быть более внимательными к проблемам демократии. Результатом стало изменение в понимании демократических принципов политической жизни. С каждым годом растет количество людей, которые больше выступают за плюрализм и демократию, чем за единение нации (1994 г. — 36 %, 1997 г. — 43 %). Усилилось понимание необходимости уважения прав меньшинств, уважения чиновниками закона, как и поддержки свободы и СМИ. Если в 1994 г. антидемократические и гибридные принципы были поддержаны 53 % граждан, то в 1997 г. их число составило только 42 %. С другой стороны, количество приверженцев демократических принципов возросло с 47 до 59 %.

Очень важным фактором на пути к демократии и в процессе европейской интеграции стали выборы 1998 г., которые мобилизовали демократически настроенный и прозападный электорат. В Словакии к нему принадлежат наиболее образованные люди, молодое и среднее поколение, жители городов, особенно таких крупных, как Братислава и Кошице. Высокий уровень демократически настроенных и европейски ориентированных граждан наблюдается среди студентов и членов венгерского меньшинства. Особую роль сыграла молодежь и те из них, которые голосовали в первый раз, которые ранее были политически пассивны, а также граждане, живущие на урбанизированной территории. В данном случае частым аргументом их участия в выборах стали либо выражение своего независимого мнения с целью улучшения дальнейшей жизни, либо не-

готивная мотивация — выражение протеста против некоторых политических партий или существующей политической реальности. Мобилизация стала успешной, и, несмотря на пессимистические прогнозы, в июле 1998 г. более 51 % граждан считали, что Мечияр после выборов снова станет премьер-министром Словакии. Политическая активность в больших городах также росла.

Выборы 1998 г. стали и кризисом поколений. Если в Словакии превалировали политически однородные семьи, где оба супруга поддерживали одну или схожие политические партии, то уже их дети ведут себя совершенно по-другому, особенно в семьях, где родители в данное время голосовали за партии Коалиции. После выборов 1998 г. у словацких граждан повысился оптимизм в отношении европейской интеграции. Они были согласны с утверждением, что шансы вступления Словакии в ЕС и НАТО теперь выросли (52 %), но только 29 % верили в то, что это случится в первом раунде. Этот скептицизм широко распространился среди некоторых политических аналитиков. Амбициозный план нового правительства Микулаша Дзюринды — быстро привлечь партнеров Словакии из группы «Вышеград» для процесса интеграции в ЕС — привел к принятию непопулярных мер в экономике и социальной сфере. Несмотря на недовольство такими мерами, социальное равновесие было сохранено до 2002 г. В то же время отсутствие проевропейской альтернативы являлось существенным фактором стабильности неоднородного правящего лево-правого крыла Коалиции, которое изначально состояло из четырех (а фактически больше, так как Словацкая демократическая коалиция состояла из пяти партий), а позже пяти политических партий.

Гипотеза, в соответствии с которой выборы 1998 г. в некоторой степени приобрели характер так называемого «интеграционного референдума», дополнительно подтверждена результатами последовавших за ним парламентских выборов 2002 г. Голосовавшие одобрили политику правительства М. Дзюринды, несмотря на растущее недовольство экономи-

ческой и социальной ситуацией, особенно с точки зрения социальных затрат в период реформ. Более позитивно оценивалось положение с порядком и законом в обществе, как и с положением Словакии на международной арене.

Влияние объединения демократических сил Словакии, выступавшего против Мечияра, как и против его возвращения, оказало существенную поддержку процессу вступления в ЕС. Критическая поляризация в словацкой политике с 1998 г. была обусловлена процессом европейской интеграции. Это было вызвано тем, что внутри однородных политических партий отсутствовали силы, скептически относящиеся к европейской интеграции, открыто отрицающие членство Словакии в ЕС. С 2000 г. Движение за демократическую Словакию изменило свое отношение к ЕС, а крайне правая националистическая Словацкая национальная партия, которая после выборов 1998 г. ушла в оппозицию, открыто подняла вопрос о необходимости членства в ЕС. Это особенно видно в случае с Движением за демократическую Словакию, которое пытается таким способом преодолеть изоляцию как во внутренней, так и во внешней политике. Возможное российское доминирование перестало считаться реальной геополитической альтернативой для будущего Словакии и среди политической элиты, и среди граждан. Ориентированными на европейскую интеграцию являются и недовольные партии, называемые популистскими, — «Смер» и «Ано». Приближение вступления в ЕС стало для политических партий импульсом к поиску партнеров в европейской идеологической системе. Если «Смер» смогла успешно начать сотрудничество с Партией европейских социалистов, то Движение за демократическую Словакию, которое пытается стать членом Европейской народной партии, все еще остается в изоляции.

Внутренние факторы преодоления политической изоляции

Несмотря на то что политическое развитие в Словакии с 1994 г. стало приобретать свойства односторонней или предстательной демократии, как было определено Ф. Закария,

Мечияру не удалось продлить свой режим. Хотя и была попытка концентрации власти в руках премьер-министра, в Словакии не приняли президентскую или полупрезидентскую модель правления. Вопреки избирательному праву, которое сделало из Словакии один электорат в пользу партий с сильным и харизматичным лидером и усложнило положение других партий, все же в стране сохранились основы политической конкуренции. Парламентская система, созданная в самом начале 90-х гг., была сохранена. Парадоксально, но эта система была принята Мечияром, потому что когда Конституция Словацкой Республики была подготовлена, он был премьер-министром. Была сохранена и система пропорциональных выборов.

Несмотря на дискриминационный закон об организациях, с начала 90-х гг. сохранен либеральный закон о создании неправительственных организаций. Этот закон разрешил создание хорошо функционирующей сети таких организаций на национальном, региональном и местном уровнях, что играло важную роль в активизации граждан.

И, наконец, но не последнее: несмотря на то что общественное (государственное) словацкое телевидение, а также практически общественное (государственное) словацкое радио были поставлены под жесткий контроль правительства, Мечияр не смог обеспечить контроль за всеми независимыми СМИ. Двойная система радиовещания, созданная до 1992 г., также была сохранена. Благодаря этому словацкий народ мог слышать оппозиционное радио «Твист», а в 1996 г. начало вещать независимое телевидение «Маркиза». Сначала это была исключительно коммерческая телекомпания, но фактически она стала работать в качестве альтернативы не существовавшему тогда общественному телевидению. В начале 90-х гг. пресса перестала быть управляемой государством или политическими партиями. Все ежедневные газеты, кроме «Республики», критически отзывались о политике Мечияра. Таким образом, кроме официальных государственных СМИ жители Словакии получили альтернативные источники информации.

Система меняется с начала 90-х гг., и это внесло огромный вклад в необратимость развития политической системы Словакии. Была создана институциональная основа, которая предотвратила возрождение авторитарных методов.

Кроме системных факторов важную роль играло существование консолидированной политической альтернативы. Политическая оппозиция, торговые союзы, неправительственные организации, как и независимые СМИ, ощущали давление правительства Мечияра. Они следовали общей цели. Они могли противостоять этому давлению, потому что начали неформальную кооперацию, но все из вышеперечисленных групп сохранили свою независимость. Профессиональный и аналитический багаж политических партий был поддержан сетью независимых научных центров.

В то же время политическая оппозиция объединилась и представила своим избирателям программу позитивных изменений. Несостоявшийся референдум по прямым выборам президента стал импульсом для создания Словацкой демократической коалиции, объединившей пять оппозиционных партий. Хотя некоторые из них продолжили работать независимо, они смогли сдержать конфронтацию. Это позволило найти консенсус внутри оппозиции как до, так и после выборов.

Внешние факторы преодоления политической изоляции

На процесс консолидации проевропейской ориентации Словакии в большей степени повлияла усиливающаяся отсталость страны по сравнению с соседними государствами, партнерами группы «Вышеград». Хотя сразу же после создания независимой Словакии в 1993 г. эта страна еще принадлежала к первой группе посткоммунистических стран с лучшими шансами членства в ЕС с точки зрения их экономического и политического развития. С 1994 г. Словакия собиралась отступить от пути Чешской Республики, Венгрии и Польши. Чешская Республика в словацком общественном мнении считалась истинным примером для оценки и самооценки Словакии.

Особенно с 1997 г. стали подтверждаться опасения того, что границы Словакии общей протяженностью 1766,7 км, за исключением 98 км словацко-украинской границы, станут внешними границами ЕС и Шенгенской зоны. Это имело бы негативные последствия для Словакии из-за структуры ее международной торговли и культурных связей. Оппозиция часто использовала аргумент, что последствием принятия Чешской Республики и Словакии в ЕС в разное время могло бы стать прекращение существования экономической кооперации, таможенного союза, как и свободного передвижения людей. Последнее обстоятельство особенно затрагивало словацких граждан, которые работают в Чешской Республике. Для венгерского меньшинства негативным моментом стало усложнение контактов с Венгрией.

Общая европейская идея также внесла вклад в изменение характера взаимоотношений между Словакией и Венгрией. С другой стороны, соперничество между странами-кандидатами имело место не только между Венгрией и Словакией. Основание Центрально-Европейской ассоциации за свободную торговлю в 1992—1993 гг., которая стабилизировала экономическое сотрудничество между Словакией, Чешской Республикой, Польшей и Венгрией, с самого начала рассматривалось как подготовительный этап к вступлению в ЕС. Благодаря сотрудничеству по модели евроатлантических и региональных структур (В4, Центрально-европейской ассоциации за свободную торговлю, Центрально-Европейской инициативы) Венгрия стала не только соперником Словакии, но и партнером. Этот факт также повлиял на сдержанный характер взаимного словацко-венгерского диалога в некоторых спорных вопросах, особенно с 1998 г.

Большую роль в процессе интеграции Словакии в евроатлантические структуры сыграло возрождение сотрудничества в группе «Вышеград» в 1998 г. Очень быстро Словакия приняла структуру «Вышеграда» как инструмент реализации собственных интересов в регионе. Словакия также стала одним из самых важных объектов сотрудничества «Вышеграда», потому

что основной заботой ее соседей по группе было достижение членства Словакии в НАТО. Подтверждением данного факта является то, что политическая кооперация в рамках группы «Вышеград» была в 2000 г. даже более привлекательной для словацких граждан (77 %), чем кооперация со странами-членами ЕС (75 %), США (57 %) или Россией.

Но в любом случае самым важным фактором, оказавшим позитивное влияние на выбор Словакией европейского пути, было продолжение напряженного диалога между ЕС и США, с одной стороны, и Словакией — с другой. Представители евроатлантических структур повторно выразили свою поддержку прозападному выбору Словакии, но они еще раз подчеркнули, что политике правительства Мечияра будет трудно достичь этой цели. Такой диалог продолжался до выборов 2002 г. Представители НАТО и ЕС четко заявляли, что членство Словакии в обеих организациях зависит от ее возможностей выполнить требования этого членства, а также подчеркивали, что в Мечияре они не видят надежного партнера.

Западные страны в то же время предоставили политическую, моральную, а также финансовую поддержку демократическим силам Словакии, включая неправительственные организации. Эта поддержка реализовывалась на постоянной основе и не была приостановлена на период парламентских выборов. Границы оставались открытыми, и благодаря этому граждане Словакии смогли сравнить свою жизнь с изменениями, произошедшими в соседних странах, а также в высокоразвитых странах ЕС. Люди приобрели возможность познакомиться с поучительным социальным опытом жизни в европейских условиях не только с помощью западных телеканалов, которые могли смотреть благодаря расширению спутникового телевидения, но и путешествуя, работая и обучаясь в странах ЕС. С другой стороны, Мечияр не был готов к полной изоляции Словакии и полному разрыву отношения с евроатлантическими структурами. Это стало причиной того, почему выборы 1998 г. были хорошо организованы и прошли без фальсификаций.

Европейская идея и национальные меньшинства

Венгерское меньшинство сыграло очень важную роль в процессе формирования европейской идентичности Словакии, как и в процессе проевропейской ориентации части словацкого общества. Более интенсивный процесс демократизации в конце 80-х гг. шел именно в Венгрии, и вызван он был тем, что венгерские интеллектуалы стали первыми, кто в так называемом Меморандуме 1988 г., изданном в октябре 1988 г. к 70-летию провозглашения независимости Чехословакии в 1918 г., потребовали участия Чехословакии в европейских интеграционных процессах.

Венгерское меньшинство, составлявшее 9,7 % населения Словакии, очень хорошо организовано и является политически важным меньшинством со стабильным и сплоченным представительством в парламенте. С 1992 г. в словацком парламенте они были представлены отдельной правой партией (в 1992 и 1994 гг. коалицией партий) Венгерской коалиции (ВК), а с 1998 г. — Венгерской коалиционной партией (ВКП). Венгерские партии всегда набирали на парламентских выборах — начиная с 1992 г. — почти 8 % (1992 г. — 7,9 %, 1994 г. — 7,6 %). Представительство венгерского меньшинства было постоянным благодаря членству Словакии в евроатлантических структурах, так как они видели в демократии и прозападной ориентации страны гарантию защиты своих национальных прав.

Одной из острейших проблем Словакии являлось отсутствие коммуникации между словацкими политическими партиями и представителями венгерского меньшинства. Это было вызвано ростом словацкого национализма, а также радикальными требованиями некоторых представителей венгерского меньшинства. Одним из аргументов в пользу словацких националистов на выборах 1994 г. была листовка, распространенная венгерскими политическими лидерами на юге Словакии, с требованием предоставления автономии регионам, где проживают венгерские меньшинства. Основание Венгерской

коалиционной партии (ВКП) в 1998 г. помогло ослабить позиции радикальных представителей венгерского меньшинства. С другой стороны, уже было налажено сотрудничество между партиями Словацкой демократической коалиции (СДК) и венгерскими партиями в парламенте. Благодаря членству в ВК (ВКП) представители СДК попали в будущее правительство на выборах 1998 г.

Значимость участия ВКП в правительстве М. Дзюринды в 1998 и 2002 гг. обусловлена не только достижением большинства в парламенте. Словакию перестали критиковать представители ЕС, Совета Европы и ОБСЕ за нарушение прав национальных меньшинств, как это было до 1998 г. Страх среди словацкого населения, рожденный венгерским радикализмом, стал исчезать; проблемы венгерского меньшинства начали расцениваться как элемент демократического диалога, но не с точки зрения исторической обиды или негативных стереотипов. Участие венгерских представителей в правительстве с 1998 г. подтверждает появление более позитивного отношения венгерского меньшинства к словацкой государственности. Это было впервые за всю новую историю Словакии (как и Чехословакии 1918 г.), когда легитимные представители венгерского меньшинства стали членами правительства.

Хотя Венгерская коалиционная партия (ВКП) была создана объединением трех политических партий, она стала самой стабильной структурой в Словакии. Ее глава Бела Бугар долгое время остается самым популярным политиком правительственной коалиции. Слишком конструктивное и умеренное представительство членов ВКП было одной из причин того, что эта партия получила на парламентских выборах 2002 г. 11,17 % избирателей. ВКП получила поддержку со стороны не только членов венгерского меньшинства, но и представителей этнического большинства. Таким образом, европейская идея и необходимость восстановления демократии внесли вклад в изменение отношений между словацким большинством и венгерским меньшинством.

Вместо заключения

Проблемой словацкого общества до сих пор является сильная тенденция к недовольству и пессимизму. В 1991 г. 70—80 % граждан страны заявляли, что из-за существовавшего политического и экономического положения они не чувствовали себя уверенными в будущем. В 1999 г. 56 % считали, что их жизнь до 1989 г. была лучше, чем сейчас. Широко распространено было мнение о том, что развитие Словакии идет по ошибочному пути. Так думали более 60 % жителей, рассматривая это в долгосрочной перспективе. Десять лет спустя после падения коммунизма 45 % жителей заявили, что их ожидания 1989 г. позже не оправдались.

В словацком обществе отсутствует консенсус по вопросу необходимости экономических изменений. Почти половина респондентов высказалась за то, что необходимо предпринять менее существенные изменения. Количество сторонников радикальных реформ незначительно снижается. После 2002 г. также не был достигнут консенсус по вопросу необходимости неолиберальных реформ в экономике и социальной сфере.

Несмотря на рост так называемой цивилизационной грамотности, словацкое общество очень медленно открывает себя для европейского сотрудничества. В 2000 г. ни одним из западных языков не владело 67 % населения, в 1992 г. эта цифра составляла 76 %. В 2000 г. 68 % словацких граждан не посещали ни одной из высокоразвитых западных стран сроком более одной недели.

Проблемой словацкой политической, а также интеллектуальной элиты является то, что она молчит о последствиях членства Словакии в ЕС и о будущем ЕС. Другая проблема заключается в том, что вступление в ЕС не рассматривается как задача нового уровня политической культуры.

То, что членство в ЕС окажет позитивное влияние на Словакию, предположили 61 % словацких граждан. Особенно они ждут роста развития экономики, хотя не связывают это со скорейшим повышением их уровня жизни. Евросоюз обладает по-

зитивным имиджем в глазах словаков. По их мнению, ЕС — богатый, современный, демократический, перспективный и либеральный. Своей родной стране они приписывают противоположные свойства, которые рассматривают как негативные.

Этот относительно оптимистический и позитивный имидж ЕС подтверждается недавним опросом общественного мнения, проводившимся с марта по апрель 2004 г. Институтом политических наук Словацкой академии наук. Как показывают его результаты, 24 % словацких граждан поддержали федеративную модель ЕС, 22 % высказались за ЕС в виде конфедерации. За ослабление существующих связей в Евросоюзе высказалось 15,5 %, за прекращение процесса интеграции — только 4,3 %. В условиях, когда отношение словацкой политической элиты к дальнейшей интенсификации процесса европейской интеграции стало более скептическим, словацкое население возлагает оптимистические надежды на европейскую интеграцию.

Список литературы

1. *Balážová, Daniela*: Ako sme si v Bruseli hanbu urobili // Pravda, 30. 1. 2004.
2. *Balážová, Daniela*: Bruselu budú chýbať slovenskí účtovníci // Pravda, 2. 2. 2004
3. *Balážová, Daniela*: Slováci podcenili konkurzy do únie // Pravda, 30. 1. 2004.
4. *Bunčák, Ján — Piscová, Magdaléna*: Modern National Identity of Slovaks and their Attitude Towards Europe. In: *Slovak Sociological Review*, vol. 32, No. 3, Spring 2000. P. 289—310.
5. *Bútora, Martin — Mesežnikov, Grigorij — Bútorová, Zora* (eds.): *Kto? Prečo? Ako? Slovenské voľby '98*. Bratislava. IVO, 1999.
6. *Bútora, Martin; Šebej, František* (eds.): *Slovensko v šedej zóne*. Bratislava, IVO 1998.
7. *Čarnogurský, J.*: *Videné od Dunaja*. Bratislava; Kalligram, 1997.
8. *Duleba, Alexander*: *Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky. Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov*. Bratislava, SFPA, 1996.
9. *Gyárfášová, Olga; Krivý, Vladimír; Velšic, Marián* (eds.): *Krajina v pohybe. Správa o politických názoroch a hodnotách ľudí na Slovensku*. Bratislava, IVO, 2001.

10. *Hodža, Milan*: Federácia v strednej Európe. Bratislava, Kaligram, 1997.
11. *Hloušek, Vít — Kopeček, Lubomír*: Konsolidace demokracie a hybridní režimy — slovenský a chorvatský případ // Central European Political Studies Review, vol. VI., № 4, autumn, 2003. <http://www.iips.cz/seps/clanek.php?ID=180>
12. <http://www.economy.gov.sk>
13. *Kollár, Miroslav; Mesežnikov, Grigorij* (eds.): Slovensko 2001. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava, IVO, 2001.
14. *Kollár, Miroslav; Mesežnikov, Grigorij* (eds.): Slovensko 2002. Súhrnná správa o stave spoločnosti I. Bratislava, IVO 2002.
15. *Kollár, Miroslav; Mesežnikov, Grigorij* (eds.): Slovensko 2003. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava, IVO, 2003.
16. *Lukáč, Pavol*: Historická a politická identita Slovenska na prahu jeho integrácie do EÚ. Niekoľko poznámok k pripravenosti slovenskej elity na vstup do únie // OS, 2003, No. 6. P. 59—65.
17. *Mesežnikov, Grigorij; Gyárfášová, Olga; Kollár, Miroslav* (eds.): Slovenské voľby '02. Výsledky, dôsledky, súvislosti. Bratislava, IVO, 2003.
18. *Mesežnikov, Grigorij; Ivantyšin, Michal* (eds.): Slovensko 1998—1999. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava, IVO, 1999.
19. *Nosko, Andrej*: Euroskepticizmus novej Európy. Pohľad na niektoré aspekty euroskepticizmu na príklade Poľska, Česka, Slovenska a Maďarska // <http://www.visegrad.info>
20. *Občania*: Ekonomika bude stúpať, životná úroveň klesať; Slováci chcú jednotnejšiu úniu. // EurActiv. sk, 30. 4. 2004; <http://www.euractiv.sk>
21. *Pešek, J.; Szomolányi, S.* (eds.): November 1989 na Slovensku. Súvislosti, predpoklady a dôsledky, Bratislava, Nadácia Milana Šimečku, 2000.
22. *Samson, Ivo*: Die Sicherheits- und Außenpolitik der Slowakei in den ersten Jahren der Selbständigkeit. Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft, 2000.
23. *Szomolányi, Soňa*: Kľukatá cesta Slovenska k demokracii. Bratislava, Stimul 1999.
24. *Szomolányi, Soňa* (ed.): Problémy konsolidácie demokracie. Bratislava, Slovenské združenie pre politické vedy, 1997.
25. *Šimečka, Milan*: Návrat do Európy // Kultúrny život, vol. 23, 1968, No. 11. P. 9.

26. *Velšic, M.*: Spoločensko-politická klíma na sklonku Mečiarovej a Dzurindovej vlády // Central European Political Studies Review, vol. 1, winter 2002, <http://www.iips.cz/seps/clanek.php?ID=53>

27. *Vykoukal, Jiří* (ed.): Visegrád: možnosti a meze středoevropské spolupráce. Praha, Dokořán, 2003.

Пер. с англ. А.Е. Пономарёва.

И.О. Дементьев, Н.В. Козловский
(Калининград, Россия)

**К ВОПРОСУ
О ПРАВОВЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИИ**

Россия сегодня переживает сложный процесс преобразования советского общества в общество нового типа. Нам, живущим на постсоветском пространстве, не совсем еще ясно, из какого социума мы вышли; совсем непонятно, к какому движемся. Можно все же констатировать, что в России постепенно происходит становление гражданского общества — того, которое воспринимают как реальность многие жители западных стран и которое характеризуется rule of law, приоритетом прав личности над государственными интересами, высокой активностью общественности. Рано еще говорить об успехах: слишком много политических, идеологических и экономических препятствий встречает гражданская инициатива на своем пути. Но в России заметны первые ростки, элементы гражданского общества. Здесь речь идет, прежде всего, о формировании сообщества общественных объединений — добровольных, независимых от государства ассоциаций граждан, объединившихся в целях защиты своих интересов в разных сферах жизни общества [1, с. 1].

Российский социум разделяется на три сектора.

Первый сектор составляют государственные структуры, которые обладают полнотой власти, правом на издание нормативных ведомственных документов, осуществляют отчетно-проверочную и контрольно-санкционирующую деятельность всех подведомственных им организаций, созданных по вертикали в каждом регионе страны. Обычно к этому сектору относят и муниципальные структуры. В рамках этой части социума разрабатывается государственная социальная политика.

Вторую часть (второй сектор) социума составляют структуры большого, среднего и малого бизнеса. Именно они способствуют обеспечению населения всеми видами товаров, распространяя свое влияние даже на самые маленькие населенные пункты и в значительной мере снабжая всем необходимым социальные организации. В этом секторе российского социума сосредоточены основные финансовые потоки и деньги, которых так не хватает государству для полного решения социальных проблем.

Третью часть (третий сектор) социума представляют общественные объединения и организованные сообщества граждан, которые принято называть неправительственными (негосударственными некоммерческими) организациями. Не входя в государственные структуры, эти объединения характеризуются высоким уровнем общественной инициативы [6, с. 6].

Нередко эти три сектора называют соответственно государственным, коммерческим и некоммерческим [5, с. 5].

Третий сектор — один из неотъемлемых элементов гражданского общества, и уровень его развития определяет степень развитости гражданского общества. Если в стране существуют сильные независимые от государства организации, способные влиять на государственные институты, то это один из основных гарантов устойчивости демократии в этой стране.

Существование и функционирование неправительственных организаций в России регулируется комплексом законодательных актов, принятых в 1995—1996 гг. Все они ориентированы на детализацию Основного Закона Российского госу-

дарства — Конституции, 30-я статья которой гласит: «Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем». Вслед за Конституцией право граждан на объединение гарантируется федеральными законами «О некоммерческих организациях» [11, ст. 145] от 12 января 1996 г. и «Об общественных объединениях» [11, ст. 1930] от 19 мая 1995 года. Эти законы образуют некоторую терминологическую сложность: строго говоря, некоммерческими (non-profit) организациями называются все организации, не имеющие извлечение прибыли основной целью своей деятельности. Так, к ним относятся помимо общественных объединений школы, библиотеки, редакции газет и т. д. То есть некоммерческие организации могут быть государственными (федеральными и региональными), муниципальными — существующими на базе соответствующей формы собственности — и негосударственными. «Третий сектор» все же образуют негосударственные некоммерческие организации [2, с. 2].

То обстоятельство, что некоммерческие организации могут являться и государственными, и негосударственными образованиями, обусловлено тем, что деление организаций на коммерческие и некоммерческие произведено в интересах гражданского оборота, т. е. относится к сфере имущественных и связанных с ними неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности субъектов.

Если же за основу принять характеристику организации как государственной или частной, то на первый план среди некоммерческих организаций выйдут общественные объединения, под которыми в широком смысле слова понимается любая сформированная на добровольной основе организация граждан, преследующая определенные общественно полезные цели [15, с. 3].

В результате в литературе нередко встречается идентичное понимание терминов «некоммерческая организация» (НКО), «негосударственная организация» (НГО), «неправительственная организация» (НПО), «общественное объединение», «общественная организация». В соответствии с ч. 1 ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации организации подразделяются на коммерческие и некоммерческие. Первые ставят целью своей основной деятельности извлечение прибыли, вторые предоставляют социальные услуги, содействуют развитию культуры, образования, оказывают благотворительность и осуществляют другие общественно полезные цели.

Статья 117 ГК РФ, ст. 6 закона «О некоммерческих организациях» называются «Общественные и религиозные организации (объединения)». Таким образом, понятие «общественное объединение» приравнивается к понятию «общественная организация». Однако закон «Об общественных объединениях» соотносит эти понятия как род и вид.

Итак, общественным объединением по ГК признается добровольное, самоуправляемое некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

Формулировка данной дефиниции в законе «О некоммерческих организациях» отличается немногим. Общественными и религиозными организациями (объединениями) признаются добровольные объединения граждан, в установленном законом порядке объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей.

В России широкая сеть общественных объединений возникла в сжатый исторический период. Неправительственные организации представляют собой сегодня сложную систему общественных объединений. Первая группа — организации, созданные в доперестроечное время как вполне государственные структуры, сумевшие пережить распад СССР. Вторая группа — организации, созданные во время перестройки. Тре-

тья группа — организации, созданные после 2000 г. НПО можно разделить на две группы по видам интересов, которые они защищают: те, которые защищают групповые интересы, и те, которые защищают интересы общества¹.

Общественные объединения можно классифицировать и по другим признакам (проблемно-«отраслевым» сферам деятельности, формам организации, широте социальной базы и так далее).

В России существует потребность общества в самоорганизации, прежде всего в интересах обеспечения социальной защиты групп населения, адаптация которых к новой жизни происходит медленно.

По своей правовой природе общественные объединения являются свободными коллективными образованиями, осуществляющими взаимодействие гражданского общества и государства, а также воплощающими международно-признанный правовой институт о свободе ассоциации как составной части неотъемлемых прав человека [16, с. 33]. Общественные объединения свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов деятельности. Но есть и некоторые ограничения. В качестве примера можно привести ст. 16 закона «Об общественных объединениях»: «запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни»; или: «название общественного объединения не должно оскорблять нравственность, национальные и религиозные чувства граждан, символика общественных объединений не должна совпадать с государственной символикой Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также с символикой иностранных государств; нарушать права

¹ См. например: *Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России*. М., 1999.

граждан на интеллектуальную собственность, оскорблять их национальные и религиозные чувства».

Существуют положения, которые одновременно можно рассматривать и как привилегию, и как ограничение. Хотя общественные и религиозные организации являются объединениями граждан, вместе с тем в порядке исключения установлено, что участниками (членами) общественных объединений могут быть юридические лица, но лишь те, которые сами являются общественными объединениями. Это положение закреплено в ст. 6 федерального закона «Об общественных объединениях» [3, с. 12].

Измерить численный состав общественных объединений нелегко. По данным Госкомстата РФ², на 1 января 2003 г. было зарегистрировано более 350 тысяч некоммерческих неправительственных организаций. Рост НКО за три года составил 20 %, а по сравнению с 1995 г. число некоммерческих неправительственных организаций выросло почти на 60 %. От общей численности юридических лиц НКО составляет почти 10 %³. Например, в Орловской области по состоянию на 1 июля 2003 г. было зарегистрировано 1084 общественных объединения, из них 38 — региональных отделений политических партий и 134 религиозных организации. В Управлении юстиции по Калининградской области до 1 января 2003 г., то есть до момента окончания перерегистрации юридических лиц, было зарегистрировано свыше 1400 общественных объединений, однако в это число входили профсоюзы, отделения политических партий, товарищества садоводов, гаражные об-

² Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. №314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» Государственный комитет Российской Федерации по статистике преобразован в Федеральную службу государственной статистики.

³ Текст доклада председателя Комитета Государственной думы по делам общественных объединений и религиозных организаций В.И. Зоркальцева [WWW – документ] // [WWW – сайт] URL: http://www.ngopravo.ru/5/i4_61.htm.

щества и спортивные союзы. Кроме того, многие из зарегистрированных организаций не функционировали, их координаты были недействительны, а руководители не живут в регионе. На сегодняшний день осталось около 300 активных зарегистрированных общественных объединений. Большинство из них находятся и ведут свою деятельность в областном центре. Процент активно работающих организаций в малых городах и, тем более в сельской местности, значительно ниже.

С другой стороны, функционирует ряд объединений, которые не зарегистрированы, но активно работают, что вполне соответствует действующему законодательству. Среди них есть как неформальные молодежные объединения, основанные на общих досуговых интересах, так и устойчивые гражданские структуры, ведущие систематическую работу.

Правоотношения, связанные с созданием общественных организаций, регулируются главным образом федеральным законом «Об общественных объединениях». Статья 3 этого закона не связывает понятие создания объединения с регистрацией (ст. 18), а прямо указывает, что «создаваемые объединения» могут функционировать без государственной регистрации, однако при этом они не приобретают прав юридического лица. Более того, ч. 4 ст. 3 предусматривает для общественных объединений возможность выбора: проходить государственную регистрацию и приобретать права юридического лица либо принять решение не проходить такой регистрации и осуществлять свою деятельность в рамках законности и норм своего устава без государственной регистрации и без прав юридического лица.

Разумеется, приобретение статуса юридического лица позволяет общественному объединению стать полноценным субъектом правоотношений, и в первую очередь участником гражданско-правовых отношений, связанных с управлением имуществом. Кроме того, только юридические лица могут выступать истцами и ответчиками в суде, следовательно, объединение, не получившее такого статуса, не сможет подать иск в суд о нарушении его прав, даже если такие нарушения не

связаны с имущественными претензиями. Поэтому регистрацию следует рассматривать не как способ государственного контроля, а как механизм более полной защиты своих прав.

Для приобретения прав юридического лица общественное объединение подлежит государственной регистрации в соответствии с федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц» [7] с учетом установленного в ст. 21 федерального закона «Об общественных объединениях» специального порядка государственной регистрации общественных объединений.

Решение о государственной регистрации общественного объединения принимается федеральным органом исполнительной власти в области юстиции или его территориальным органом. Внесение в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о создании, реорганизации и ликвидации общественных объединений, а также иных предусмотренных федеральными законами сведений осуществляется уполномоченным в соответствии со ст. 2 федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц» федеральным органом исполнительной власти на основании принимаемого федеральным органом юстиции или его территориальным органом решения о соответствующей государственной регистрации. При этом порядок взаимодействия федерального органа юстиции и его территориальных органов с уполномоченным регистрирующим органом по вопросам государственной регистрации общественных объединений определяется Правительством РФ.

Решение о государственной регистрации общероссийского или международного общественного объединения принимается федеральным органом юстиции, межрегионального общественного объединения — территориальным органом федерального органа юстиции по месту нахождения постоянно действующего руководящего органа общественного объединения; регионального или местного общественного объединения — территориальным органом федерального органа юстиции в соответствующем субъекте РФ. Отказ в государственной

регистрации общественного объединения, а также уклонение от такой регистрации могут быть обжалованы в суд.

Для характеристики правовых условий, в которых действуют общественные объединения, нелишним будет отметить закон Калининградской области от 14 марта 2002 г. № 128 «О взаимодействии органов государственной власти Калининградской области и общественных объединений» [8]. Закон предусматривает формы государственной поддержки общественных объединений, принципы и формы взаимодействия государственной власти и общественных объединений и, напротив, формы участия гражданских союзов в реализации государственной политики в регионе.

Как правило, общественные объединения создаются для решения конкретных проблем, они досконально знают нужды отдельных групп населения и находят эффективные и экономичные пути выполнения поставленных задач. Высокая квалификация и мотивация сотрудников этих организаций позволяет им оказывать качественные и востребованные населением услуги. Государство не должно и не может брать на себя решение всех проблем общества. Напротив, международный опыт убедительно доказывает, что гораздо эффективнее (как в отношении качества, так и в отношении бюджетных затрат) передать исполнение большей части социальных услуг общественным объединениям. Это приведет к уменьшению бюджетных затрат за счет привлечения дополнительных источников финансирования, труда добровольцев и сокращения расходов на содержание аппарата государственных чиновников. Именно на достижение этих целей и направлен уже упомянутый выше закон Калининградской области «О взаимодействии органов государственной власти Калининградской области и общественных объединений».

Общественные объединения — это неотъемлемый элемент рыночного хозяйства, который играет существенную роль в социально-экономическом развитии ведущих рыночно ориентированных стран. Для их деятельности государством помимо правовых созданы и особые экономические условия.

Степень развития общественных объединений тесно связана с уровнем социальной зрелости современного рыночного хозяйства. Именно в социально ориентированном рыночном хозяйстве деятельность некоммерческих организаций в целом, и общественных объединений в частности, имеет наибольшую значимость [15, с. 24].

Функционирование общественных объединений способствует активному созданию дополнительных рабочих мест в рамках национальной экономики. Это десятки тысяч рабочих мест, тысячи общественно полезных проектов, миллионы людей, получающих реальную поддержку. Общественные объединения являются активными покупателями товаров и услуг, что усиливает предпринимательскую деятельность в целом, способствует развитию конкуренции между разными секторами экономики.

О российской экономике пока рано говорить как о социально ориентированной рыночной экономике. Вместе с тем очевидно, что при ее формировании необходимо учитывать, что современное рыночное хозяйство представляет собой неразрывный синтез коммерческих и некоммерческих организаций. Поэтому в ходе экономических и социальных реформ проводимые мероприятия должны быть нацелены на становление и развитие не только коммерческих, но и некоммерческих организаций. В настоящий момент государством созданы такие экономические условия, которыми многие общественные объединения недовольны.

Общественные объединения располагают большим массивом ресурсов. Помимо привычных и не столь значительных финансовых средств, это еще и технические, человеческие, информационные и другие. Очень важный ресурс — добровольческий (волонтерский) труд. Нередко только на нем и зиждется общественное объединение.

Еще один вариант ресурса — кооперация, сотрудничество между различными организациями [4, с. 8]. Этот ресурс особенно важен для целей данной работы.

Имущество общественного объединения в соответствии со ст. 31 закона «Об общественных объединениях» формируется за счет: вступительных и членских взносов, если их уплата предусмотрена уставом; добровольных взносов и пожертвований; поступлений от проводимых в соответствии с уставом общественного объединения лекций, выставок, лотерей, аукционов, спортивных и иных мероприятий; доходов от предпринимательской деятельности общественного объединения; гражданско-правовых сделок; внешнеэкономической деятельности общественного объединения; других не запрещенных законом поступлений. Кроме того, общественные объединения, чьи уставы предусматривают участие в выборах и референдумах, могут принимать пожертвования в виде денежных средств и иного имущества на деятельность, связанную с подготовкой и проведением выборов.

Для пополнения своих ресурсов общественные объединения могут обращаться к разным источникам. От первого сектора, то есть государства и муниципалитетов, можно ожидать таких форм содействия, как государственный или муниципальный заказ, статусная поддержка, целевое выделение средств, предоставляемых, как правило, на конкурсной основе⁴. Второй сектор предоставляет, главным образом, спонсорскую помощь и благотворительную финансовую помощь. Третий сектор — это обычно благотворительные фонды — проводит распределение на конкурсной основе грантов. Частные лица осуществляют поддержку путем внесения пожертвований или членских взносов [4, с. 11].

Еще одним параметром для характеристики экономических условий функционирования общественных объединений является отсутствие стимулирования меценатства. На заседании Государственного совета 16 июня 2003 г. Президентом РФ

⁴ См.: *Бюджетный кодекс Российской Федерации* от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // *Российская газета*. 1998. № 153-154; *О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: Федеральный закон* от 06.05.1999 №97-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 1999. № 19. Ст. 2302.

было дано поручение разработать комплекс мер по стимулированию меценатства и спонсорства⁵.

В условиях сокращения реальных доходов населения, высокого налогового пресса, заставляющего предприятия скрывать получаемые доходы, и неразвитости традиций меценатства особую значимость для общественных объединений приобретают доходы от их собственной предпринимательской (коммерческой) деятельности. Законодательно им разрешено заниматься предпринимательской деятельностью с известными оговорками (ст. 117 ГК РФ, ч. 2 ст. 24 закона «О некоммерческих организациях» и ст. 37 закона «Об общественных объединениях») постольку, поскольку это служит достижению уставных целей, ради которых они созданы, и соответствует этим целям. Такой деятельностью признаются приносящее прибыль производство товаров и услуг, отвечающих целям создания общественного объединения, а также приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав, участие в хозяйственных обществах и товариществах на вере в качестве вкладчика. Доходы от предпринимательской деятельности общественных объединений не могут перераспределяться между членами или участниками этих объединений и должны использоваться только для достижения уставных целей. Допускается использование общественными объединениями своих средств на благотворительные цели, даже если это не указано в их уставах. В большинстве своем предпринимательская деятельность рассматриваемых объединений выражается в предоставлении платных социальных услуг. Востребованность таковых, как уже говорилось, высока. Однако платные услуги занимают меньшую часть деятельности общественных объединений по сравнению с безвозмездными.

Государство проводит особую политику в отношении общественных объединений по вопросам налогообложения. До

⁵ *Протокол* заседания Государственного совета 16 июня 2003 г. № 10 [WWW – документ] // [WWW – сайт] URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2003/06/53244.shtml>.

недавнего времени третий сектор обладал значительным числом налоговых льгот. Порядок их предоставления определяется законодательно на соответствующем уровне. В ч. 1 ст. 18 федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [12, ст. 3802] указано, в частности: льготы и компенсации общественным объединениям (организациям) и иным некоммерческим организациям, гражданам, осуществляющим деятельность по защите прав и законных интересов детей, устанавливаются законами Российской Федерации и законами субъектов Российской Федерации. С введением нового Налогового кодекса Российской Федерации и отменой практически всех налоговых льгот у подавляющего большинства общественных объединений возникла проблема — как и на что жить дальше? Льготы по налогообложению остались лишь у отдельных видов общественных объединений (например, организации инвалидов). Государство не должно недооценивать важности общественных объединений как фактора экономического развития и предмета иностранных инвестиций. Все объединения, ведущие финансовую деятельность, являются исправными плательщиками налогов и по некоторым статьям облагаются налогами наравне с коммерческими структурами. Финансовые операции ведет лишь десятая часть организаций; это, впрочем, не означает, что остальные организации, имеющие «нулевые» балансы, не осуществляют никакой деятельности. Прежде всего, статистика не учитывает труд сотен тысяч добровольцев, жертвующих свое время, умение, деньги, вещи на благо общества. В денежном эквиваленте это — миллионы рублей ежегодно.

В различных нормативных актах говорится о государственном заказе общественным объединениям⁶, но такие заказы по-прежнему встречаются недостаточно часто.

⁶ См., например, ст. 8 Федерального закона от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.

Так выглядят правовые и экономические условия, в которых функционируют общественные объединения. «Перечисленные проблемы не новы и требуют решения. Создание необходимых правовых и экономических условий, гарантирующих настоящую независимость гражданского сектора и экономическую устойчивость некоммерческих организаций, является важнейшей задачей и залогом развития гражданского общества в России. Эта задача является общей для государства и гражданского сектора, требует их совместной работы и, пожалуй, станет тестом на социальное партнерство»⁷. Так заканчивал гражданский форум, проходивший в 2001 г. в Москве, Юрий Джибладзе — президент Центра развития демократии и прав человека. За несколько лет эти слова не потеряли своей актуальности.

Список литературы

1. *Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Российская газета. 1998. № 153—154.*
2. *Дементьев И.О. Неправительственные организации в Калининградской области и возможности сотрудничества с польскими НПО // Атлас некоммерческих неправительственных организаций Калининградской области. 2-е изд. Калининград, 2003.*
3. *Джабрабеков С.Н., Старостин С.Н. Некоммерческие организации, М.: МЦФЭР, 2004.*
4. *Культурные проекты: привлечение ресурсов: Методическое пособие / Ю.Ю. Бардун, И.О. Дементьев и др.; Центр «Молодежь за свободу слова». Калининград, 2001.*
5. *Макаренко О.В., Рудник Б.Л. Государство и негосударственные некоммерческие организации: формы поддержки и сотрудничества. М.: СИГНАЛЬ, 1997.*
6. *Панов А.М., Камаева Г.И. и др. Организация взаимодействия специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, с негосударственными организациями по профилактике детской безнадзорности: Методические рекомендации. М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2002.*

⁷ *Материалы гражданского форума [WWW – документ] // [WWW – сайт] URL: <http://www.hro.org/ngo/cforum/fin20.htm>.*

7. *Парламентская* газета. 2001. № 152—153.
8. *Российская* газета. 1998. № 153—154.
9. *Российская* газета. 2002. № 65.
10. *Собрание* законодательства РФ. 1995. № 21.
11. *Собрание* законодательства РФ. 1995. № 27.
12. *Собрание* законодательства РФ. 1996. № 3.
13. *Собрание* законодательства РФ. 1998. № 31.
14. *Собрание* законодательства РФ. 1999. № 19.
15. *Суворова С.* Это странное слово «тендер» // Вестник благотворительности. 2002. № 3.
16. *Юрьева Т.В.* Экономика некоммерческих организаций: Учебное пособие. М.: Юрист, 2002.
17. *Юрьев С.Ю.* Правовое регулирование деятельности некоммерческих организаций в Российской Федерации. М., 1999.

Ю. Лундквист

(Экеере, Аландские острова, Финляндия)

МОЯ РОССИЯ

Судьба подарила мне путешествия, учебу и работу, встречи с замечательными людьми, красивыми местами, ситуации и впечатления, которые были и остаются частью русского наследия как в России, так и в других странах.

С января 2003 г. я управляю муниципальным образованием Экеере в самой западной части Финляндии, где еще остались «русские следы». Каждый день я прохожу по извилистой дороге русской истории, почти в буквальном смысле, потому что езжу по отрезку дороги, которая когда-то была частью Почтового тракта, ведущего из Стокгольма в Ниен, шведский город-крепость, который стоял на том месте, где сейчас расположен Санкт-Петербург, а позднее по этой дороге доставляли новости в этот великий город и из него.

Почта, курьеры и дипломаты, русские и шведские войска, фермеры, торговцы и путешественники, а также новости о войне и мечты о мире — все это помнят наши места. А во

времена викингов варяги, купцы и торговые люди плавали через Экеере и Аланды, отправляясь навстречу открытиям новых земель вдоль восточного побережья Балтийского моря, на котором сегодня находятся Эстония, Латвия, Финляндия и далее — по русским рекам в Киев и Константинополь.

В стихах русского поэта Иосифа Бродского говорится о том, что мы иногда входим в будущее через заднюю дверь.

Когда другие молодые студенты в Швеции активно интересовались западными европейскими странами для будущей учебы и работы, мой интерес всегда был твердо направлен в другую часть Европы — в Россию.

Семейные военные корни — антинацистские, антикоммунистические — направляли мой интерес к истории, языкам, географии России, потому что русские и шведы были в течение столетий соседями, а Финляндия была частью Швеции 500 лет. Я начал изучать основы русского языка в старших классах школы и впервые посетил Россию с моим учителем и одноклассниками в 1975 г.

Очень рано я начал работать с русскими эмигрантами в Швеции, помогал воссоединяться членам русских семей, тем, кому не разрешалось покидать Советский Союз. Этот запрет вызывал растущее неприятие всего коммунистического и советского; расценивался как вызов людям и Творцу. С глубоким чувством уважения и понимания я относился к русским людям, ставшим первыми жертвами тоталитарной идеологии, которая подавляла их естественные желания и ограничивала возможности.

Я работал в Международном Сахаровском комитете, участвовал в первых международных слушаниях в Риме в 1977 г., и в работе эстонского правительства в изгнании, и в национальном комитете Рауля Валленберга, шведского дипломата, спасшего тысячи еврейских жизней в Будапеште во время Второй мировой войны. Валленберга арестовали советские войска, отправили в Гулаг, откуда он не вернулся. Эта работа принесла новые знакомства с русскими людьми, чью смелость и бескомпромиссное отношение к тоталитаризму я буду всегда

ценить и восхищаться ими. Я очень хотел узнать что-нибудь новое из скрытых, секретных страниц российского прошлого и настоящего.

Моими проводниками на этом пути в Стокгольме были прежде всего Павел Веселов, интеллектуал и христианин, которого взяли в плен финские войска во время войны и который позднее организовывал гуманитарную поддержку для жертв коммунизма в России, и Ирина Элконин-Йоханссон, которая когда-то служила в военно-грузовом конвое, перевозившем грузы через озеро Ладога для осажденного героического города Ленинграда. Я всегда буду благодарен им обоим за то, что они стали моими первыми русскими учителями. По моему мнению, они и другие, кто отдал все борьбе за настоящую русскую душу, могут принести только славу своей родине.

Это было запоминающееся событие — мое возвращение в свободную Россию в 1999 г. в качестве приглашенного лектора на факультет международных отношений в Смольный институт Санкт-Петербурга. Я встретился с коллегой Вячеславом Морозом, который был главой Европейского документационного центра. Смольный с его историческим прошлым — не только штаб большевиков в 1917 г., где решались важные дела, касающиеся Балтийского региона, включая Финляндию и Швецию; здесь шведские и финские войска располагались во временных гарнизонах после войны 1809 г. В Санкт-Петербурге пленные шведские солдаты осушали землю и мостили улицы после наших грустных поражений под Полтавой и Переволотней. Все это для меня живая история.

Мой доклад был озаглавлен «From threat perception to Internet connection» — «От ощущения угрозы к соединению через Интернет». Мои первые русские слова, написанные мелом на русской доске в русском университете в начале моей лекции, были «Новый мир». Мы все прибыли в Новый мир.

С тех пор я как могу пытаюсь обучать и направлять студентов. Они — послы новой России.

В 2002 г. меня попросили написать что-нибудь о российских и так называемых западных отношениях для российского Министерства иностранных дел и государственного университета в Москве. Мой доклад по «Северному пространству» был опубликован под названием «New frontiers of Europe: opportunities and challenges» («Новые границы Европы — возможности и вызовы») в 2003 г. Я все еще придерживаюсь мнения, как говорилось в названии моего доклада, что это пока отсутствующее пространство. В качестве общего наблюдения на европейском или даже глобальном уровне я суммировал, что «мы больше говорим о русских, чем с русскими».

Многое связывает Швецию, Финляндию, Аланды и Россию. У нас общая тысячелетняя история. Мы общались в течение столетий, хотя много, слишком много раз говорили пушки и орудия. Мы должны принять и уважать наше прошлое, но мы живем в будущем.

Новые паромные линии, путешествия и туризм служат цели объединения людей. Балтийский регион, включая Россию, сейчас на пути к тому, чтобы стать одним из самых быстрорастущих и интегрированных районов.

Устаревшие визовые ограничения, которые все еще разделяют нас, как колючая проволока и минные поля, должны уступить место новым взаимоотношениям, в которых наши гордые нации избавятся от подозрений, угроз, тоталитаризма и войн. Это будущее, которое сделает всех нас лучше.

Раздел 3
ИСТОРИОГРАФИЯ. БИБЛИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

И.И. Жуковский
(Калининград, Россия)

***ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ ВЫШЕГРАДСКИХ СТРАН
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОПЫТ БИБЛИОГРАФИИ¹***

Формальное расширение ЕС — это вовсе не радикальное изменение, а всего лишь отправная точка ускорения процессов, происходящих с различной интенсивностью в течение всего последнего десятилетия².

*Вацлав Клаус,
Президент Чешской Республики*

Партология — чрезвычайно динамичная и амбициозная отрасль современной политической науки. Изучение партий и особенностей процесса изменения, развития партийных систем зарубежных стран (тем более с такой включенностью в пространство внешнеполитических и экономических интересов современного российского государства, как в Польше, Чехии, Словакии, Венгрии) представляется довольно полезным и перспективным занятием для российского исследователя.

¹ Подготовка материала стала возможной благодаря исследовательскому проекту International Visegrad Fund S-045-2004 “PARTY SYSTEMS OF THE VISEGRAD COUNTRIES AFTER EU-ACCESSION: COMPARATIVE ANALYSIS».

² Из выступления в Мюнхенском университете в июне 2004 г. (Россия в глобальной политике. 2004. №4).

Вышеградские страны в столь малый по историческим меркам срок прошли путь от сателлита СССР до полноправного члена ЕС и НАТО. Что же стимулирует интерес к изучению современного политического процесса в Чехии, Словакии, Венгрии и Польше?

Во-первых, это собственно *академический* интерес. Исследования специфики процессов становления партийных систем в странах региона Центральной и Восточной Европы стали одним из наиболее актуальных направлений в современной политической науке — как отечественной [139; 140; 143; 154; 161—164], так и зарубежной [4—6; 19; 20; 26; 28; 32; 39; 59—61; 66; 68; 71; 86; 91; 103; 107; 113; 121; 129]. Продолжается дискуссия о том, какими должны быть партийно-политическая система современного демократического государства, механизм выработки и принятия внешнеполитических решений; какое влияние на внешнюю политику должны (и должны ли?) оказывать политические партии. Наличие стабильно функционирующей партийной системы, в свою очередь, является непременным условием существования демократического государства.

Анализ сильных и слабых сторон практикуемой на современном этапе в странах, заявивших об окончании процесса посткоммунистической трансформации³, модели привлечения релевантных политических акторов к разработке и реализации внешней и внутренней политики будет представлять интерес не только для специалистов-международников, но и для исследователей российского парламентаризма. Особняком среди Вышеградских стран стоит Польша, которую с самого начала

³ К примеру, в подобном духе высказывались премьер-министр Литвы Альгирдас Бразаускас в телевизионном обращении к литовскому народу перед референдумом о присоединении к ЕС; Президент Чехии Вацлав Клаус в своих многочисленных выступлениях; Витольд Орловский — руководитель группы советников по экономическим вопросам Президента Польши на польско-российском форуме европейской политики, проходившем в МГИМО 28—29 мая 2004 г.

трансформационных процессов в регионе считали «законодателем политической моды» [75] и политические процессы в которой протекали быстрее и выразительнее. Это наблюдение подтверждается и тем, какие изменения и трансформации претерпели польские политические акторы после вступления в ЕС. Несомненно, это только начало многоаспектного процесса *адаптации* к политическому контексту Европейского союза.

Во-вторых, процесс изменения партийной системы Вышеградских стран после их вступления в ЕС является чрезвычайно любопытным проблемным полем для исследования вопросов формирования и развития партийных систем в регионе Центральной и Восточной Европы в целом. Определяющим фактором развития партийной системы до появления реальной перспективы участия в структурах ЕС являлось противостояние на линии «правых» — «левых» (посткоммунистов) сил, что позволяет поместить процесс формирования и модификации политического спектра в рамки общей для постсоциалистических стран логики *преодоления посткоммунистического характера партийной системы*.

В-третьих, в теоретическом плане важным представляется совершенствование методики комплексного анализа партийных систем в целом. Изучение исследований отечественных и зарубежных специалистов по партологии и современной политической истории Вышеградских стран позволяет утверждать, что в существующих на сегодняшний день работах (прежде всего в российских) недостаточно внимания уделено вопросам специфики формирования партийной системы, особенностям национального избирательного законодательства и парламентаризма вообще.

В-четвертых, исследование, посвященное партийной системе Вышеградских стран, имеет и весомое практическое значение, так как в постсоциалистических странах, ставших полноправными членами Европейского союза, процессы политической борьбы сопровождаются резкими общественными потрясениями, чрезмерной политизацией внешнеполитического поведения страны. В этих условиях практика анализа и про-

гнозирования протекающих внутривышеградских процессов в соседнем государстве имеет первостепенную значимость для развития научной базы формирования перспективной политики сотрудничества и взаимодействия как на международном, так и межрегиональном уровнях.

Библиография по теме:

1. *A modern guide to the European Parliament* / Martin Westlake. London: Pinter Publishers, 1994.
2. *Agh A. The Emerging Party System in ECE*. Budapest University of Economics, 1992.
3. *Agh A. Party Formation Process and the 1998 Elections in Hungary* // *East European Politics and Societies*. 2000. Vol. 14. Nr. 2.
4. *Antoszewski A., Herbut R., Jednaka W. Partie i system partyjny w Polsce. Pierwsza faza przejścia do demokracji*. Wrocław, 1993.
5. *Antoszewski A. Wzorce rywalizacji politycznej we współczesnych demokracjach europejskich*. Wrocław, 2004.
6. *Barnes Samuel. H. The Mobilization of Political Identity in New Democracies* / Barnes, Samuel, H. and Simon, Janos (eds) *The Post-communist Citizen*. Erasmus Foundation/ Budapest, 1998.
7. *Batory A. Attitudes to Europe: Ideology, Strategy and the Issue of European Union Membership in Hungarian Party Politics* // *Party Politics*. 2002. Vol. 8. Nr. 2.
8. *Berglund S., Hellen T., Aarebrot F.N. The Handbook of Political Change in Eastern Europe*. Cheltenham: Edward Elgar, 1998.
9. *Breindl J., Sebeobrana a Liga polských rodin — protestní strany v polském parlamentu* // *Středoevropské politické studie*. Č. 4. Ročník V, podzim 2003.
10. *Brodziński W. System konstytucyjny Węgier*. Warszawa, 2003.
11. *Buczowski J. Podstawowe zasady prawa wyborczego III Rzeczypospolitej*. Lublin, 1998.
12. *Bozoki A., Korosenyi A. (eds.). Post-Communist Transition: Emerging Pluralism in Hungary*. New York, 1992.
13. *Choice and representation in the European Union* / Roger Morgan, John Fitzmaurice, Hugh Dykes. — London: The Federal Trust for Education and Research, 2003. — (The Federal Trust series. Future of European Parliamentary Democracy).

14. *Chmaj M., Sokół W., Żmigrodzki M.* Teoria partii politycznych. Lublin, 1997.
15. *Chmaj M.* Sejm «kontraktowy» w transformacji systemu politycznego Rzeczypospolitej Polskiej. Lublin, 1996.
16. *Chruściak R.* Systemy wyborcze i wybory w Polsce 1989—1998. Warszawa, 1999.
17. *Ciągwa J.* Rada Narodowa Republiki Słowackiej. Warszawa, 1998.
18. *Dudek A.* Pierwsze lata III Rzeczypospolitej. Krakow, 2002.
19. *Derleth J.* The Transition in Central and Eastern European Politics. New Jersey: Prentice Hall, 2000.
20. *Demokracje Europy Środkowo-Wschodniej w perspektywie porównawczej.* Wrocław, 1998.
21. *Demokracja Polska 1989—2003.* Warszawa, 2003.
22. *Deszczyński P., Szczepaniak M.* Grupa Wyszegradzka. Współpraca polityczna i gospodarcza. Toruń, 1995.
23. *Europa Środkowo-Wschodnia.* Lublin, 2000.
24. *European Politics Today,* 2002.
25. *Evans, G., Whitefield.* Identifying the Bases of Party Competition in Eastern Europe // *British Journal of Political Studies.* 1993. № 23. P. 521—548.
26. *Fiala P., Herbut R.* (eds.): *Středoevropské systémy politických stran.* Brno: MPÚ, 2003.
27. *Fiala P.* Politycké strany a stranicko-politycké systémy v Československu // *Politologický časopis.* Roč. VIII. 2001. Č. 1. S. 30—39.
28. *Fiala P., Mareš M.,* Programmatika politických stran // *Politologický časopis.* Roč. V. 1998. Č. 1. S. 5—20.
29. *Fiala P., Pšēja P.* Vývoj organizační struktury českých politických stran po listopadu 1989 // *Politologický časopis.* Roč. V. 1998. Č. 4. S. 419—430.
30. *Fiala P., Strmiska M.* Teoria politických stran. Brno: Barrister & Principal, 1998.
31. *Fiala P., Strmiska M.* Spřízněny volbou? Křesťansko-demokratické a křesťansko-nacionální strany v postkomunistických pluralismech // *Politologický časopis.* Roč. VIII. 2001. Č. 3. S. 279—286.
32. *Fitzmaurice J.* Politicus and Government In the Visegrad Countries. Poland, Hungary, the Czech Republic and Slovak Republic. Macmillan Press, 1998.

33. *Gbúrová M.* K niektorým stranicko-polityckým aspektom novelizácie volebného zákona v Slovenskej republike v roku 1998 // *Politické vedy*. Roč. II. 1999. Č. 2. S. 5—18.
34. *Gebethner S.* Wybory do Sejmu i do Senatu. Warszawa, 2001.
35. *Gebethner S.* Parlamentarne i prezydenckie systemy rządów (porównawcza analiza politologiczna) // *Państwo i Prawo*. 1994. Nr. 7—8.
36. *Graham B. D.* Representation and Party Politics. Blackwell, 1993.
37. *Gross P.* Between Reality and Dream: Eastern European Media Transition, Transformation, Consolidation and Integration // *East European Politics and Societies*. 2004. Vol. 18. Nr. 1. P. 110—131.
38. *Góralczyk B.* Węgry. Transformacja pokomunistyczna. 1990—2003. Warszawa, 2003.
39. *Grzymala-Busse A.* Political Competention and the Politisation of the State in East Central Europe // *Comparative Political Studies*. 1999. Vol. 2.
40. *Hanley S.* From Neo-Liberalism to national Interests: Ideology, Strategy, and Party development in the Euroscepticism of the Czech Right // *East European Politics and Societies*. 2004. Vol. 18 Nr. 3. P. 513—549.
41. *Henderson K., Robinson N.*, Post-Communist Politics. An Introduction. London: Prentice Hall, 1997.
42. *Herbut R.* Kategoria systemu partyjnego // *Wstęp do teorii partii i systemów partyjnych*. Poznań: Terra, 2000.
43. *Hungary: The Politicus of Transition*. London: Frank Cass, 1995.
44. *Ishiyama John T.* Electoral System Experimentation in the New Eastern Europe: The Single Transferable Vote and the Additional Member System in Estonia and Hungary // *East European Quarterly*, January, 1996. P. 487—507.
45. *Ishiyama John T.* the Communist Successor Parties and Party Organization Development in Post-Communist Politics // *Political Research Quartely*. 1999. Vol. 52. No.1. S. 87—112.
46. *Jarentowski M.*, Wielkość okręgów wyborczych i formuła wyborcza a proporcjonalność wyborów // *Państwo i prawo*. 2002. Z. 7. S. 38—50.
47. *Jednaka W.* Proces kształtowania się systemu partyjnego w Polsce po 1989 roku. Wrocław, 1995.
48. *Katz R.* A Theory of Parties and Electoral Systems. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1980.
49. *Klementewicz T.* Polityka i jej poznawanie // *Homo Politicus*. Wstęp do nauki o polityce. Warszawa, 1993.
50. *Klíma K.* Volební reform v České republice v letech 1998—2000 // *Politologický časopis*. 2000. Nr. 3.

51. *Knyżewski K.* Partie i system partyjny w Polsce w okresie transformacji ustrojowej. Warszawa, 1998.
52. *Konstytucja* Republiki Czeskiej z 16 grudnia 1992 roku. Warszawa, 1994.
53. *Konstytucja* Republiki Słowackiej z 1 września 1992 roku. Warszawa, 1993.
54. *Konstytucja* Republiki Węgierskiej. Warszawa, 1992.
55. *Konstytucja* Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1997.
56. *Kofman J., Roszkowski W.* Transformacja i postkomunizm. Warszawa, 1999.
57. *Kopecky P.* Developing Party Organisations in East Central Europe // Party Politics. 1995. № 1 (4). P. 515—534.
58. *Kopeček L.* Od Mečiara k Dzurindovi- Slovenská politika a politický system v prvém desetiletí samostatnosti, MPÚ/ Brno, 2003.
59. *Kostelecký T.* Political Parties After Communism. Developments in East-Central Europe. Washington, D.C. Woodrow Wilson Center Press, 2002.
60. *Kitschelt H.* The Formation of Party Systems in East Central Europe // Politics and Society. 1992. № 20 (1). P. 7—50.
61. *Kitschelt Herbert, Mansfeldova Zdenka Markowski Radoslaw and Toka Gabor.* Post-Communist Party Systems: Competition, Representation and Inter-Party Cooperation. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
62. *Krivý V.* Čo prezrádzajú volebné výsledky? Parlamentarne volby 1992—1998. Bratislava: Institute for Public Issues, 1999.
63. *Krivý V., Feglová V., Balko D.,* Slovensko a jeho regiony. Socio-kultúrne súvislosti volebného spravania. Bratislava: Nadácia Media, 1996.
64. *Kubin L., Velšic M.* Slovensko a jeho volebná pravidlá. Bratislava: Veda, 1998.
65. *Kubát M.* Politický režim a konsolidace demokracie v postkomunistické Evropě a postsovětském prostoru // Politologický časopis. 2000. Nr. 2.
66. *Lewis P.* (ed.), Party Structure and Organisation in East Central Europe. Cheltenham, Edward Elgar, 1996.
67. *Lewis P.* Political Institutionalization and Party Development in Post-communist Poland // Europe-Asia Studies. 1994. Vol. 45. No. 5.
68. *Lewis P.* Political Parties in Post-Communist Europe, London: Routledge, 2000.
69. *Lewis P.* The «Third Wave» of Democracy in Eastern Europe: Comparative perspective on Party Roles and Political Development // Party Politics. 2001. Vol. 7. Nr. 5.

70. *Lijphart A.* Electoral Systems and Party Systems. Oxford University Press, 1994.
71. *Lijphart A.* Democratisation and Constitutional Choice in Czechoslovakia, Hungary and Poland 1989—91 // *Journal of Theoretical Politics*. 1992. P. 207—223.
72. *Lubecki J.* Echos of Latifundism? Electoral Constituencies of Successor Parties in Post-Communist Countries // *East European Politics and Societies*. Vol. 18. Nr. 1. 2003. P. 10—44.
73. *Madera A.* Na drodze do niepodległości. Słowacki system polityczny w okresie transformacji. Rzeszów, 2001.
74. *Mair Peter,* Party System Change: Approaches and Interpretations. Oxford: Clarendon Press, 1997.
75. *Markowski Radoslaw.* Political Parties and Ideological Spaces in East Central Europe // *Communist and Post-Communist Studies*. 1997. Vol. 30. No. 3.
76. *Markowski Radoslaw.* Polski system partyjny po wyborach 1997: instytucjonalizacja czy wichrowatość // *Studia Polityczne*. 1999. No. 9.
77. *Markus G.* Parties, Camps and Cleavages in Postcommunist Hungary // *Social Democracy bin Postcommunist Europe*. London: Frank Cass, 1994.
78. *Mayer L.C.* A Note on the Aggregation of Party Systems // *Merkel P.* Western European Party Systems/ New York, 1980.
79. *McDonald M., Mendes S., Budge J.* What Are Elections For? Conferring the median Mandate // *British Journal of Political Science*. 2004. Vol. 34.
80. *McMenamin I.* Parties, Promiscuity and Polarization: Business-political Networks in Poland // *European Journal of Political Research*. 2004. Vol. 43. P. 657—676.
81. *Minkenberk M.* The Radical Right in Postsocialist Central and Eastern Europe: Comparative Observations and Interpretations // *East European Politics and Societies*. 2002. Vol. 16. Nr. 2.
82. *Науменко О.* Проблеми трансформації партійних систем в пострадянських країнах: партії та партійні системи. 2000 (рукопись статьи).
83. *Nalewajko E.* Protopartie i protosystem? Szkic do obrazu polskiej wielopartyjności. Warszawa, 1997.
84. *Novák M.* Volby do Poslanecké Sněmovny, Vládní Nestabilita a Perspektivy Demokracie v ČR // *Sociologický Časopis* 32 (4), 2002. S. 407—422.

85. *Novák M.* Relevance malých stran v demokracii // *Politologická revue*. 1999. Roč. V. Č. 2. S. 44—70.
86. *Olson D.M., Norton Ph.* The New Parliaments of Central and Eastern Europe. London and Portland, 1997.
87. *Ondruhcová M.* Organizácia politických stran a hnutí na Slovensku. Bratislava: IVO, 2000.
88. *Ostrogorski, M.* Democracy and the Organization of Political Parties. Haskell House, 1964.
89. *Ostrowski, K.* Political Party Formation in Central Europe, 1989—93 // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1995. Vol. 540.
90. *Partie i Systemy Partyjne*. Zakamycze, 1999.
91. *Partie i Systemy Partyjne Europy Środkowej*. Wrocław, 2003.
92. *Panbianco A.* Political Parties. Cambridge University Press, 1988.
93. *Petroff W.* Systemy wyborcze do parlamentów państw postkomunistycznych w l. 1990—1999 // *Studia Polityczne*. Warszawa, 2002. Nr. 13.
94. *Political Parties of Eastern Europe, Russia and the Successor States*. Longman Group Ltd, 1994.
95. *Polityka zagraniczna RP 1989—2002*. Warszawa, 2002.
96. *Politycké strany ve střední a východní Evropě*. Brno, 2002.
97. *Raciborski J.* Polskie wybory. Zachowania wyborcze społeczeństwa polskiego 1989- 1995. Warszawa: Scholar, 1999.
98. *Raik K.* EU Accession of Central and Eastern European Countries: Democracy and Integration as Conflicting Logics // *East European Politics and Societies*. 2004. Vol. 18. Nr. 4. P. 567—594.
99. *Rappoport A.* Różne znaczenia «racjonalnych decyzji politycznych». Warszawa, 1986.
100. *Rose, Richard & Haerpfer, Christian*, Change and Stability in the New Democracies Barometer: A Trend Analysis // *Studies in Public Policy*. 1996. No. 270.
101. *Roszkowski W.* transformacja systemowa — Polska na tle porównawczym // *Studia polityczne*. 2001. Nr. 12.
102. *Relevantní politické strany v Polsku*. Polské parlamentní strany po volbách 2001 // *Středoevropské politické studie*. Č. 1. Ročník VI. Zima 2004.
103. *Rudí a růžoví: transformace komunistických stran*. Brno, 2002.
104. *Sartori G.* Parties and Party Systems. Cambridge, 1976.
105. *Společество i polityka*. Warszawa, 2003.
106. *Shugart M.S., John M. Carey.* Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge, 1992.

107. *Sobolewska-Myślik K.* Partie i systemy partyjne w Europie Środkowo-Wschodniej. Kraków; Wydawnictwo UJ, 1999.
108. *Sobolewska-Myślik K.* Partie i systemy partyjne na świecie. Warszawa, 2004.
109. *Sokolewicz W.* Nowa rola konstytucji w postsocjalistycznych państwach Europy // Państwo i Prawo. 2000. Nr. 10.
110. *Staniszki J.* Postkommunizm. Próba opisu. Gdańsk, 2001.
111. *Strmiska M.* Póly, polarita a utváření středo- a východoevropských multipartismů // Politologický časopis, roč. V. 1998. Č. 4.
112. *System partyjny i zachowania wyborcze. Dekada polskich doświadczeń.* Warszawa, 2002.
113. *Systemy polityczne państw Europy Środkowej i Wschodniej.* Katowice, 2004.
114. *Szomolányi S.* Does Slovakia Deviate from the Central European Variant of Transition? // Slovakia Parliamentary Elections 1994. Bratislava: Slovak Political Science Association. 1995.
115. *Szczepaniak M.* (red.) Państwa wyszeградzkie. Systemy polityczne, gospodarka, współpraca. Poznań, 1996.
116. *Taggart P., Szczerbiak A.* Contemporary Euroscepticism in the Party Systems of the European Union Candidate States of Central and Eastern Europe // European Journal of Political Research. 2004. Vol. 43. P. 1—27.
117. *The New Democracies in Eastern Europe: Party Systems and Political Cleavages.* Aldershot, 1994.
118. *The Visegrad Yearbook.* 2003.
119. *Toka G.* Being represented — being satisfied? Political Support in East-Central Europe // Citizens and the State. Oxford, 1995.
120. *Toka G.* Political Parties and Democratic Consolidation in East Central Europe // Studies in Public Policy. 1997. No. 279.
121. *Transformacja systemowa państw Europy Wschodniej, Środkowej i Południowej.* Pułtusk, 2003.
122. *Transition and Consolidation in East Central Europe.* Budapest, 17—20 June 1999.
123. *Ustawa z 28 czerwca 1991 r. Ordynacja wyborcza do Sejmu RP (Dziennik Ustaw RP z 1991 r. Nr 59. Poz. 252).*
124. *Ustawa z 23 maja 1993 r. Ordynacja wyborcza do Sejmu (Dziennik Ustaw RP z 1993 r. Nr 45. Poz. 205).*
125. *Ustawa z 12 kwietnia 2001 r. Ordynacja wyborcza do Sejmu RP i do Senatu RP (Dziennik Ustaw RP z 2001 r., Nr46, poz. 499).*
126. *Ware A.* Political Parties and Party Systems. Oxford, 1995.

127. *Wartości i postawy Polaków a zmiany systemowe. Szkice z psychologii politycznej.* Warszawa, 1993.
128. *Wightman G. (ed.) Party Formation In East-Central Europe. Post-Communist Politicus In Czechoslovakia, Hungary, Poland and Bulgaria.* University of Liverpool, 1995.
129. *Wojnicki J. Kształtowanie systemów wielopartyjnych Europy Środkowowschodniej 1989—2004.* Pułtusk, 2004.
130. *Współczesne partie i systemy partyjne.* Lublin, 2003.
131. *Wybory do Parlamentu Europejskiego. Zasady i wyniki głosowania / Elżbieta Dudak.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2003.
132. *Wybory do Parlamentu Europejskiego / Urząd Komitetu Integracji Europejskiej.* Warszawa, 2004.
133. *Wybory 1991. Programy partii i ugrupowań politycznych.* Warszawa, 2001.
134. *Wybory 1993. Partie i ich programy.* Warszawa, 2001.
135. *Zawadzka B. Zmiany systemu politycznego w ustawodawstwie państw Europy Środkowej i Wschodniej, 1989—1991.* Warszawa, 1992.
136. *Бальцеревич Л. Социализм. Капитализм. Трансформация: Очерки на рубеже эпох.* М., 1999.
137. *Большой энциклопедический словарь.* М., 1999.
138. *Видоевич З., Голенкова З.Т. Социальные конфликты в трансформирующихся обществах // Социологические исследования.* 1997. № 12.
139. *Выборы в посткоммунистических обществах: Пробл.-тем. сборник ИНИОН РАН / Отв. ред. и сост. Е.Ю. Мелешкина.* М., 2000.
140. *Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы.* М., 1999.
141. *Голосов Г.В. Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации // Полис.* 1998. № 1.
142. *Давыдов Ю. П. Возникновение региона ЦВЕ: последствия для России и Запада // Внешняя политика и безопасность современной России 1991—2002: Хрестоматия.* М., 2002. Т. 3. С. 117—131.
143. *Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе.* М., 2003.
144. *Дюверже М. Политические партии.* М., 2002.
145. *Жуковский И.И. Европейский парламент как индикатор процесса европейской интеграции (к итогам выборов 2004 года) // Регион сотрудничества.* Вып. 2 (27). Калининград, 2004.

146. Жуковский И.И. Европейский парламент: особенности электорального процесса и выборы 2004 года // Европейский Союз — Россия — Калининград (вопросы европейской интеграции в публикациях институтов ЕС и оценках российских и зарубежных экспертов). Калининград, 2004. Вып. 2.

147. Жуковский И.И., Анухтин Ю.С. Социал-демократическая идея в партийной системе Новой Польши // Восточная Европа: феномен Балтии / Редкол.: К.С. Пигров, Л.Д. Бондарь, Т.И. Масловская. СПб., 2004.

148. Жуковский И.И. Партийные системы Вышеградских стран и европейская интеграция. Калининград, 2005.

149. Жуковский И.И. Внешнеполитический фактор развития партийной системы Польши (на примере отношений с Россией) // Регион сотрудничества. Вып. 11 (36). Калининград, 2004.

150. Задорожнюк Э. Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000.

151. Ишияма Дж. Партии-преемницы коммунистических и организационное развитие партий в посткоммунистической политике // Полис. 1999. № 4.

152. Категории политической науки. М., 2002.

153. Клаус В. Исторический смысл расширения Евросоюза // Россия в глобальной политике. 2004. № 4.

154. Левый поворот и левые партии в странах Центральной и Восточной Европы. М., 1998.

155. Левяш И.Я. Средняя Европа: структура и геополитический выбор // Полис. 1995. № 1.

156. Лыкошина Л.С. Левые силы в Польше // Партии и движения Западной и Восточной Европы: теория и практика. М., 1997.

157. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1—2.

158. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999.

159. Новопашин Ю.С. Новая региональная идентичность центральноевропейских стран как научная проблема // Славяноведение. 1999. № 3. С.15—29.

160. Песков Д.Н. Научные сообщества и политическая система: новые пространства организации // Вестник РАМИ. 2003. № 1. С. 30—34.

161. Политическая трансформация стран Центральной и Восточной Европы. М., 1997.

162. Политические партии и движения Восточной Европы. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1993.

163. *Политические элиты в Центральной и Восточной Европе* / ИНИОН РАН. М., 1998.
164. *Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов*. М., 1997.
165. *Селезнев В.Б.* Политические системы современности: сравнительный анализ. М.: Академия, 1999.
166. *Шмачкова Т.* Мир политических партий // *Полис*. 1992. № 1—2.
167. *Яжборовская И.* Общественные сдвиги и посткоммунистические партии в Центральной и Восточной Европе // *Форум. Политическая культура и общественные сдвиги*. М., 1996.
168. *Яжборовская И.* Центрально-Восточная Европа: поворот влево? // *Свободная мысль*. 1996. № 8.

М. Жаковска
(Лодзь, Польша)

**РОССИЯ И РОССИЯНЕ В ПОЛЬСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
ПОСЛЕ 1989 г.¹***

«В нашем сознании Россия в течение последней декады предстает в образе своеобразной черной дыры. Из пространства темного тумана выплывают какие-то факты реальности, какие-то образы — может, и на самом деле важные, а может, и выдвинутые на передний план во имя чьих-то политических интересов; появляются мифологизированные образы всевластной мафии, вроде бы занимающейся продажей бриллиантов на тонны или нефти на сот-

¹ Полная библиография, составленная Магдой Жаковской, будет опубликована в специальном выпуске «Балтийских исследований», посвященном историографии и библиографии (прим. редактора).

Данная работа является частью исследовательского проекта, финансируемого Польским исследовательским комитетом (Komitetu Badań Naukowych, № 5 Н02Е 051 21 «*Wzajemne uprzedzenia pomiędzy Polakami i Rosjanami*»). Результаты всего проекта, осуществляемого группой исследователей в Польском институте международных проблем, будут опубликованы в электронной форме на компакт-диске, прилагаемом к книге «*Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*».

ни цистерн, но опознанные при покупке билета не автобус дальнего маршрута... Был непостижимый Ельцин, есть скользкий Путин, есть еще более богатая, чем когда-либо, космополитичная Москва, есть преступления в Чечне. Где-то под столом верещит Жириновский, на заднем плане выделяется (к сожалению) антиэкуменистическими бреднями патриарх Алексий II... Но где же это все на самом деле происходит, в какой стране? И происходит ли? — Где находится эта страна, что в прошлом была для нас чем-то, но сейчас предстает хаосом?»[11]

О России в польской прессе после 1989 г. пишут много и, как правило, критично — журналисты перестали иметь право выражать единственно правильную точку зрения. С чем у поляков ассоциируется Россия? — С мафией (пост)коммунизмом, с «русскими» торговцами и проститутками, выстраивающимися на польских дорогах, с проигравшей и все еще ненавистной империей, с авторитарной, пронизанной коррупцией властью, со сказочными богатствами олигархов, с нищетой, отсутствием перспектив и отупением пьяных людей, с синдромом *homo sovieticus*... Особенной «симпатией» одариваем мы восточного соседа. Польские СМИ этот образ укрепляют и распространяют.

Пресса правой ориентации²

Мнение о России в польской правой прессе я опишу на основе пяти изданий, самоидентифицирующих себя как «нацио-

² Образ России и россиян в польской прессе описан на основе «идеологического критерия», хоть автор и отдает себе отчет в условности такого подхода. Границы между прессой «правой», «левой» и «либеральной» довольно часто весьма размыты, кроме того, сами авторы не всегда представляют конкретную политическую партию. Примером беспартийного автора, публикующего материалы в прессе разного политического оттенка, является исключительный знаток российской тематики — «либерал» Анджей Валицки, сотрудничающий как с либеральной «Республикой» и «Политикой», так и с правой «Арканой» или левым «Обзором».

нальные», «национально-католические», «католические» или «консервативно-либеральные»: «Наш Ежедневник» — издание связано с радио «Мария»; «Польская мысль» — еженедельник «национально-демократический»; «Наша Польша» — еженедельник, позиционирующий себя как независимое издание, поддерживающее правые ценности, «Голос» — еженедельник национально-католического толка, а также «Самое время» — еженедельник либерально-консервативный [41, s. 309]. Особого внимания заслуживает представляющий очень высокий качественный уровень, издаваемый раз в два месяца журнал «Аркана», редактором которого является Анджей Новак.

Власть насилия и страха; В годовщину нападения; Советы — Империя зла; Кошерная Россия; Шпионит ли Россия в Польше?; К власти — по трупам; Я — с Чечней... — даже чтение этих фраз, какими озаглавлены тексты о России, убеждают, что пресса правой ориентации относится к России и россиянам негативно. Исключение в этом ряду составляет «Польская мысль», иногда — «Наш ежедневник». Палитра связанных с Россией и россиянами стереотипов довольно богата. Россия — это подчиненная евреями, разграбленная, авторитарная и варварская империя зла, являющаяся верным продолжателем имперских и авторитарных традиций царской России и СССР; банкрот, неспособный к жизни в условиях демократии и навсегда разваленный экономически гигант, в котором властвует страх и террор. Для усиления ощущения жестокости, с которой могучая Россия относится к непокорным, прекрасно годятся тексты, посвященные войне в Чечне, а также описывающие деятельность спецслужб, рассылающих и вербующих шпионов по всему миру, а особенно в Польше. Шпиономания, по мнению правых публицистов, является естественным следствием того факта, что Россией «правят люди КГБ» [28]. Кроме того, «невзирая на то, каково правительство этой страны... Россия всегда будет последовательно империалистична», а наиважнейшим во веки веков заданием российской внешней политики является подчинение себе Центральной и Восточной Европы [49] и установление «гусени-

цами танков «своей «цивилизации». Ощущение угрозы со стороны России усиливает, по мнению многих публицистов данной опции, тот факт, что Россия все еще является мировой державой, с которой продолжают считаться на мировой арене. Державой, которая продолжает завоевывать сторонников на Западе, проникающей в доверие к США и НАТО, умеющей замыливать глаза западному общественному мнению, в том числе и путем подмены грабительской войны в Чечне идеей борьбы с терроризмом [41, s. 314—315].

И во внутренней политике Россия предпочитает правление «сильной руки», при явной апробате граждан, которым импонируют сильные лидеры, даже если это психопаты, тираны и убийцы [41, s. 314—315]. Томаш Петр Терликовски писал на страницах «Нового государства»: «Россия со времен Ивана Грозного держалась на полном самовластии царя. И это не изменила ни революция, ни эпоха Сталина, ни даже перестройка. “Русскость” является сильнее временных форм власти, а монархизм и империализм являются ее выразительными неотъемлемыми чертами» [42, с. 15].

Гораздо более взвешенную оценку и анализ *искушения российской геополитики* представляет на страницах издаваемого раз в два месяца журнала «Аркана» Анджей Новак, равно как и другие авторы (в том числе и Влодзимеж Марчиняк). Новак предупреждает об амбициях российского империализма — как в его «евразийской» версии, склоняющейся к конфронтации с Западом, так и в версии «атлантической», принимающей идею реставрации могущества России в сотрудничестве и партнерстве с западной цивилизацией. Сожалеет автор над «геополитическим бременем», повсеместно отягощающим мышление российских элит, выражая одновременно надежду, что когда-нибудь они освободятся от власти «пространства над их мышлением» [30, s. 89].

«Представители либеральных политических элит России, — пишет Новак, — отвечают обычно на вопросы про Дугина, Жириновского или Лимонова пожатием плечей — “это маргинальное явление, не имеющее никакого значения, это отдель-

ные представители обычного политического эпатажа”. И, конечно же, они правы. Но не до конца. Среди реальных творцов политики Российской Федерации, конечно же, нет значительного влияния идей “консервативной революции”, которую продвигает Дугин, нет последователей его ”Метафизики *Благой Вестий*”, российским МИД не правят выдуманные Александром Гелевичем “рыцари пролетариата”. И не все с нетерпением ожидают конфронтации с Америкой ... но все же есть территория, на которой Дугин встречается с одобрением по крайней мере некоторой, если не основной частью интеллектуального центра реальной российской политики. И эта территория для нас наиболее интересна: Восточная Европа, Центральная и Восточная Европа, Европа вообще ... Было бы хорошо, если бы “либерал” и “державник” были в России двумя разными людьми — по крайней мере, пока слово “держава” обозначает в русском языке неизбежность доминирования над другими народами. А геополитика — без разницы, “атлантическая” или “евразийская” — останется властью пустоты над человеком ... не благодаря географии, не благодаря геополитике, Россия является частью Европы, но благодаря таким авторам, как Бродский, как его вдохновительница Ахматова, как Мандельштам, как их учитель Пушкин» [30, s. 89].

Яцек Клочковский уже исходя из практического польского опыта предупреждает: «На самом деле нельзя говорить о зависимости от Москвы, но о существовании некоторых связей знают все, поэтому существует опасение, что со временем влияние таких связей на польскую политику и экономику станет настолько важным, что Россия станет на позицию страны, диктующей условия, к которым Польша должна будет приспосабливаться» [19, s. 49].

Только «Польская Мысль», имеющая традиции национальной демократии, признает справедливым российский империализм, потому что только благодаря революционному по своему характеру правлению царя Петра I или Владимира Путина Россия открыла себе дорогу на Запад и приобрела свою мощь. Более того, этот журнал оправдывает все шаги, которые

Россия предпринимает в защиту своего империализма, как это имеет место в случае борьбы с «терроризмом» и «фанатичными исламистами» в Чечне [41, s. 314—315]. Принятие идеи имперской России приводит некоторых авторов даже к одобрению геополитической концепции Александра Дугина о создании опирающейся на Россию Евроазиатской империи, которая должна воплощать в себе постоянство, вневременной характер и традицию как противовес для подвижной и изменяющейся американской цивилизации Моря, старающейся навязать миру «свою точку зрения, а именно — глобализм, картезианскую философию и индивидуализированный, просвещенческий стиль жизни, капитализм, материализм и доминирование экономического начала, иерархию, опирающуюся на силу тела, а не духа, конформизм и интеллектуальную стагнацию» [41, s. 317].

Даже национал-демократическая пресса признается, однако, что до дугиновского идеала России еще далеко, и часто приводит образ России как страны, охваченной бедностью, бесперспективностью, преступностью, алкоголизмом, болезнями, безработицей [41, s. 315—316] и общим упадком во всех сферах жизни, спровоцированным прежде всего грабительской приватизацией, влюбленностью правящего класса в Запад, а также, что необычайно важно, моральной деградацией общества и духовной пустотой, возникшей вследствие отречения от православных корней [41, s. 315—316].

А может, во всем виноваты евреи? Неотъемлемым элементом политического и экономического образа России, представляемого польской правой прессой, является образ еврея-коммуниста и еврея-банкира, а также всемогущественного еврейского лобби, находящегося на высших государственных постах, контролирующего всю российскую экономику и втягивающего Россию в глобальный еврейский заговор. И «ничего не говорит о том, что Россия могла бы стать хоть капельку менее кошерна» [41, s. 312—313].

Очередной образ России — это образ максимально «своей», России простецкой, сермяжной, лишенной шарма; стра-

ны, чье население живет в состоянии моральной и психической деградации, не соблюдает закона, не уважает ни себя, ни других, не понимает элементарных принципов честности; страна людей, которые не привыкли говорить слово «пожалуйста», передвигающихся по дорогам без правил, буянящих в состоянии тяжелого алкогольного опьянения, занимающихся какими-то «темными делишками», нередко переступающих границу права [41, s. 316—317].

Суммируя, отметим: образ России и россиянина в польской правой прессе имеет мощный эмоциональный элемент, этот образ не всегда однозначен; как правило, он несет в себе черты традиционного страха и ненависти по отношению к восточной империи, иногда, впрочем, вызывающий по отношению к себе известную заинтересованность.

Либеральная пресса

Описывая образ России и россиянина, созданный в польской либеральной прессе, я остановлюсь подробнее на образе, сформированном ежедневными газетами — «Газета Выборча» и «Республика», а также еженедельниками «Политика», «Впрост», «Ньюсвик» и «Пшекруй». Эти издания довольно часто затрагивают российскую тематику, описывая широкий спектр политических, общественных и культурных событий. Часто представляют противоречивые (как и пристало либералам) взгляды.

Россия в их перспективе — это держава, погруженная в кризис, продолжающая сражаться с имперскими искушениями, увязшая в ненужных войнах, тоскующая по авторитаризму; держава, которой угрожает национализм и ксенофобия, но у которой в то же время присутствует огромный интеллектуальный, культурный и экономический потенциал, а также солидные возможности развития. Россия ищет свою новую идентичность, встает на трудную дорогу формирования гражданского самосознания и преодоления синдрома *homo sovieticus*: «Паралич исполнительной власти, война законов,

неисполнение законов, анархия, тихая контрреволюция. В таком состоянии пребывает огромная страна с гигантским интеллектуальным потенциалом, с привязанностью и любовью к земле, обладающая огромными ресурсами, с таким размахом; все посыпалось, испортилось — и все ломается. Рвется тончайшая материя общества, расплзаются республики, разваливается армия, внутри республик нарастает напряжение. Кое-как держится еще сама Россия, и это кажется чудом. Как будто бы добрый Бог дал России еще немного времени, чтобы она сама с собой справилась. Но сколько этого времени дано?» [9, s. 10—11]. Россия перестает функционировать как государство, власть игнорирует общество, не реагирует на кризисы, затрагивающие российское общество, и эту власть общество игнорирует — такой образ падающей империи создавался на страницах «Газеты Выборчей» в 1990 г., и в некоторой мере остается таким же до сегодняшнего дня. Грустный образ, хоть и показанный с сочувствием.

С меньшей симпатией и большим опасением польская либеральная пресса припоминает имперские амбиции России. По утверждению польских экспертов в 1998 г. на страницах «Речи Посполитой»: «В современной ситуации наша восточная политика должна стремиться не использовать слабости России, а помогать ей, прежде всего путем укрепления союза Польши с Литвой и Украиной. Только это может привести к тому, чтобы остающиеся силы направить не на экспансию, но на внутреннее развитие. Российская империя перестанет стремиться к имперской экспансии лишь тогда, когда будет национальным русским государством. В Польше никто не хочет ничего отобрать у России, кроме ее имперских амбиций и стремления к новой экспансии» [2].

Негативно были восприняты в Польше российские идеи создания транзитного «коридора» в Калининградскую область через территорию Польши или Литвы. Негативно были восприняты и условия, на которых Польша покупала российский газ, — вследствие опасений перед ограничением польской су-

верности и восприятием Польши Россией как страны «ближнего зарубежья» [47].

Однако появляются и мнения, что все еще существует надежда на то, что Россия откажется от имперских стремлений во имя более тесного сотрудничества с Западом. Анджей Веловейски на страницах «Газеты Выборчей» утверждает: «Россия сегодня — это страна, открытая миру, ориентирована на европейский стиль жизни и становится все более привлекательной для все больших слоев общества. Недавние опросы общественного мнения показали, что подавляющее большинство россиян смотрит на ЕС с пониманием и дружелюбием. Это правда, что половина опрошенных настроена довольно скептически по отношению к перспективам дальнейшего сближения с Западом, но только 14 % является решительными противниками того, что Россия должна совершить выбор — будет она стремиться к более тесному сотрудничеству с Европой либо к интеграции в СНГ и укреплению своего лидерства в этом объединении. Можно пытаться совмещать эти два намерения, лавировать между ними, но на более длительную перспективу сотрудничество с Западом и евразийский империализм являются взаимоисключающими» [44, s. 18—19].

Поляки опасаются авторитарных тенденций в России. Знаковой фигурой антидемократических изменений как будто бы является президент Путин. С одной стороны, его описывают как политика прагматичного, человека «сильной руки, какого в России давно не было», а «именно по такому политику давно тоскует российская душа»; стиль его правления способствовал консолидации политических элит и общества России; с другой стороны, президент поддерживает активную державную политику, он кандидат в просвещенные деспоты; или в наиболее радикальной версии, продвигаемой Катаржиной Курчаб-Редлих, «сегодняшний Сталин» или даже «фашист», верящий в кнут, эффективно давящий свободу слова и даже свободу мышления; скорее всего, именно он несет ответственность за взорванные дома в Москве и других российских городах, и это

было сделано для пробуждения в российском обществе ненависти по отношению к чеченцам.

Анджей Ломановский перед президентскими выборами в России в 2004 г. утверждал на страницах «Обзора»: «В марте россияне снова выберут Путина, потому что сегодня они больше желают стабилизации, чем демократии. Кроме того, часть конкурентов в душе поддерживает нынешнего президента. Демократы все время говорят о безнаказанности специальных служб, о войне в Чечне, коррупции среди чиновников и незаконии, царящем в стране. О необходимости продолжения демократических реформ. И поэтому проиграют. Россияне уже устали от реформ, продолжающихся без перерыва с 1986 г., и не желают больших изменений, только стабилизации. А такую стабилизацию обеспечивает действующий президент. Президент говорит избирателям о “возвращении нашей Родины величия и должного места в мире” и “наведении порядка” внутри России» [26].

На Путина и его политику либеральная пресса смотрит прежде всего через призму чеченской войны, понимаемой как конфликт, в котором права только одна сторона, и через призму оппозиции, которая заслуживает симпатии поляков. Негативно оценивается путинская административная реформа, усиливающая приоритет федерального правительства за счет региональных администраций. Такое положение вещей воспринимается как симптом грядущего авторитаризма, но позитивно оцениваются олигархи, остающиеся в конфликте с Путиным, как последние защитники демократии в этой стране.

Как обратил внимание Анджей Валицки, многие польские публицисты видят в стремлении Путина вернуть полный контроль за политикой и экономикой страны продолжение имперских амбиций СССР и угрозу стабильному и мирному порядку в международных отношениях [46]. Валицки приводит слова Бронислава Геремка о том, что в Европе Польша всегда воспринимается как «страна питающая особую русофобию» [47].

С другой стороны, в СМИ появляются мнения о том, что восприятие России через призму западной демократии не яв-

ляется справедливым: «Может быть, в недалеком будущем при оценке ситуации в России мы окажемся перед дилеммой: какая Россия нужна миру и самим россиянам — управляемая авторитарно, но стабильно, усиливающаяся, развивающаяся экономически, предсказуемая или погрязшая во внутренних конфликтах, в преступности, распадающаяся, плохо управляемая, но демократическая?» [36]. Появляются и точки зрения, согласно которым Россия не совсем уж антидемократичная. Как полагает Анна Жебровска на страницах «Газеты Выборчей», «процесс демократизации является неотвратимым. Хрущевская “оттепель” была очень несмелой, перестройка охватила более широкие общественные круги. Третья “оттепель” будет еще сильнее. Между этими периодами “оттепели” — периоды заморозков, теперь как раз идет охлаждение, что связано с медленным темпом реализации реформ и личностью самого президента-чекиста. Все, что можно было сделать в течение 5—6 лет, растянется на 15—20. Но это не изменит факта, что тяжелые периоды уже прошли и повторение сталинизма нам уже не грозит» [49, s. 17].

Очередным образом России, с которым в польской прессе частенько приходится встречаться, является Россия, охваченная националистическими настроениями и ксенофобией. Описывая ситуацию в России, особенно периода перед и сразу после распада СССР, публицисты часто показывали выросших на развалинах империи, терзающих «российскую душу» националистических, антисемитских и коммунистических демонов; особое очарование теориями «антироссийского заговора» и общее объединение мира против россиян. [7]. На страницах «Газеты Выборчей» поднималась тревога в связи с уникальностью российского антисемитизма и шовинизма, поскольку они сопровождаются «довольно сильной поддержкой в творческих и интеллектуальных кругах» [8]; также высказывались опасения перед деятельностью разномастных националистов, сторонников власти сильной руки, милитаристов, евразийцев и иных сторонников возрождения империи.

Другой образ России — страны с большим потенциалом и огромными возможностями для развития, страны контрастов, в которой традиция соседствует с современностью, которая развивается и интригует. Страна прекрасных женщин и эксцентричных миллионеров, известных всей Европе художников, аристократов, возвращающихся к славе и тоскующих по величию царской России, страна колоритная, богатая, с интересной культурой, страна, возвращающаяся к давним, предреволюционным традициям, старающаяся уйти от коммунистического прошлого³.

Много места посвящают польские публицисты описанию динамики перемен в российской экономике, особо отмечая польско-российские торговые контакты, описывая Россию как желанного, но капризного партнера. Многие публицисты подчеркивают растущий интерес со стороны стран ЕС к России, особенно со стороны Великобритании, Франции и Германии — в соперничестве за рынки и гигантские запасы нефти, констатируя при этом, что подобного места в экономике России не сможет занять Польша, которая в связи со своим геополитическим положением и структурой экономики должна стремиться к усилению своего присутствия в России. Либеральные публицисты часто критикуют утрату шансов на укрепление торгово-экономических контактов с Востоком, обращая внимание на разницу в представлении поляков о российском рынке и реальностью, что приводит некоторых авторов к утверждению о том, что польское знание российской реальности имеет ценность «историческую, но не торговую» «[27; 37; 33].

Либеральные публицисты часто напоминают о том, что в польском понимании в России слишком мало прагматизма, что

³ См. например: *Kacewicz M.* Moskiewskie Żabki // *Newsweek*. 2003. № 36; № 16; *Kacewicz M.* Powrót do świetności // *Newsweek*. 2002. № 5; *Kacewicz M.* Rosyjska ruletka // *Newsweek*. 2003. № 46; *Kacewicz M.* Wielki Petersburg // *Newsweek*. 2003. № 8; *Kacewicz M.* Zawód oligarcha // *Newsweek*. 2004. № 17; *Passent D.* Rosjanie nadchodzą: od Uralu po Atlantyk // *Polityka*. 2003. № 19; *Zaucha A.* Jaśnie pan obywatel // *Newsweek*. 2003. № 18.

компенсируется большим количеством эмоций и негативных стереотипов, что поляки должны демонстрировать большее понимание современных российских реалий [32].

Иногда в польской прессе появляются статьи, в которых авторы пытаются сводить исторические счеты, демонстрируют психологическую основу наших «антироссийских истерик»: «Образ зверской прожорливости и изворотливости России, — писал Ян Прокоп на страницах “Знака”, — навсегда вошел в польскую национальную мифологию. На пространстве всей своей истории Польша посылала сигналы страха и гордыни на Восток и верности — на Запад. И с обеих сторон, как волны эхолота, возвращались сигналы, удовлетворяющие наше национальное самолюбие: что мы выше Востока, мы более европейские, нежели Запад, как невинная жертва и как слушаемая, но обладающая горьким опытом и знанием Кассандра».

Также Ежи Борейша в 2004 г. на страницах «Газеты Выборчей» утверждал: «Границу Польши с Украиной, Белоруссией и Россией ежегодно пересекают в поисках работы сотни тысяч человек. Развитие экономического сотрудничества в больших и малых формах создает ощущение близости, взаимности. Семейные связи объединяют не сотни тысяч, но миллионы поляков и россиян»; «Польско-российские культурные, языковые связи — естественные или навязанные, — без сомнения, гораздо сильнее, чем с каким-либо западным или иным соседом». Давайте будем смотреть вперед, и пусть у нас появится политическая отвага не только в мышлении но и в действиях во имя укрепления наших связей с европейским Востоком» [6].

Пресса левой ориентации

Описывая образ России и россиян в польской левой прессе, я сосредоточусь прежде всего на ежедневнике «Трибуна», еженедельнике «Обзор» а также ежемесячнике «Сегодня», играющих важную роль в процессе формирования общественного мнения в сообществе, связанном с так называемым «по-

сткоммунистическим левым блоком», продвигающим концепцию «третьего пути».

Представляемые левой прессой комментарии ситуации в России принципиально не отличаются от таковых в либеральной прессе; можно только заметить, что в них присутствует относительно большое число статей, полемизирующих с негативным имиджем нашего восточного соседа. Объясняя причины возникновения негативного восприятия соседей, выражая понимание взаимных исторических претензий и не всегда удачных совместных контактов, издание «Сегодня» выражает надежду на скорейшее преодоление негативного и демонстрирует видение необходимости формирования таких контактов впредь на основе сотрудничества и партнерства — полностью на новых условиях.

Как правило, польская пресса левой ориентации представляет Россию как державу, в связи с которой в нашей ментальности и историческом сознании имеется много обид; страну, специфики которой мы не понимаем, которую несправедливо боимся. СССР и Россия не являются (вопреки демонической концепции мира, представляемой в правой прессе) империей зла, но прежде всего страной с трагичной историей, которая до сегодняшнего дня восстанавливает против себя целые народы.

В понимании левых публицистов Россия — это держава, старающаяся вырваться из кризиса, страна, которой требуется сильный вождь, могущий ликвидировать хаос предыдущих реформаторских лет эпохи Ельцина. Ссылаясь на западных экспертов, Анджей Валицки (который сам, без сомнения, является либералом) на страницах «Обзоров» расправился с польским мифом о хороших олигархах и злом Путине.

В левой прессе появляются также голоса, в которых звучит сомнение в «прогрессивности» политики Путина, возможности быстрой вестернизации России, ликвидации имперских амбиций, создания зрелой демократии. Адам Бартницкий писал: «На сегодняшний день главная проблема российского общества заключается в том, что оно с гораздо большей охотой смотрит назад, нежели вперед. Более важной для них

представляется некогда утраченная империя, нежели текущий процесс политической и экономической трансформации. Подчеркивается свое культурное отличие, та духовная культура, что всегда пробуждала особое уважение, но и беспокойство. Еще в самом начале 90-х годов люди боролись за демократическую Россию, теперь говорится только о России могучей» [3, s. 52]. Идея демократии была скомпрометирована коррупцией, преступностью, экономическим кризисом, бедностью и т. д. «Такие понятия, как “государство”, “право”, “порядок”, в российской демократии были заменены на личную свободу, свободу слова, экономический либерализм. В странах стабильной демократии все эти элементы функционируют вместе, но в России их значение размывается либо модифицируется» [3, s. 53].

Трудно убежать от истории, порвать с имиджем России — Большого Брата, «варварской страны», агрессора, — крепко укоренившимся в польской ментальности, литературе, политической мысли и традиции. Мы все еще не избавились от наследства — более чем двухсотлетнего багажа истории, появившегося на заре создания современной польской политической мысли и продолжающего играть значительную роль и сегодня. Восприятие России времен раздела Польши, когда польская политическая мысль должна была лавировать между Сциллой сохранения польского пути и Харибдой погружения в нереальный сон о возможности освобождения от ига агрессоров [31, s. 51]. Восприятие России межвоенного периода, балансирующей между политикой открытой конфронтации с «Коммуной» и тактическим союзом. Восприятие времен ПНР, находящееся в рамках сервизма по отношению к российскому суверену и антикоммунизма в национальных цветах или даже в более либеральном варианте. Мы наследуем комплект довольно подобных себе «российских» представлений, а также, будучи прямым их следствием — специфических политических программ и действий. Программа Пилсудского, воспринимавшего Россию и СССР как «врага Польши номер один, которого можно сразить ударом в его многонациональность, имперскую структуру, пропагандой лозунга (руководи-

мой или вдохновляемой поляками) борьбы народов с царизмом» и с большевиками [31, s. 52—61]. Политическая мысль так называемых «вильнюсских консерваторов» во главе со Станиславом Мацкевичем, показывающая еще более радикальное антироссийское понимание ситуации, предполагала и возможность опираться в конфронтации с Россией на Германию [31, s. 61]. Программа Романа Дмовского предлагала тактический союз с Россией и СССР, что мотивировалось не столько пророссийскими симпатиями, сколько видением главного врага Польши в немецком империализме. Созданная перед Первой мировой войной «словянофильская» программа (краковскими публицистами журнала «Славянский мир», например Феликсом Конечным) предусматривала возрождение России в антипрусском союзе с Англией и Францией [31, s. 56]. Программа демократической оппозиции в ПНР соединяла антикоммунизм и национализм плюс сильные антироссийские настроения (представляемые в том числе блоком KPN Лешека Мочульского), а также тех, кто исповедовал антикоммунизм с либеральных позиций, понимал роль Польши как посредника «между Москвой и Западом, и одновременно ключа Запада к России» [31, s. 66].

Какое видение России в Польше в конце концов победит? Существует ли шанс на изменение «запрограммированного в культуре» негативного имиджа России и россиянина в польской ментальности, политике, литературе, прессе? Остается надеяться на то, что в дискуссии на российскую тему все более маргинальную роль будут играть антироссийские сентименты и синдромы, но в большинстве окажутся люди, понимающие либо старающиеся понять российскую действительность, не бросающиеся обвинениями, видящие в России равноправного члена *общего европейского дома*.

Список литературы

1. *Andrusiewicz J. Między Janem a Iwanem. Uwagi o historii stosunków polsko-rosyjskich // Dziś. 2000. № 4.*

2. Antczak R., Ciosek S., Magdziak-Miszewska A., Pomianowski J., Przebinda G., Sienkiewicz B., Bratkowski S., Popowski S. Rosyjska choroba // Rzeczpospolita. 1998. № 288.
3. Bartnicki R. Specyfika władzy w Rosji // Dziś. 2000. № 11.
4. Bezprizorni ze Świętej Siekiery, «Najwyższy Czas» 24.03.2001 i Wymierający Wschód // Głos. 11.09.1999, za: J. Skubiszewska, op. cit.
5. Bohaterowie zwykłych Rosjan // Głos. 11.09.1999, za: J. Skubiszewska, op. cit.
6. Borejsza J.W. Po nocy Walpurgii // Gazeta Wyborcza. 2004. № 148.
7. Bójko L. Rosja przed wyborem // Gazeta Wyborcza. 1990. № 52.
8. Bójko L. Takaja pamiat // Gazeta Wyborcza: Gazeta Łódzka. 1990. № 27.
9. Bójko L. Wszystko przegniło // Gazeta Wyborcza: Gazeta Łódzka. 1990. № 145.
10. Burak, L. Oktaba, Przyspieszenie z przeszkodami // Rzeczpospolita. 2002. № 135.
11. Cywiński B. Sieroty po imperium // Rzeczpospolita. 2002. № 121.
12. Geremek B. Mam nadzieję, że Putin pojedzie do Katynia // Rzeczpospolita. 2000. № 160.
13. Golec J. Polska a Rosja. Spojrzenie politologiczne // Dziś. 2000. № 10.
14. Grzelak W. Nazwy stare i nowe // Najwyższy Czas. 8.06.2002.
15. Gugulski M. Jaka Rosja przetrwa do 2045 roku? // Głos. 11.09.1999.
16. Kamiński J. C. Chrześcijański nacjonalizm Solżenicyna // Myśl Polska. 29.04.-6.05.2001.
17. Kamiński S. Czy Rosja będzie z nami w NATO? // Gazeta Wyborcza. 2002. № 109.
18. Klimowicz T. Ostatni sprawiedliwy // Gazeta Wyborcza. 2003. № 284.
19. Kloczowski J. Koalicja SLD-PSL wobec Rosji // Arcana. 1996. № 5.
20. Kobeszko Ł. Eurazja, geopolityka, tradycja // Nowa Myśl Polska. 21.10.2001, za: J. Skubiszewska, op. cit.
21. Kowalski M. A. Rozciągał się przed nim Bajkał // Najwyższy Czas. 23.09.2001, za: J. Skubiszewska, op. cit.
22. Kurczab-Redlich K. Demokracja drugiej świeżości // Gazeta Wyborcza. 2002. № 22.
23. Kurczab-Redlich K., Demokracja z krwi i kości // Gazeta Wyborcza. 2003. № 101.
24. Kurczab-Redlich K. Śmierć w workach. Rosja: Najbardziej chroniona tajemnica Kremla // Polityka. 2002. № 23.

25. *Kurczab-Redlich K.* Urny wśród ruin. Rozmowa z Asłanem Maschadowem // *Polityka*. 2003. № 40.
26. *Łomanowski A.* Putinokracja // *Przekrój*. 2004. № 9.
27. *Łukaszewski J.* Patrząc na wschód // *Rzeczpospolita*. 2002. № 13.
28. *Macierewicz A.* Czy Rosja szpieguje w Polsce? // *Głos*. 8.04.2000.
29. *Myślik T.* Polityka wobec Rosji. Drogi normalizacji // *Dziś*. 2000. № 46.
30. *Nowak A.* Pokusy rosyjskiej geopolityki // *Arcana*. 2002. № 44.
31. *Nowak A.* Rosja w polskiej myśli politycznej w XX wieku: materiał do refleksji // *Arcana*. 1996. № 10.
32. *Ostrowski M.* Jednak cieplej // *Polityka*. 2002. № 3.
33. *Popowski S.* Plecami do Wschodu // *Rzeczpospolita*. 2000. № 141.
34. *Popowski S.* Czekać na otwarcie // *Rzeczpospolita*. 2000. № 271.
35. *Prokop J.* Czy zamurować Rosję? // *Znak*. 1994. № 1.
36. *Raczyński Z.* 12 prac Putina // *Polityka*. 2000. № 5.
37. *Reszka P.* Kurtuazja czy przełom? // *Rzeczpospolita*. 2002. № 12.
38. *Rękas K.* Nastaje czas pokoju // *Myśl Polska*. 18.02.2001.
39. *Rękas K.* Czeczeńska pułapka // *Myśl Polska*. 1.02.1998; Prawda o Czeczenii // *Myśl Polska*. 16.01.2000.
40. *Siergiejczyk P.* Koszerna Rosja // *Nasza Polska*. 21.10.1998.
41. *Skubiszewska J.* Wizerunek Rosji i Rosjan w polskiej prasie prawicowej — utrwalone stereotypy // *Dusza polska i rosyjska*, red. A. de Lazari i R. Bäcker. Łódź, 2003.
42. *Terlikowski T.P.* Car Władimir // *Nowe Państwo*. 2004. № 1.
43. *Unger L.* Rosja a la carte // *Gazeta Wyborcza*. 2002. № 11.
44. *Wielowieyski A.* Kierunek Wschód // *Gazeta Wyborcza*. 2004. № 137.
45. *Walicki A.* O Rosji — wbrew naszym stereotypom // *Przegląd*. 2002. № 2.
46. *Walicki A.* Rosja Putina a polityka polska // *Przegląd*. 2004. № 9.
47. *Ziemkiewicz A.R.* Gospodarka imperialna // *Rzeczpospolita*. 2002. № 14.
48. *Ziemiński W.* Katechizm niepodległości // *Głos*. 8.04.2000.
49. *Żebrowska A.* Gorzej już było. Rozmowa z Georgijem Władimowem // *Gazeta Wyborcza: Magazyn*. 2001. № 5.

Пер. с польск. И. Жуковского.

Раздел 4
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. ИНИЦИАТИВЫ
ПО РЕГИОНАЛИСТИКЕ И МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНО-
ШЕНИЯМ

С.С. Судаков, А.Л. Борисенко
(Москва, Россия)

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) учреждена 22 декабря 1999 г. Президентом РАМИ является ректор МГИМО (У) МИД России, член-корреспондент РАН А.В. Торкунов. Ассоциация — одна из наиболее активных членов национальных ассоциаций по изучению международных отношений, входящих в International Studies Association (ISA).

Цель Ассоциации — *сохранение и развитие лучших традиций в исследовании проблем международных отношений и преподавании соответствующих учебных дисциплин*. Ассоциация ставит перед собой задачи поддержания и развития высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развитие профессиональных контактов с аналогичными зарубежными и международными ассоциациями, установление тесных связей между исследователями и преподавателями, работающими в области международных отношений и мировой политики.

В настоящий момент членами Ассоциации являются 333 человека в 36 городах России и 7 странах. Постоянно увели-

чивается количество заявок на вступление в РАМИ. В этом контексте Ассоциация отличается от других профессиональных сообществ — в РАМИ нет членских взносов, но при этом существует налаженный строгий отбор кандидатов. Так, членом РАМИ становится в среднем только каждый третий заявитель.

С момента создания РАМИ проводила и принимала участие в организации и работе целого ряда международных симпозиумов, конференций, форумов, научных и образовательных семинаров и «круглых столов». В сотрудничестве с ISA проведены три крупных международных конвента по проблемам российской внешней политики и международных отношений. Изданы печатная и электронная версии материалов первых двух конвентов. Вышел из печати сборник «Международные экономические отношения в эпоху глобализации», составленный по итогам 3-го конвента Российской ассоциации международных исследований «Внешнеполитический процесс в России: приоритеты и стратегии, участники и эффективность», который проходил 21—22 мая 2004 г. в Москве.

С весны 2005 г. Ассоциация начала кампанию по созданию своих региональных представительств; 29 апреля 2005 г. в Калининграде состоялась церемония подписания протокола о намерениях между Российской ассоциацией международных исследований и Российским государственным университетом им. И. Канта (бывший Калининградский государственный университет) по созданию Балтийского отделения РАМИ. Протокол подписали вице-президент РАМИ А.Ю. Мельвиль и А.П. Клемешев, ректор РГУ им. И. Канта. Открытие региональных отделений Ассоциации даст возможность исследователям в регионах интегрироваться в общероссийское сообщество международников посредством участия в совместных межрегиональных и международных научных программах и проектах. Представительство Ассоциации в Калининграде призвано расширить сотрудничество с существующими в российском эксклаве квалифицированными коллективами научных сотрудников, труды которых в области проблем мировой

политики и международных отношений сегодня имеют общероссийское признание и авторитет.

В мае этого года состоялась церемония подписания протокола о намерениях между РАМИ и Томским государственным университетом (ТГУ) по созданию Сибирского отделения Ассоциации в Томске.

Российская ассоциация международных исследований издает бюллетень «Вестник РАМИ», а также в сотрудничестве с Российской ассоциацией политической науки (РАПН) участвует в издании научного журнала «Космополис».

РАМИ активно развивает свои Интернет-ресурсы, комплекс которых представлен на веб-сайте Ассоциации (<http://www.risa.ru>).

Л.В. Сыроватко
(Калининград, Россия)

ПРОЕКТ «ОДНОСЕЛЬЧАНЕ»: НАРОДНАЯ ПОВЕСТЬ

Весной — летом юбилейного года в Славском, Краснознаменском, Нестеровском, Черняховском районах Калининградской области прошли встречи, а также выставки фотографий и документов из личных архивов в рамках проекта «Односельчане» (координатор проекта — Центр «Молодежь за свободу слова, финансовая поддержка — благотворительный фонд «Точка опоры»). На местах выставки и встречи организовывали работники сельских клубов, школ, библиотек: Э.В. Арустамян (Гастеллово), Г.И. Киселева (Кубановка), Д.Ю. Кулагин (Бабушкино), Е.Л. Павлова (Бережковское), И.П. Тинкович (Глушково). Особо хочется отметить целую учительскую династию из Неманского. Начинала подготовку замечательной встречи «История поселка в лицах» Галина Васильевна Шавкунова, а после ее смерти продолжили начатое дочь и зять.

Большую помощь в проведении проекта оказали Черняховская и Зеленоградская централизованные библиотечные системы.

Помимо взрослых принимали участие в проекте и школьники: они интервьюировали односельчан, составляли родовые словные своих семей, помогали оформлять выставки, участвовали в викторинах по истории поселка, писали сочинения на основе документального материала о своих предках. Связь поколений и участие молодых в сборе и фиксации уникального и, увы, часто исчезающего бесследно человеческого, семейного наследия — цель проекта. Девизом его можно было бы считать слова известного в 1970-е — 1980-е гг. публициста Евгения Богата, неутомимого труженика живой истории: «Я мечтаю о том, что когда-нибудь станет возможно записать жизнь каждого человека. Составится новая книжная серия — Жизнь Незамечательных Людей. И тогда все увидят: незамечательных людей нет».

Возможно, селяне с Евгением Богатом не согласились бы. О своей жизни рассказывают они просто, без пафоса, искренне не видят в ней ничего замечательного, выдающимися истории свои личные не считают — сливаются были в одну народную повесть, горькую и светлую.

Трудились от зари до зари. Механизаторы в страдную пору заливали полные баки (300 литров) горючего и не заканчивали работу, пока не сжигали все топливо. Доярки вставали за час до рассвета (летом — в три-четыре часа утра). Дети не отставали от взрослых, работали безотказно везде, куда пошлют: и на прополке свеклы, капусты, помидоров, и на сенокосе, и прицепщиками при уборке зерна (совсем старых людей или десятилеток привязывали, чтобы невзначай не упали). А еще дети приглядывали за младшими в семье, выполняли домашнюю работу. Один выходной (хорошо если и он выпадал). На декретный отпуск — три дня. Женщины боялись потратить эти заветные три дня «раньше времени», уже на сносях выходили на работу, случалось, рожали во время дойки или на полевом стане («Уже воды отошли, ребенок лезет — девочка ро-

дидась — а она его кулаком: куды, дай корову додою! Так, на ведре сидя, и родила», — рассказывали о подруге бабушки из деревни Глушково Черняховского района).

Этот постоянный, на предельном напряжении сил, труд воспринимался как должное. Как и бедность. До середины пятидесятых платили «палочками», расчет производился в конце года, и оспаривать не проставленные по какой-либо причине трудодни было бесполезно. Взимали налог с хозяйства. Если платить было нечем, сборщики забирали что получше из дома — платье, костюм, посуду, а то и лоскутное одеяло с колыбели (свидетельство очевидцев из Бабушкино Нестеровского района). Если, случалось, в совхоз или колхоз приезжал фотограф, сельские модницы собирали наряд по частям, занимая друг у друга «для карточки» то блузку, то носочки, то шарфик. Так и мелькает какой-нибудь наряд из марлевки, парашютного шелка, а если повезет — штапельное платье в клетку из кадра в кадр: кто выше ростом и покрупнее, тот не застегивает на спине, кто щупленький и невысокий, подкалывает булавками. На танцы ходили босиком, порой по четыре-шесть километров, несли в руках величайшую ценность — побеленные зубным порошком полотняные тапочки. На подходе к клубу мыли ноги в речке, обувались, прихорашивались. Боялись в сумерки наступить в гудрон — тогда о танцах приходилось забыть: босых грязных ног стыдились. Случалось деревенским красавицам при понимающем председателе приторговывать молоком или щавелем в городе. Заговаривали с ними городские щеголи, солдаты из расквартированных поблизости частей и диву давались: почему, такие бойкие, складные, стесняются они выйти из-за прилавка? А все по той же причине: старенькие юбки и босые, загрубевшие или посеченные-посбитые в кровь ноги.

Приехавшие первыми вспоминают голод 1946 года, когда ели прошлогоднюю мерзлую картошку да откапывали из могильников палых лошадей (лежавших порой бок о бок с немцами, которые и указывали, где можно найти такую «еду»). В Заовражном Черняховского района вспоминают, как немцы («они тут добрые были, небогатые; в политике ничего не по-

нимали, почему война идет, плохо разбирались. Малограмотные, работающие люди, большей частью старики. Молодежь вся ушла, а эти остались, думали, что разрешат им дожить в родном гнезде») уговаривали русских в голодное время есть устриц и показывали, как это делается: питательно-де и вкусно. Но к этой пище не привыкли: «гадко было». Зато «спасли нас травы». Особенно хвалили местную лебеду — будто бы пышной она, сочнее, чем в России и на Украине (те, кто приехал в возрасте 16—20 лет, помнят страшный голод 1930-х). Сколько повседневных детских трагедий связано с вечным недоеданием! Вот мать, уходя на работу, поставила в сени — остывать — «колобушечку» из картофельной шелухи, лебеды и горсточки грубо смолотого зерна. Старшей дочери наказала приглядывать. А той самой нет десяти, а на руках еще младший братишка и годовалый младенец, для которого держали козу. Коза-то та по недогляду девочки каким-то образом дотянулась до колобка и съела. Девочка убежала в шумигу (что-то вроде проса) и там спряталась, искали всем селом — не хотела выходить. Не потому, что боялась наказания, а от стыда: как смотреть в глаза усталым и голодным взрослым, лишившимся обеда? Этот давний — 1933 года — случай до сих пор хранит память Марии Силантьевны Середовой из села Гастеллово Славского района. История Марии Силантьевны самая что ни на есть типичная: многодетная семья (три сына, пять дочерей). Отец, Сила Елисеевич, и два старших сына — Степан и Григорий — не вернулись с войны. Дом был разрушен. Вот и пришлось оставить родное село Гусарку. Мать, Анна Кузьминична, трагически погибла уже на новой родине, в Калининградской области. Мария Силантьевна, старшая, стала главой семьи.

Но чаще всего вспоминают все же не такое. Прошлое кажется радостным и счастливым, исполненным смысла; у всех, с кем беседовали, рефреном одни и те же слова: «Нам было проще, сейчас — тяжелее». Почему же? А вот почему: «Чувствовали плечо друг друга, если помочь — звать не надо было. У всех все — последнее, а всем делились. Гостя без угощения

не отпускали. Я на пенсии уже почтальоном работала, так кто моего поколения, без чая не оставят. Молодые-то не все так, есть кто сразу — еще за порог не ступишь — сымай обувь, не наследди»; «Люди были честные, дома не запирали, а сейчас банку консервов за окно не выставишь — украдут»; «У нас был очень хороший председатель: разрешал излишки молока продавать в городе. Тогда за это сильно мог он пострадать. Но не нашлось в селе злого человека, никто не донес»; «Как мы веселились, как пели! Остается от дня два часочка, поспать бы — ан нет, соберемся, и гармошка, и мандолина, и гитара, и бубен, и барабан! Поем песни, частушки прям на ходу слагаем, а хохочем — рты не закрываются! На душе лѣгко, а тело — словно и не работали, как после баньки!»; «Эх, какие красивые люди были, какие лица, стать! Едем мы сюда. Вот поезд остановится, первыми выходят отцы — у кого с фронта они пришли. Вот они выходят — в форме, в гимнастерках там, с медалями, у кого есть, — ну, лет им по 35—40 — и не было их краше. Весь эшелон смотрит, глаз не отвести!»

Поразительная черта деревенских русских людей — отходчивость, незлобивость. Не сговариваясь, многие начинали рассказы о войне с утверждения: «Не немцы виноваты, они что? Их послали, они — люди подневольные. Были и среди них хорошие». И говорят так не только те, которые действительно сталкивались с добрыми людьми, но и те, кого гнали в страшный мороз 1943 года, без еды, без остановки, более семидесяти километров перед отступающими оккупантами как живое прикрытие — отстающих убивали (об этом рассказывали в Неманском Краснознаменского района), кто бежал из немецкого лагеря для перемещенных лиц, где в том же переломном 1943-м начались ежедневные расстрелы ослабевших (записано в Гастеллово Славского района). В Курской области немцы стояли около года. И вот что запомнилось местным жителям: «Зимой возили они двух своих убитых за собой. Спросили их: зачем так делаете вы? Почему не схороните? — Ответили нам: мы ждем, чтобы много было, тогда будем делать большую могилу, и она не потеряется. — А мама наша запла-

кала, говорит: «А как там мой? Может, лежит где убитый? Как-то его похоронят? Кто над ним поплачет?» В нашей деревне многие пропали без вести. И семьи их никаких льгот не имели. А чем он виноват, солдат-то? Может, и не видел никто, как он погиб. Может, он под себя гранату геройски положил, и пылинки от него не осталось. А его считали словно бы предателем». (Записано в Заовражном Черняховского района.) «Мы (речь идет о нынешнем Нестеровском районе. — Л.С.) на границе — тут большие бои были. В каждом почти дворе могилка была. Столбик с фамилией химическим карандашом или просто фанерная дощечка. Потом, лет пять после войны прошло или больше, стали делать братскую могилу, в одно место свозить. Больше двух тысяч человек получилось. Но я думаю, это не все захоронения были. Нам казалось, их больше... А сколько трупов непогребенных лежало. И не все из них были немцы» (Бабушкино). Горько это слышать: невысока цена жизни в России. Так было. И так, увы, есть...

И особенно горько, когда задают вопросы, на которые ответить — нечего. «Был у нас совхоз — миллионер. Первая бригада — тысяча двести голов скота. Вторая — восемьсот. Третья — восемьсот. И какой скот! Коровы немецкой породы, удошные, молоко сладкое. Как началась перестройка, прислали нового председателя, — не успели оглянуться, всех коров под нож пустил, земли пахотные огорожены, начал кто-то коттеджи строить. Мы — судиться, а нам говорят: все по закону, вы не совхоз, а ЗАО. А нам то ЗАО, или совхоз, или еще что до сих пор по 30—40 тысяч должен. Молодежь уезжает, работы нет, все разваливается. Сколько труда пропало! Почему? Для чего же мы жили? За что ж так с нами — дедов в колхозы-совхозы палками, только-только зажили, попривыкли, те совхозы долой? Что ж мы, не люди, навоз?» «Раньше — в шестидесятые, семидесятые — тонну молока сдавали заготконторам за несколько рублей. Тонну свеклы — за копейки. Иной раз осерчаешь — хоть выливай. Вот как труд наш ценят. Помидоры раз уродились, красота! Да только во многих хозяйствах они уродились. Были, наверное, области и без помидоров, да

никто их туда не возил. На рынок — следят: ни-ни-ни! Борются, значит, с частником. А заготовители так цену сбили, что возить их — больше бензина нажжешь. Что смогли, переработали сами, а остальное... Эх, вспомнить горько! Запахали! Земля красная, трактористы с ног до головы — как в крови. Так то и была кровь наша: сажали — руками, пололи-ухаживали — руками. И сейчас не лучше. Сколько в городе литр молока-то стоит? Как это они называют — «нормализованного»? Рублей пятнадцать-то стоит? А у нас цельное принимают — три восемьдесят литр. Вода питьевая в магазине в три раза дороже. Что ж мы коров-то держим? Или мы патриоты, или мы дураки?»; «Бросили нас. Никому мы не нужны. По сорок-пятьдесят лет в совхозе робили. Окривели, огорбатились... Хорошо кому инвалида дали, для пензии. А нам говорят: не ветераны вы. Где ваши награды? Нет наград? А какие награды, кто о наградах думал? Думали, как хлеб убрать, как сено успеть выкосить-высушить, пока ведро, что дома дети сидять, и что они делают, пока ты робишь, и чем вечерять будут, когда ничего нет. Почто ж нас так обидели? Че мы не так, мобуть, сделали?»

Когда ехали сюда в таких же вагонах, в каких в этом же эшелоне везли свой скот, и подумать не могли, что повторится это пятьдесят лет спустя, в новой, казалось бы, такой благополучной жизни. А вот и повторилось: переселенцы 1990-х ехали точно так же, оставляя нажитое добро, тревожась: как-то встретят на новом месте? Вот только подъемных уже не давали, устраиваться на новом месте не помогали: «каждый сам за себя», да еще сложности с оформлением гражданства... На встрече в Кубановском сельском клубе рассказывали о поневоле кочевой своей жизни: многие попали в Казахстан или Киргизию «по этапу». Даже не как «враги народа» — как «народ врагов». Так случилось с русскими немцами, с лезгинами. Лезгин привезли в степь, буквально на голое место; говорят-де, что умеете сажать сады. Ну так и сажайте сады, создавайте оазис. Создали — чтобы в 1994-м покинуть, даже не понимая, почему: «Киргизские кланы друг на друга восстали; при одном

разрешали нам продавать персики, виноград, а при другом стали все отнимать и перепродавать втретодорога. Разорить грозились. Дома не покупали — и так бросите. С самими-то киргизами мы жили мирно, да что они? Люди подневольные».

Это, пожалуй, еще одна черта народной повести, кто бы ее ни рассказывал: оказавшись лицом к лицу, люди видят, как распадается образ врага, становится пустым призраком. Приехавшие сюда в 1946-м в большинстве своем отделяли «фрицев» от тех немцев, с которыми год, два, а то и три пришлось жить бок о бок. Первых — ненавидели, вторых — жалели, порой привязывались, как к членам семьи, старались спрятать при выселении. Когда в «железном занавесе» появились «пробойны», пытались даже отыскать «своих немцев». Владимир Петрович Сазонов из Заовражного вспоминает, как в Курской области на постое во время оккупации был у них немец «лет сорока», который помогал оставшейся без отца (он был на фронте) семье как мог из своего пайка и все время рассказывал (неплохо знал по-русски) о своей жене и трех детях: «Я тут чужих отцов убиваю, а они там без меня. Подлец Гитлер!» Когда стали отступать, загрустил немец: чувствовал, что скоро убьют. Десятилетний Володя предложил ему спрятаться в подполе и, когда война кончится, вернуться к семье. Тот отказался: «Меня расстреляют как дезертира и вас всех расстреляют», — но, растроганный, оставил двух лошадей, списав их как павших. «Меня он любил за то, что я лошажник. И лошадок любил, переживал, что на смерть таких красавиц везут. Самых любимых мне доверил. Думал: они мне с мамой помогут, а я им помогу. А лошадок у меня украли... Соседи забили на мясо. Не доглядел...» Владимир Петрович уверен, что постоялец их вскоре погиб, и переживает до сих пор, что не выполнил его завещания. Евгения Федоровна Тихомирова из Гастеллово приглашала жить к себе в дом дочь того, кто в 1926 году его построил, готова была даже выселиться, словно забыв о том, что собственный ее дом в России разрушили: «То были другие немцы». С немецкой своей «однодомницей» они теперь в переписке, та, конечно, переселиться не стала, но ре-

гулярно приезжает на бывшую родину. В родной дом, где выросла, родила и вырастила детей ее русская ровесница. Переселенцы 1996 года настаивают: в их судьбе виноваты неведомые им «бандиты», «подстрекатели», «разжигатели», а не соседи, с которыми общий забор.

Самое важное, что это, наверное, правда. И правда то, что истории простых людей, о которых ты знаешь: так было, разрушают тщательно выстроенные, извращенно-логичные теории, превращающие соседа, с которым преломляли хлеб за одним столом, в инородца. В чужого. Во врага.

Одним из итогов проекта станет книга, основанная на материалах интервью, в которой будут воспроизведены фотографии из личных архивов односельчан. Тридцать факсимильных воспроизведений наиболее интересных фотодокументов представлены на выставке в библиотеке им. Чехова (Калининград). Осенью 2005 года она переедет в Черняховскую, а затем Зеленоградскую ЦБС.

Взгляните в эти лица. Посмотрите на эти узловатые, кряжистые руки.

Не ругайте их. Не возлагайте на них ответственность за то, что получилось не так. На их веку ответственности и так было слишком много.

Это мы перед ними в долгу.

А.Г. Баташев
(Москва, Россия)

«МЕЖДУНАРОДНИК. РУ».
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРОЕКТА

Идея создать портал «Международник. Ру» возникла осенью 2003 г. Возможно, точкой отсчета следует считать празднование 60-летия факультета международных отношений МГИМО (У) МИД РФ.

После долгих лет разлуки я вновь переступил порог родного института: здесь многое изменилось, но сам дух оптимизма

и атмосфера старта остались прежними. Радость от общения со знакомыми, огромный поток информации и новостей, яркие впечатления — все это подхлестнуло мой интерес к институтской жизни. На следующий день я набрал в Интернете адреса МГИМО, Ассоциации выпускников МГИМО, РАМИ, прочих сайтов... Мне хотелось узнать о том, что же происходило в alma mater за последние годы. Информации же было не так много, а хотелось цельной картины. Такую панораму могла представить наша институтская газета «Международник», которая уже более сорока лет является верным другом для все новых поколений студентов и преподавателей.

Я бережно хранил все номера «Международника», которые исправно покупал с момента поступления в 1993 г. Сначала это были черно-белые выпуски на простой газетной бумаге, но со второй половины 90-х газета стала издаваться в качественном, красивом глянце. Любовь к «Международнику» мне привила Зара Мигранян: она брала интервью у первокурсников, поступивших в МГИМО через программу «Умники и умницы». В том числе она беседовала и со мной — как с человеком, который телеолимпиаду проиграл, но смог поступить в институт собственными силами. Это было первое в моей жизни интервью.

Сколько раз в ходе «генеральных уборок» был соблазн выбросить это собрание старых газет, но что-то меня удерживало, не позволяло. И, как оказывается, не зря... Сейчас забавно листать эту подборку и видеть, как преобразаются люди. Худенькие безусые юноши и хрупкие девчата, тогдашние студенты, теперь — солидные мужчины и прекрасные женщины. У большинства уже есть семьи, подрастают дети. Почти каждый сделал удивительную карьеру и нашел свое место в жизни. А ведь это люди, с кем еще вчера на последний рубль покупали в буфете чай, пили пиво в общежитии, сидели за одним столом на лекции. С кем-то судьба свела намного позже, поэтому статья из прошлого, на которую тогда при прочтении и не обратил особенного внимания, теперь обретает глубокий смысл, вызывает радостный трепет и восторг.

На сайте МГИМО в разделе «Общественная жизнь» мне удалось найти краткую презентацию «Международника», но, к сожалению, электронной версии у газеты не было. Возникла мысль проверить, а занято ли доменное имя mezhdunarodnik.ru. Оказалось, что свободно. На следующий день домен был зарегистрирован. И началась работа.

В рамках сайта мне хотелось создать универсальный инструмент для общения экспертов-международников. Где теория напрямую соприкасается с практикой, а любознательность студента — с опытом профессионалов, где можно генерировать и обсуждать идеи, решать прикладные задачи.

На пути к вершине

Долгие годы у меня была мечта — создать электронный журнал. Иногда казалось, что до ее осуществления рукой подать. Но мешали два фактора: загруженность по основной работе и нехватка финансов. Помню, мне очень хотелось спасти от закрытия «Русский Дедлайн» — замечательный Интернет-журнал, входивший в 1999 г. в первую пятерку информационных ресурсов Рунета. От «Дедлайна» ушел спонсор, проект закрылся. Но даже без гонимых авторы «Дедлайна» еще долгое время присылали в него статьи, поддерживая жизнь сайта. Потом проект закрылся окончательно. Мне тогда, к сожалению, не удалось найти инвестора, а владелец сайта не принял моего плана вывода ресурса из кризиса.

Но был и успешный опыт. В 2000 г. я работал в команде создателей электронной библиотеки «Public.Ru» — уникального проекта, когда была отсканирована и загружена в поисковую систему вся российская периодика с 1990 г. по сей день (более 600 изданий). Это позволяло в считанные секунды находить поистине уникальную информацию. Затем около года был главным редактором сайта «Медиасоюза». Последние пять лет я ежедневно проводил в сети не менее 12 часов в день (не считая, правда, частых командировок в регионы). Перед моими глазами прошли сотни web-проектов. Где-то я писал

авторские статьи и комментарии («Русский журнал», «Утро. Ру»), где-то участвовал в дискуссиях на форумах, куда-то регулярно ходил смотреть информацию, использовать полезные сервисы или просто отдыхать. Подспудно оценивал сильные и слабые стороны проектов, лучшее попытался использовать на «Международник. Ру».

Формула успеха

Богатый опыт жизни в сети, анализ достижений и ошибок (как собственных, так и чужих) позволил мне выработать четкое понимание того, каким должен быть успешный Интернет-проект. Здесь есть четыре главных составляющих: концептуальная, логико-техническая, психологическая, финансовая.

1. Концепция важна, поскольку только после ее подготовки программисты смогут приступить к созданию ресурса. Как художнику перед написанием картины важно в общих чертах представить будущее полотно, а писателю книгу, так и веб-творцу нужно представить сайт. Его цели и задачи, его уникальность, то чем данный ресурс сможет быть полезным и интересным для пользователя: здесь крайне важно «попасть в струю», предвосхитить тенденцию.

Конечно, итоговый продукт будет существенно отличаться от того, чем он представлялся на бумаге. Это как герои книг, которые в процессе их написания начинают жить собственной жизнью. Автору тут ничего не остается, как описывать явления, которые от него мало зависят. Он вправе навязать героям свою точку зрения, но жизнь все расставляет на свои места. Сайт обретает собственное лицо, начинает жить отдельной от автора жизнью. Творец может лишь совершенствовать его, добавлять штрихи, но не в силах перебороть существо, в которое эволюционировала его концепция. Как родитель-творец может воспитывать ребенка, образовывать, внушать, «что такое хорошо и что такое плохо», но у малыша уже свое четкое «я», собственный яркий мир, своя отдельная, пусть и хрупкая жизнь.

2. Логико-техническая часть — это фундамент проекта. Еще на уровне концепции нужно расположить материалы сайта логично: пользователю должно хватить одного взгляда (или минимальных усилий), чтобы понять, где что лежит. На деле это не так уж и просто: Интернет-ресурсы многих солидных организаций грешат своей сложностью, запутанностью, неправильной расстановкой приоритетов. И хотя они хранят много полезной информации, она превращается в мертвый груз, ибо ее невозможно найти. А пользователь уходит на другой сайт.

В сайтостроительстве есть много опций — стандартных для большинства Интернет-ресурсов. Сейчас не удивишь форумом или информационной лентой. Однако есть ряд технических решений, ориентированных на удобство и комфорт для рядового посетителя. Для каждой опции сайта отбирался прототип из наиболее удачных аналогичных решений в других web-ресурсах, далее пример творчески дорабатывался и адаптировался под нужды «Международник. Ру».

Перед командой программистов стояла и другая задача. Обновлять и редактировать ресурс должно быть по силам любому опытному пользователю Интернета с обычного компьютера. Разумеется, при наличии админского пароля. Это важно, поскольку содержание проекта должно зависеть от редакции, а не от системного администратора. При этом все концептуальное многообразие и сложность нужно технически уложить в простые алгоритмы действий. Полная автоматизация админской программы позволяет редакции оперативно реагировать на события, не тратя драгоценное время на глубокую техническую подготовку контента. Так же решается проблема «битых ссылок», столь острая для ряда информационных проектов.

Если подходить формально, то удобство можно и игнорировать, главное, чтобы работало. Но удачное решение позволяет экономить время и внимание. На уровне сознания это вряд ли заметно, а подсознательно каждый стремится туда, где ему удобно, особенно в высококонкурентном пространстве

Интернета. Высокое качество программного обеспечения и безупречность логического построения контента, рассчитанные на потребности как пользователей, так и редакции, — залог выживания ресурса.

3. Психологическая составляющая — иначе говоря, ценностные ориентиры проекта. Они просты, но требуют жесткого следования. Прежде всего, это постоянство. У пользователя должна выработаться привычка каждый раз, заходя на сайт, получать новую востребованную информацию, ожидать ее.

Независимость — главный признак качественного ресурса. Это предполагает свободу для экспертов, аналитиков и журналистов выражать свою точку зрения. Редакция может помогать, задавать импульс, советовать, в каком направлении развивать идеи. Но не давить. При этом сама творческая редакционная группа должна работать автономно. Недопустим диктат со стороны владельца или чрезмерная привязка к отдельному спонсору. Задача творческой группы — укрепление рейтинга, борьба за читателя и авторов. Задача бизнеса — конвертация рейтинга в рекламные поступления.

Энтузиазм. Посещение сайта должно рождать у пользователя чувство гордости, а у авторов публикаций — значимости их труда, его непреходящей важности. Разделенные тысячами километров, читатели «Международник. Ру» должны почувствовать себя единой счастливой монолитной командой. Чтобы каждый мог сказать, что он тоже вложил частичку своей любви и души в общее дело.

4. Финансовая часть при правильной организации труда является опорной. Проекты такого уровня невозможно делать по совместительству с другими видами деятельности. Только полная самоотдача сотрудников редакции и менеджерской команды способны придать ресурсу необходимый разгон, чтобы вывести его на звездную орбиту.

Важно создать условия для материальной независимости проекта. Только рентабельность позволяет уверенно развивать сайт с прицелом на дальнюю перспективу.

Наука побеждает

Домен «Международник. Ру» был зарегистрирован 5 ноября 2003 г. В середине мая 2004 г. в сети появилась тестовая версия сайта. 1 июня 2004 г. заработала лента новостей и журнал. Вскоре тестовый режим незаметно перешел в рабочий, и уже в конце июня проект стал функционировать на полную мощность. Торжественную презентацию портала провели в октябре 2004 г., приурочив ее к празднованию 60-летнего юбилея МГИМО.

Сейчас, когда проект в сети и к нему начинает проявляться интерес со стороны профессионального сообщества, время пожинать плоды (но не почивать на лаврах). Время разделить лавры победы с теми, кто был рядом, когда портал создавался. Мне очень повезло встретить на своем жизненном пути Анатолия Владимировича Ковалева — уникального профессионала. Блестящий программист, он одновременно является политологом-международником (Институт США и Канады РАН) и работником медийной сферы (сотрудник Национальной ассоциации телерадиовещателей). По сути, г-н Ковалев — соавтор концепции и партнер данного проекта. Именно он руководил работой по созданию технической части сайта (с привлечением для подготовки дизайна специалистов компании Mart-design. ru и в части программного обеспечения команды Piar. Ru).

Многие выпускники МГИМО, которым мне довелось рассказывать о проекте, поддержали меня морально. Простые слова о том, что проект «Международник. Ру» представляется интересным, нужным и важным, заставляли идти вперед, преодолевая объективные трудности. Многие их советы и пожелания были использованы при создании концепции. Отдельно хотел бы подчеркнуть роль Марата Давлетбаева и Алексея Терентьева: в увлекательных беседах с ними еще в ноябре 2003 г. и родились очертания будущего портала. Огромную поддержку в деле создания портала оказала моя супруга Ильяна-Вероника Маринеску, тоже выпускница МГИМО — как моральную, поскольку активно приветствовала это начинание, так и организационную, выполняя на начальном этапе функции директора проекта.

Проект получил высокую оценку со стороны лидеров медиабизнеса. Так, основатель и владелец ИД «Провинция» Борис Абрамович Гиллер, которому (на тот момент моему работодателю) я показал идею портала, охарактеризовал ее одним словом: «Гениально». По сути, этот эпитет из уст одного из самых успешных медиаменеджеров России, очень талантливого и креативного, но в то же время жесткого и требовательно во всем, что касается работы, стал тем Рубиконом, перейдя который я смог уверенно сказать себе: «Проекту быть».

С теплотой и энтузиазмом отнесся к проекту Андрей Валерьевич Абраменко, пресс-секретарь МГИМО. У нас состоялся плодотворный диалог, как наилучшим образом использовать возможности создаваемого портала «Международник.Ру» для продвижения МГИМО как уникального научного и учебного центра всероссийского и мирового значения; как главной кузницы дипломатических кадров страны; как головного вуза России в области международного образования. Идея отсканировать архив институтской газеты «Международник» с момента ее основания в 1968 г., оцифровать фотографии и в обработанном виде выложить материал на сайт была признана очень важной для укрепления славных традиций МГИМО, постижения истории института. Требуется подчеркнуть масштабность задачи: оцифровка и заливка на сайт одного номера газеты требует 9—12 человеко-часов кропотливой работы. А количество номеров приближается к восьмистам. Иначе выражаясь, речь идет о двух годах каждодневного труда для одного специалиста.

В апреле 2004 г. была достигнута договоренность с известным политологическим порталом «Политология в России» (руководитель проекта Александр Елеазер, Санкт-Петербург) об объединении усилий и переходе данного сайта в информационное пространство «Международник.Ру». Теперь адрес «Политологии в России» <http://polit.mezhdunarodnik.ru>

История «Международник.Ру» началась. Несколько славных страниц уже написано, но главное, конечно, впереди...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барсукова Анна Владимировна, аспирантка кафедры зарубежной истории и международных отношений Российского государственного университета им. И. Канта, окончила исторический ф-т КГУ (2002); annabar01@mail.ru

Баташев Анатолий Геннадиевич, политолог, журналист. С июня 2004 г. — издатель и продюсер сайтов «Международник. Ру» и «Политология в России». Закончил МГИМО (У) МИД РФ. Редактор авторских программ Первого канала — «Здесь и сейчас» с Александром Любимовым, «Времена» с Владимиром Познером; batashev@mezhdunarodnik.ru

Борисенко Алексей Леонидович, руководитель проектного департамента Российской ассоциации международных исследований; borisenko@mgimo.ru

Вагнер Хельмут, политолог, профессор Свободного университета в Берлине; helwag00@yahoo.de

Дементьев Илья Олегович, кандидат исторических наук, ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений Российского государственного университета им. И. Канта. Окончил исторический ф-т КГУ (1997) и аспирантуру кафедры зарубежной истории КГУ (2000), Директор КРМОО Центр «Молодежь за свободу слова»; krmoо@mail.ru

Жаковска Магда, окончила факультет международных отношений и политических наук Университета в Лодзи. magdazakowska@hotmail.com

Жуковский Игорь Игоревич, администратор Балтийского межрегионального института общественных наук, член правления КРМОО Центр «Молодежь за свободу слова», координатор Клуба исследователей Балтийской Европы. Окончил исторический ф-т КГУ (2001) и аспирантуру кафедры истории России КГУ (2004); joukovski_igor@mail.ru

Кирчанов Максим Валерьевич, аспирант кафедры международных отношений и регионоведения факультета международных отношений Воронежского государственного университета. Окончил исторический ф-т ВГУ (2003); max_kirchanov@mail.ru

Козловский Николай Викторович, аспирант кафедры философии и культурологии Российского государственного университета им. И. Канта. Член правления КРМОО Центр «Молодежь за свободу слова». nik39@mail.ru

Кривдинский Мартин; политолог, научный сотрудник Центра исследований в социальных науках, Берлин, Германия; markrz@zedat.fu-berlin.de

Кузнецов Олег Борисович, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск), специалист в области современного конституционного права стран Центральной и Восточной Европы, международного публичного права. Окончил юридический факультет Белорусского государственного университета (1991); KouznetsovOleg@tut.by

Лундквист Юрген, руководитель муниципального образования Экеере (Аландские острова, Финляндия), гостевой лектор факультета международных отношений Санкт-Петербургского университета.

Марусяк Юрай, научный сотрудник Института политических наук словацкой академии наук. Эксперт в области партийно-политических систем стран Центральной и Восточной Европы; juraj.marusiak@savba.sk

Пономарев Артем Евгеньевич, аспирант кафедры социально-экономической географии и геополитики Российского государственного университета им. И. Канта; Ar_koennigg@mail.ru

Судаков Сергей Сергеевич, кандидат политических наук, ответственный секретарь Российской ассоциации международных исследований, доцент кафедры политической теории МГИМО (У) МИД РФ; sudakov@mgimo.ru

Сыроватко Лада Викторовна, кандидат педагогических наук, координатор проекта «Односельчане»; krgmo@mail.ru

Тарасов Илья Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии Саратовского государственного социально-экономического института. Окончил исторический факультет Саратовского государственного педагогического института (1998); ilja_tarasov@mail.ru

Телятник Павел Александрович, сотрудник отдела стратегического планирования УНИРа, Российского государственного университета им. И. Канта; pav-telyatnik@mail.ru

Научное издание

БАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Трансформация социальных и политических институтов

Сборник научных трудов

Выпуск 3

Ответственный редактор Игорь Игоревич Жуковский

Редактор Л.Г. Ванцева. Корректор Е.В. Владимирова
Оригинал-макет подготовлен Л.В. Семеновой

Подписано в печать 10.10.2005. Формат 60 x 90 1/16
Гарнитура «Таймс». Бумага для множительных аппаратов.
Ризограф. Усл. печ. л. 12,4. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 120 экз. Заказ

Издательство Российского государственного университета им. И. Канта,
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14